

А В Д Е Е В М И Х А И Л П Е Т Р О В И Ч

П Е Н З А – 2 0 1 1 г.

За нашу Советскую Родину!

« Как хорошо, мы плохо жили тогда...»

(Слова из спектакля, название которого я не имел чести запомнить)

Детям и внукам моим – посвящается.

ЧАСТЬ I

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЛИ О ТОМ, ПОЧЕМУ Я ВЛЯПАЛСЯ НЕ В СВОЕ ДЕЛО

Работа над автобиографией для внучки, невольно всколыхнула во мне массу воспоминаний, рассказывать о которых не входило в планы парадно-исторического жанра, который я избрал, приступая к творческим мукам.

Прошло чуть больше года и я ясно осознал, что без небольших рассказов о пустяках, без таких рисунков с натуры, картина моей жизни и нашего времени будет не верной. Об оборотной стороне медали или изнанке жизни обычно не пишут, это уносят с собой, оставляя на память глянцевые портреты героев дерзновенно штурмующих космос, выдающих на-гора тысячи тонн угля, стали или чего еще, на благо страны, народа, созидающий труд которых и определял основные вехи своего времени, уходящего в века. Но люди всегда остаются людьми, со всеми своими высокими духовными качествами, со всеми пороками, в творческих трудах и гнусных деяниях. Черное и белое, грязное и чистое, все вперемешку – это и есть Жизнь. Безусловно, государственная идеология с вытекающей из неё моралью и культурой влияют на жизнь людей, могут остановить, затормозить и даже на какое-то время повернуть её вспять, но в целом не могут изменить ход развития человеческой цивилизации и саму жизнь людей.

Сегодня в нашей стране нет идеологии, она отвергнута основным законом страны – Конституцией. Можно, конечно, снова предать анафеме Галилея, Ньютона, но истина, как и физические законы, остаются реальностью и будут действовать в мире, не зависимо от желания новой инквизиции. Отменили, запретили и что это дало? За не имением своей идеологии, живем по чужой. Растоптав и унизив свою Армию, делаем все, что бы кормить чужую. Это объективные законы существования и развития человеческого общества, если хотите, цивилизаций, от этого не уйти. Ни одна религиозная концепция не заменит государственную идеологию и уж тем более не поведет людей к поступательному развитию человечества (государства, общества). Только светский просветленный разум, основанный и учитывающий объективные законы развития природы, людей, а также материальных и духовных миров способны на чудо. Смешно слушать, когда в средствах массовых информаций, холуи нынешних «творцов» убеждают нас в обратном. И это ученые Российской академии наук, как они себя называют, еще два десятка лет назад на все лады распевали коммунистический псалтырь. Уверен, смени завтра хозяев, эти

академики петухами заголосят, но все в точности да наоборот, потребуют вернуть всех в мавзолей, восстановить памятники, название улиц и городов. А зачем спрашивается, было всё это трогать?. Стройте новые и называйте, как вам заблагорассудится. Но для этого же, их надо строить.... Разрушать большого ума не надо, но что останется после них..., если вообще что-то останется. А пока, чтобы народ не рассуждал, как я сейчас, не надо учить «Быдло» наукам. Лозунги момента нынче звучат: « Богам - просвещение, холопам – религия», « Россия вперед! В колонию рабов и автоматов ».

Об этом и о многом другом можно рассуждать сколько угодно долго, но жизнь идет, она продолжается, не смотря ни на что. Новые поколения будут вспоминать своё время, ну а наше, то плохое и ужасное, что оставило замечательные воспоминания о нашей уродливой жизни пусть узнают от нас. Да мы были такими, какими нас сделало наше время – « Коль ангелы жили в душах, то и черти гнездились в нас», перефразировав С.Есенина, повторю истину.

Нового, я ничего не скажу, все это или подобное уже было и повторяется, как минимум в тысячный раз на нашей земле. Да и меня, в шестьдесят лет, уже трудно чем-то удивить и тем не менее, порой удивляюсь, казалось бы простому и очевидному. Вот ведь знаю, что не любят у нас в России тех, кто хоть чем-то выделяется, хочет показать себя, а всё пытаюсь. Прошу не путать с простым русским словом –« выпендривается», это удел только богатых и сильных мира сего.

Вот, например, купил я заброшенную, старую дачку, привел в порядок, раскрасил как пасхальное яичко и что вы думаете, спалили в итоге. Построил на пепелище железный сарай, как у всех и даже хуже – молчат....

Сегодня строят дворцы, да, но время другое и те, кто их строит, к народу не относятся, это уже не простые смертные, это неприкасаемые, им все можно. Все должно быть по чину и рангу и не более того. Что поделаешь Россия. Такие вот мы россияне – простые и сложные. Опять же, к примеру, написал я автобиографию. Старался быть предельно правдивым и объективным, внучке на память, чтобы корни свои знала и помнила. Отправил внучке, родным, близким, а затем, приписав, что это о себе, о нас и о нашем времени, друзьям и знакомым. И что вы думаете?. Родные приняли с восторгом, еще бы, это их родословная, из которой они многое узнали впервые. Знакомые, а особенно их жены - ахали и хвалили: «вот бы нам так, а то умрём, а когда дети и внуки созреют, то уже ни от кого и ничего не узнают, как в свое время мы сами. Обидно, но мы уже и сейчас не знаем практически ничего даже о своих родителях» - в голос повторяли все. Короче молодец я, правильно и вовремя все сделал.

Удивила реакция некоторых друзей, - ни какая- « все замерло вдруг до рассвета...». Сто пудов знаю, что прочитали, причем пристально, но молчат.... Решил кое- кому задать вопрос прямо в лоб. Может я по службе, что лишнее на себя взял. Да нет, соглашаются они, все было именно так, как написано. Против правды не попрешь, тем более многие из них были в то время рядом и даже участниками описываемых событий. В итоге понял, опять Авдеев высунулся из строя. Не по чину, был бы генерал или Голубых кровей – это другое дело, а так, двоечник в школе, собутыльник в гаражах и вдруг такое - в писатели подался. Друг детства – Витька «Яганчик» и тот молчал, молчал, а потом спросил, - кого я в редакторы нанимал. Не поверил, что все сам и дублёров по жизни не имел.

Вышло поделился, на свою голову. Зато уж точно понял, что получилось у меня весьма и весьма прилично. Если бы наоборот – радовались вместе. Пороки наши – по-прежнему с нами, вечные и свои – доморощенные. Сопят во все дырочки мои друзья, но и пусть посопят, я хоть и был в овечьем стаде, но думается мне - козлом. Героем не был, но по жизни всегда шел с высоко поднятой головой и открытым забралом. Доставалось, конечно, а кто мешал «собратьям моим по разуму» стать рядом, спина к спине или плечом к плечу. Сегодня бы не молчали, а пели бы соловьями на все лады, а там глядишь и мой

голос растворился бы в общем хоре. Стыдно небось. А вывод один - живи и поступай достойно, честно и не придется отмалчиваться в старости.

Встречаясь с пенсионерами «на скамейке у дома» вижу, некоторые тоже отмалчиваются. Сказать нечего, возможно и хотелось бы навести тень на плетень, но вдруг услышат те, кто был свидетелем, знает правду и еще здравствует. В годы демократических перемен прикупили справок на все случаи жизни, должностей, званий, наград и льгот, вот и приходится посапывать в тряпочки. Глядишь, за скромных и не заслуженно забытых героев сойдут. В Афганскую и Чеченские компании отсиделись в чехлах от бронежилетов, за десятки километров от боевых действий на складах, теперь вроде тоже участники, ну а те, кто еще и ударился по пьяному делу об угол ящика с тушёшкой, скромно намекают на ранения, но не более этого. Уж точно подписку давали о не разглашении, только кому и за что.... Такие герои в любом разговоре только намекают, что они участники, но они, никогда не садятся рядом с настоящими героями и участниками. Вдруг кто из них спросит прямо, где, с кем, когда и пошлет..., как водится. Получится конфуз, а жить то всё равно надо.

Отдельные из них, те хоть по пьяному делу не скрывают, что в период всеобщего развала подкупили что смогли, зато теперь живут как люди. А что было делать?. Такова правда жизни. От неё не скроешься за высоким забором или бронированной дверью квартиры, даже тогда когда сказать нечего, вернее есть, но об этом лучше молчать. Молчат и только «с умным видом знатока ...» правильно, далее цитируйте А.С. Пушкина, ну «а мой удел катится дальше вниз...» это уже С.Есенин.

Я снова берусь за перо и говорю: «Время -

начинаю

про Ленина рассказ.

Не по тому,

что горя

нету более,

время

потому,

что резкая тоска

стала ясною

осознанною болью

. Время,

снова

ленинские лозунги развихрь.

Нам ли

растекаться

слезной лужею,-

Ленин

и теперь

живее всех живых.

Наше знание –

сила

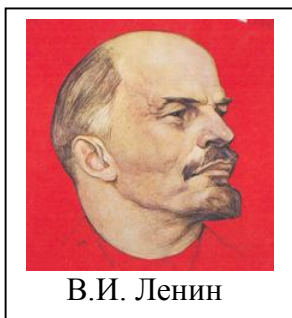
и оружие...». Цитирую В.

Маяковского как можно больше, потому, что новое поколение выросшее после 1991г., об этом человеке уже ничего не знает, как и о самом В. Маяковском, пионерах, комсомоле, да и коммунистах, разве только как о чуме или прокаженных 20-го века, или что-то подобное, но точно - не СПИД, это они знают не понаслышке.

О Владимире Ильиче Ленине я, конечно, писать не собираюсь, о нем и так написано столько книг, что нынешней правящей партии их хватит обогреть себя несколько лет, когда погаснет в стране последняя лампочка Ильича. Все же, коль разговор

зашел о нём скажу, что В.И. Ленин принадлежит не только России, Он - достояние всего человечества, и мы не вправе решать судьбу его тела. Другое дело, что он, как знамя Социализма, представляет собой угрозу существующему феодально-капиталистическому режиму. В свое время и Николай Второй с семьей были символом самодержавия, и только поэтому их расстреляли и останки уничтожили. Сегодня вся семья причислена к лику святых. Как бы не пришлось Ильича причислить к лику святых. У нас народ любит мучеников. Нет, возразят мне, при нём церкви рушили. Но не он же лично?. Иисус Христос тоже не дружил со служителями церкви. Распяли, а теперь, скоро уж 2000 лет, как во всех храмах грех отмаливают. История, к сожалению ни чему не учит, каждое поколение весь путь человечества проходит заново, повторяя ошибки своих предшественников. Это как малое дитя, сколько ни говори, пока сам не обожжется, не

познает истину.

В.И. Ленин

Как неприятно звучит, но судьба тела Ленина от нас не зависит. Уже был референдум по СССР – Единодушно решили, быть в веках стране - СССР. Ну и где эта страна? Только в памяти тех, кто в ней жил. Главарям это было не нужно. Главарями я называю всех глав нынешних структур власти, а их съезды и встречи, не иначе, как сходки да стрелки. Откровенно, грубо, но что поделаешь, если даже с закрытыми глазами любой, если он не в одной с ними стае, видит, как законы подменены понятиями. Статистические сводки говорят только об одном, идет третья

мировая война, Россия в ней терпит поражение. Надеемся на Спасителя. А что остается. Сама среда приведет к власти государственного Мужа, какими славилась Россия. Случайные люди у кормила власти, это гибель государственности. У власти должны быть Мудрецы, теоретики и практики одновременно, и главное – ГРАЖДАНИНРОССИИ, пишется, как сейчас принято в приличном обществе, слитно и заглавными буквами. Я надеюсь, такие люди уже родились под счастливой звездой, и Россия ожидает их пришествия в урочный час.

Отвлекся, однако, да и как без этого, куда не повернешься, а вшивые все о бане, как я, все о себе, о нас и нашем времени, о стране которой уже нет.

ПЕТРОВИЧ

Близко я познакомился с этим замечательным человеком, старшим помощником начальника связи- В.П. Нестеровым, когда был переведен в отдел связи космодрома и проходил службу под его началом в качестве помощника начальника связи.

Это был человек немного выше среднего роста, смуглый, с лицом обрусевшего потомка среднеазиатских народов. Необычайно энергичный, он не мог долго находиться на одном месте и постоянно куда-то спешил. В силу своей подвижности, бумаги он писать не любил. Высказав направление мысли, он поручал это своим помощникам, а когда ему

представляли готовый документ, быстро отдавал начальнику, чаще даже не заглянув в него. Наизусть знал больше половины списка абонентов городской телефонной станции, самих абонентов, номера заказов и проектов всех кабельных коммуникаций, узлов связи космодрома с историями их проектирования и строительства, а также людей принимавших в этом непосредственное участие за все годы существования космодрома.

Если же он кого-то не мог вспомнить сразу, то послушав немного других, вставлял: «А не тот ли это, такой высокий, рябой майор, который на двойке служил. Его ещё года два назад собаки покусали, когда на велосипеде с огорода возвращался. Жена у него такая – толстая еврейка. Она ещё музыку преподавала на дому и во Дворце пионеров. Да, знаю я его, кажется. И тещу его знаю. Да вы ее, тоже все знаете, возле шестого гастронома аджикой торговала, пока не умерла. Царство ей небесное. Моя Нина их тоже хорошо знает, дети когда-то в одну школу ходили. Всё вспомнил. Это точно он. У него ещё что - то с головой было, когда их в Израиль не выпустили, а я - то думаю, откуда мне фамилия эта знакома. Знаю я его, точно». Так вспоминая, он мог точно характеризовать практически всех, не только абонентов станции, но и большинство людей, долго живущих в городе.

В отдел связи он перешел ещё старшим лейтенантом и почти за двадцатилетнюю службу в штабе многому сумел обучиться. Мудрецом не назовешь, но слушать и извлекать главное он умел превосходно.

Вперед не высовывался, с начальством старался не спорить. Разглагольствовать позволял себе только за чашечкой чая. Живой, инициативный и добродушный, собирал вокруг себя людей и был непременным участником всех застолий или просто посиделок. Начальник связи, полковник Р.М. Чистяков, большой любитель справок и документов, поражаясь его знаниям организации связи, истории её развития, до конца его службы мечтал заглянуть к нему в сейф, где, должны были, храниться тома справочных документов. И вот, когда Петрович уволился и передал ключи мне, осмотр сейфа показал, в нём кроме готовальни и кожаной папки с флягой для спирта ничего не оказалось. Рудольф Михайлович был очень разочарован, но офицеры, сидевшие с ним в одном кабинете, знали давно, что там ничего не могло быть интересного. Все бумаги были у помощников, а знания в голове, которыми он щедро делился, как и своими знакомствами. Через него и благодаря ему я познакомился со многими влиятельными и нужными людьми на космодроме и за его пределами. С Петровичем, по поручению того же начальника, мы съездили даже в Москву, для знакомства с его друзьями, чтобы после увольнения в запас Нестерова дружеские отношения для отдела связи не прервались. В столице он познакомил меня с помощником министра связи страны, полковником в отставке Хазовым, а через него с заместителями министра. Встречались с начальником главкомплекта и работниками его аппарата, а также с другими друзьями и приятелями, которые почти ежедневно навещали нас в гостинице. Впоследствии и я, продолжая знакомства, приглашал и возил с экскурсией по космодрому его и уже наших друзей. Конечно, это было позднее, а в первый день службы моей в штабе, благодаря Петровичу я сразу стал близко знаком с нашими начальниками из вышестоящего аппарата связи. Они приехали с большой проверкой для изучения состояния дел на космодроме, многие впервые. Проверяющие связисты, как всегда, разместились в центральной гостинице напротив штаба. Владимир Петрович с многими из них дружил. Для предстоящей встречи, Петрович занятый по службе, поручил мне подготовку вечернего мероприятия. Наполнив папку-фляжку «продуктом» в телефонном центре, где еще вчера я проходил службу, набив саквояж закусками со своего огорода, поспешил в указанный номер гостиницы. Представившись и сообщив о задержке своего начальника, не теряя времени,

1985г. Нестеров В.П.

принялся за подготовку праздничного стола. Находящиеся в комнате люди в спортивных костюмах, по моей просьбе, таскали из других номеров стулья, стаканы и столовые приборы. Подоспевший Саша Матенов, офицер нашего отдела, значком классного специалиста помог нарезать колбасу и сыр. Для такого эффекта он специально подтачивал один из краешков значка. Работа кипела, и к приходу Нестерова все было готово. За столом Владимир Петрович представил нам с Сашей собравшихся гостей. Бог ты мой, ударило в голову, это я к приходу подполковника гонял по гостинице десяток полковников. К счастью все оказались довольны, именно моей настойчивостью и встреча друзей на гостеприимной земле Байконура прошла замечательно. Наш спирт оказался крепче «Гвардейского» (узел связи при штабе ВКС), но... знакомство состоялось. Со временем оно переросло даже в дружбу, что очень положительно сказалось на делах, особенно в период многолетней работы по программе «Энергия-Буран»

Тонкости штабной работы открылись не сразу, но глядя на Петровича, и других офицеров отдела, я быстро постигал новую науку.

Приходил Владимир Петрович на службу в штаб раньше всех. Обзванивал дежурные службы, вникал в обстановку и к нашему приходу уже ставил чайник. Наслаждаясь горячим чаем, он рассказывал о состоянии дел, рассуждал о новостях в политике, событиях произошедших за ночь на космодроме. Рассуждения его пересыпались историями давно прошедших дней, с анекдотами и шутками, порой даже казавшимися странными, но по сути своей всегда правильными, с тонко подмеченными мелочами. Из всего услышанного следовали выводы - не брать дурного в голову, время и жизнь расставит все по своим местам. Рассказывая что-то, он жестикулировал руками, двигался по кабинету, в точности копируя походку или действия человека о котором шла речь, мимикой дополняя образ. Для всех окружающих, это было представлением театра миниатюр, где единственным актёром и сценаристом был Петрович. Заканчивался спектакль, как правило, словами: - «Вот и чайник закипел. Толь! Давай-ка мы с тобой чайку попьём, у меня заварка хорошая. Жене кто-то из Алма-Аты привез. А запах!» - Это он обращался к своему ровеснику и товарищу, подполковнику А.А.Малахову и продолжал: - «Александрович, да брось ты свою писанину, пока всё тихо и ребята делом заняты, давай быстренько попьём, а то мне ещё до обеда надо на узел связи сбегать». Выпив чай, скрывался за дверь.

После обеда он уже доводил до нас новости, которые узнал на узле связи и от встретившихся ему по пути знакомых. Снова пил чай и, если не надо было ехать на Пуск или на совещание, убегал к товарищам работающим в отделах по строительству или какому-нибудь обеспечению. Там изучал планы, сметы, по возможности пробивал свои вопросы по связи, ускоряя их реализацию. Если приходила почта, он быстренько разбирался с ней. Нужные для исполнения документы передавал своим помощникам, интересные, но не нужные, складывал под стекло рабочего стола, а просьбы и жалобы в верхний ящик стола до субботы.

Суббота официально считалась выходным днём, но приходило в штаб высокое начальство, это заставляло офицеров, если не было уважительных причин, тоже выходить на час другой, чтобы затем разбежаться по своим делам.

Прибыв в субботу на службу Петрович, выпив чашечку чая, принимался за разбор бумаг скопившихся за неделю в верхнем ящике его стола. Доставая их из ящика по одной, он начинал громко возмущаться и комментировать содержание: - «Надо же, дали ему одно, теперь подавай другое. Совсем человек совесть потерял. Испытатель паршивый, носит же таких земля. Сейчас, как же, всё бросим и только им и будем заниматься». Высказав своё мнение по сути содержания документа, смело разрывал его на мелкие кусочки и бросал в урну, которую в этот день всегда ставил у своего стола. Покончив таким образом со всеми бумажками и пробежавшись по штабу, чтобы показаться на глаза начальникам, Петрович покидал его, прихватив кого-нибудь с собой, сообщив

остающимся, что уходит на узел связи. Если он брал с собой помощника начальника по материально техническому обеспечению майора А. Курчёнкова, то разыскивать не было смысла, думаю понятно по какой причине, В таких случаях его не искали, а выкручивались перед начальством сами, как могли. Хотя при необходимости, найти было легко. Дело в том, что Петрович, куда - бы не заходил, всегда проверял работу телефонных аппаратов. Звонил на коммутатор или дежурным по связи, убеждался в качестве связи и заодно сообщал о пути следования. Поэтому, чтобы его найти, достаточно было выйти на дежурную службу или коммутатор и передать сообщение. Как правило, ему быстро сообщали, и он оказывался в нужное время, в нужном месте.

Бывало и так, Петрович, уничтожал документ, находившийся на контроле у начальника, последний, вспомнив о нем, требовал представить для повторного рассмотрения. В таких случаях Петрович, смутившись, заверял начальника связи полковника Р.М. Чистякова: - «Рудольф Михайлович, вы же знаете, у нас ничего не теряется. Сейчас помощники подойдут, поднимем всё, обязательно найдём». Как только начальник уходил, он брался за телефон, начинал звонить исполнителю уничтоженной им «Писульки». Этот спектакль надо было видеть и слышать. Ответившему в трубке автору бумаги он начинал, как всегда: - «Здорово Николаевич! Как жизнь молодая. Что-то давно ты к нам не заглядывал, а мы тебя только сейчас вспоминали. Как дома дела. Не болеешь, ну и, слава богу. Твою писульку, нет, не получали, почтой отправил? Молодец, еще бы через забор перекинул. Это теперь месяца через два, не раньше, появится у нас. Знаешь же, как бумаги ходят. Срочное. Ну, тогда, садись быстро пиши новую и сразу к нам. Сам принесёшь?, Так это ещё лучше. Только быстро, не тяни. С центрального входа позвонишь, я выйду, заберу. Возможно у нас с тобой, что то и получится, пока у начальника настроение хорошее. Жду через час. До встречи».

Получив повторно бумажку, он бежал с ней к начальнику и радостно сообщал: - «Вот, Рудольф Михайлович. Она что ли. Она у нас и не терялась. По ней всё подготовлено давно. Уже и с узлов связи звонили, спрашивали, что им дальше делать. Ну, если надо удовлетворить просьбу, тогда другое дело, надо было сразу так и написать, а то бумага лежит, мы сидим ждём вашего решения. Я побежал, ребята заждались, дел много. Как исполним, сразу доложу».

После такого «прокола» он дня два, собрав бумаги у помощников, крутился перед начальником, но уже к субботе эта неприятность забывалась, и всё шло своим чередом.

Интересно было видеть и слышать, как он по телефону принимал очередную жалобу от шумного абонента. Выслушав и успокоив его, обещал принять самые решительные меры по устранению повреждения. Спокойно клал трубку телефона и ничего не делал. Тогда я только начинал службу в штабе, уловив суть жалобы, начинал сразу звонить, ставить задачи, он улыбался и говорил, чтобы не суетился. «Подумаешь, замолчал телефон на квартире у заведующей одного из астрономов. Может она споткнулась об шнур телефонного аппарата, а может собака когтями оборвала проводку, нам что теперь, не жить. Закончатся на узле связи занятия, выйдут линейщики на участки, разберутся, устранят повреждение, а не устранят, доложат причины и чуть позднее все равно устранят повреждение. А то сразу звонить начальнику связи, в штаб. Сейчас мы все бросим и будем заниматься только ей. Другое дело, была бы она генералом или полковником, а таких - настырных, как она, пруд пруди».

Удивляло всегда другое, когда после обеда или к вечеру, на квартире восстанавливали связь и хозяйка, дозвонившись до Нестерова, благодарила его за содействие и оперативную работу связистов, он заверял, что ради неё, загонял всех своих подчиненных и связистов узла связи. Сам только что прибежал в штаб, чтобы перевести дух. Для неё родной и близкой, связисты готовы трудиться день и ночь, вот только абоненты быстро забывают труженников связи. В свою очередь, в благодарность, понимая намёк, приглашала его навеститься в магазин и уж она расстарается. Не откладывая

приглашение в долгий ящик, он объявлял всем, быстренько собрать деньги на дефицитные товары. Брал у начальника машину, помощника и отправлялся к уважаемому абоненту в магазин. Отоварить талоны на продукты без очереди, а еще лучше сверх талонов, было не лишним в условиях дефицита. Проблемы с обеспечением, во времена Л.И. Брежнева были даже на Байконуре, где снабжение было на несколько порядков лучше, чем по стране. Но всё же, дефицит был, и без него было бы трудно удивлять чем-то своих друзей за праздничным столом. Количество дефицита на столе или квартире, говорило о возможностях хозяина, его авторитете и уважении к гостям. Связисты, как простые люди, не были исключением и пользовались удачей, когда представлялся случай. Квартирные телефоны даже на Байконуре, до ввода гражданского большого узла связи, тоже были своего рода дефицитом, а значит гордостью его обладателя и горем, когда он не работал.

Я вспоминаю его рассказ о командировке в Ташкент. С группой инженеров проектировщиков, прибыв в военную гостиницу округа, они не могли, устроится из-за отсутствия мест. Нашелся опять же Нестеров, заинтересовавшись у администратора, как работает телефон, и намекнув, что распорядится его проверить через начальника местного узла связи. Номера нашлись сразу, отдельный люкс для него и общий, но со всеми удобствами для сопровождавших его лиц. Связь, рассуждал Петрович, она и Африке – связь.

Мне посчастливилось быть в командировке в Ташкенте и остановиться в той же гостинице, я первым делом передал привет от Нестерова, это сразу сняло множество проблем. Его там помнили.

Впервые прибыв в Ташкент, для согласования материалов под строительство домов в п. Косколь с главным инженером проекта кабельной магистрали Байконур- Джекказган полковником В. Кургановым, я был поражен увиденным. Поражала не только красота центральной части города, возведённой после землетрясения, но и сохранившиеся старые кварталы. Еще больше поразил быт и уклад жизни его обитателей. В те Советские времена, город жил предпринимательством, в большом и малом, на много лучше и ярче, чем в наше время в городах России. Каждый двор это и жилье, и чайхана, а надо будет - гостиница. Покушал сам, накорми прохожих, это, правило. Все и везде продается и покупается, причем продавцы любят уговаривать и торговаться. Это нам так понравилось, что мы тоже стали ублажать слух продавцов, снижали цену товара, а то и вовсе, как гости, получали продукты сверх веса закупленного.

Обычно в командировках того времени, найти приемлемую во всех отношениях столовую, тем более пообедать без очереди, было проблематично. Но только не в Ташкенте. Там все к твоим услугам, любой каприз, если не в этом дворе, так в соседнем, точно. Я, например, не люблю лук, ни в каком виде, так плов без лука готовится во дворе напротив, куда нас и сопроводили заботливые хозяева. А что творят мужчины повара во множестве столовых, закусовых, причем там не разберешься частное это заведение или государственное. Это просто жонглеры и фокусники. Тесто летает у них над головами, вытягивается, закручивается и снова взлетает и укладывается уже лагманом. Овощи, подлетев в воздух, ложатся на блюдо уже нарезанными. Возможно, это казалось с непривычки. Мы искали прохладу и обед одновременно. Чайхана над водой, в обеденный зной – это ли не предел мечтаний. Пожалуйста, вот она, ваша мечта. Входите. Как и везде повара на наших глазах творили чудеса. Проголодавшись, заказали сразу по паре порций каждого блюда: « Вы скушайте сначала по одной»- сказал хозяин, « А там видно будет...». Мы не представляли даже, что блюда в Ташкенте, это не блюда в столовых России, оно намного больше. В этом мы убедились, когда их начали подносить. Хотя и были мы голодны, но осилить больше чем одно блюдо было тяжело и чревато для желудка. Сидели долго, в итоге съели по одному и одно на двоих еще, и только благодаря чайханщику. Оказалось, что в чайничках у них подают, не только чай, но для уважаемых гостей

подносят напитки и покрепче. Разные чайнички - разные напитки. Нам по очереди приносили и те и другие, все это позволило несколько часов наслаждаться прохладой у воды, а выйдя из чайханы чувствовать себя бодро и весело. Ужин в тот вечер уже не потребовался.

Что ещё удивило нас, так это цены – всё в копейках, от десяти копеек до ста пятидесяти и более. Кто любит покушать, тем даже самые дорогие блюда округляются до ста копеек. Там всё округлялось. Сдачи, мелочь, не жди, но и не доплату не спросят. Это мы поняли уже после первой прогулки и стали благоразумно носить мелкие деньги, чтобы расплачиваться было не стыдно, продавцы были довольны. Купили пучок редиски за сто копеек, довольны, это для Байконура даром, стали отходить, а хозяин за нами с кульком, оказывается на сто копеек пять пучков положено. Так много нам было не к чему, но не обижать, же человека. Он сажал, поливал и не виноват, что мы не разбираемся в ценах восточного рынка. Сдачи с рубля все равно не будет. Восток есть восток. Я сам родом с Кубани и рынки у нас самые богатые в России, но когда мы приехали на один из рынков города, воображение мое стало зашкаливать. Здесь кто во что горазд. Сигареты, сахар рафинад и многое другое продавались здесь поштучно, в пачках и на вес, прямо из государственных упаковок. Казалось бы пустячок, а выгода оказывается многократная. Проходя по рядам, пробовали всё, а чтобы отвязаться от назойливых торговцев спрашивали то, что не видели на прилавке. Если клубника у него была сладкая и сочная, мы искали сухую и не очень сладкую, пока не устали и не напробывались досыта всего, что душа желала. До этого мы с товарищем и не предполагали, что клубника может иметь столь много вкусовых оттенков и товарных качеств. Ряды тянулись до горизонта, это только клубника, а еще были ряды с другими товарами. Поняли, что базар обойти в один день не возможно, как Эрмитаж или Третьяковку. Рынку надо посвящать специально день и лучше с проводником. По ведру клубники мы все же купили, чтобы, возвратясь на Байконур порадовать своих родных. В гостинице поделились своими впечатлениями с администратором. Это была пожилая женщина, знавшая город еще с незапамятных времен и которая, вздохнув посетовала нам, что сегодня от прежнего Ташкента и рынка уж ничего не осталось. Вот когда- то, еще до войны и годов так до шестидесятых это был совсем другой город, настоящий восточный город – базар, а то, что мы видели сегодня это уже жалкие остатки. Прежнего Ташкента мы естественно не видели, зато знали, что в Байконуре вообще нет рынков. Был крохотный базарчик и возле магазинная торговля овощами из военных совхозов. В основном торговали арбузами, дынями и рыбой, да кое- кто из местных жителей продавал помидоры и огурцы со своих огородиков из огородно-садового общества под названием «Пылинка». Мой товарищ был из Москвы и то восторгался. Я же на рынках Москвы никогда не был и мог если уж с чем и сравнивать, то только с детскими и юношескими воспоминаниями базара моего родного города Армавира. Но это было давно, когда там продавались пирожки с ливером по четыре копейки, газировка без сиропа, по копейке, с сиропом по три. Еще я помнил, как на «толкучке» по выходным бегали мальчишки с чайниками и по копейке продавали воду из крана. Если не лениться, то можно было на кино и мороженное запросто заработать. Тогда детский билет в кинотеатр стоил десять копеек, а большой бублик с маком, пять. Если учитывать, что моя мать зарабатывала, работая санитаркой в больнице, рублей шестьдесят, пусть семьдесят, это были уже деньги. Если в праздник давали рубль, то его хватало надолго. Еще помню цыган, которые торговали цепями и садовым кованым инвентарем; продавались различные раскрашенные поделки из дерева и керамики. Все это было давно, но даже то далекое прошлое не шло в сравнение с увиденным в Ташкенте, пусть уже и не в том виде, который помнила наша администратор. У нас в России если и были когда то базары и рынок как таковой, то в последний раз во времена НЭП. За годы Советской власти жилки предпринимательства и торговли стерлись даже в генетической памяти народа. Сегодняшний рынок в нашей стране, это спекулятивный рынок, ничего

не производящий и не предусматривающий понятий «торговаться» с покупателем.

Ташкент начала восьмидесятых ещё оставался удивительным городом не похожим ни на один из наших российских городов. Единственное, что их объединяло, так это очереди у гастрономов, в часы продажи ликероводочных изделий. Горбачевская борьба с пьянством, чувствовалась даже здесь.

Покончив с делами, мы решили прикупить пива и водки друзьям в подарок. Для Байконура они были большим дефицитом. У магазина, куда подвезли свежее бутылочное пиво, толпилась огромная толпа. Попасть вовнутрь магазина было пустой затеей, тем более в форме офицера Советской армии. Однако толпа вдруг расступилась, нас пропустили к самому прилавку. Ящик свежайшего пива нам помог вынести из магазина неизвестно откуда появившейся грузчик, вдобавок ко всему, ещё и остановивший для нас такси. Мы были в очередной раз удивлены любовью простого Советского народа к её защитникам. Доброе отношения к людям в форме, хотя и было практически повсеместно для страны, все же было приятно. Сразу вспомнилась Рязань, где я был в командировке, будучи старшим лейтенантом. У киоска с пивом толпа жаждущая с утра похмелиться бесцеремонно толкалась, страшно материлась, пытаясь ухватить из окошечка бокальчик холодного пива. Жаль, подумалось мне тогда, в кое веки вырвался в командировку и так и не попробую пива. Вдруг несколько человек повернули головы в мою сторону и стали кричать, обращаясь ко мне: «Командир! Продавец спрашивает, вам подогретое пиво или нет?». Я от неожиданности сказал, любое. Передали подогретое. Это было особенно приятно, на дворе стояла поздняя осень. Рассчитавшись через толпу с продавцом я подумал: «Это же надо, Рязань, утро, кто бы мог подумать.. . Нет, Россия, Народ и Армия – не разделимы».

Сегодня всё не так. Власти, боясь своей Армии сильнее чужой, разгромив её, опустили офицерский состав до такой степени, что униженнее сословия в стране не оказалось. Вот-вот офицерам станут подавать милостину, если кто - то из них снимет фуражку, что бы протереть пот в людном месте. Дожили, но ничего не поделаешь, заслуженно. Не надо было стоять в стороне, когда решалась судьба государства. Достоялись. развесив уши, слушая болтовню о перестройке и демократии. Но надо сказать честно, тогда в восьмидесятых, мало что предвещало ужасы бездарной перестройки. Только вводились ограничения на продажу водки, что будет дальше, знала, наверное, только жена Генсекретаря - Раиса Горбачева, мокрой тряпкой гонявшая мужичонку по стране, как ворчливая хозяйка при генеральной уборке квартиры. Пить меньше не стали, зато дров наломали не на одну зиму.

Ташкент не остался в стороне, хотя и переваривал это по восточному спокойно, как город, повидавший на своём веку всякое. Проблем с покупкой вин и водки не было, хотя к двум часам дня выстраивались очереди у гастрономов, чтобы купить в государственных магазинах, а затем торговать этим товаром свободно. Для порядка, у магазинов дежурили милиционеры. Они следили за тем, чтобы не было давки, выстраивали очередников строго в затылок друг другу с одной стороны. С другой стороны от входа, также выстраивались ветераны войны. С открытием магазина пропускали ветеранов, а затем по два три человека впускали общую очередь. Нас, как государственных людей в форме, поставили в очередь для ветеранов. Продавца не пришлось уговаривать, женщина отпустила нам водку, не по две бутылки в руки на человека, как это предписывалось постановлениями, а выдала столько, сколько вошло в мой саквояж. Город не переставал нас удивлять. Тенистые аллеи, чистота на улицах, отсутствие пьяных, хулиганов и сквернословия, только способствовали прогулкам по городу. Жаль, что не было времени посетить музеи и достопримечательности, но и увиденное нами мимоходом, оставило не изгладимое впечатление. Подобный восторг, я испытал только от Ленинграда, когда побывал там впервые. Но это было другое впечатление. Если Ташкент мне показался одним большим, шумным и ярким цветным базаром, то Ленинград - спокойным, величавым, красивым

каменным цветком, городом который на время покинули хозяева, а оставшиеся обитатели следи за его сохранностью. Что роднило эти города, так это то, что они оба были из сказок моего детства.

Сколько уже лет прошло, а я до сей поры благодарен В.П. Нестерову за эту устроенную нам командировку. В благодарность мы с Кургановым хотели купить ему восточный сувенир - узбекскую тубетейку, но когда представили его в ней,- вылитый Эмир – воздержались. Нас могли не понять. Обошлись закупками из гастронома, они всегда кстати. Петровича в Ташкенте мы вспоминали часто. Например, чтобы мы быстро разыскали необходимое нам учреждение, он нарисовал для нас план. Не любивший бумаг он очень старался. План представлял собой лист бумаги, формата А-4, в длину которого, отступив от краёв по сантиметру, он начертил две линии, между которыми были нарисованы крупные стрелки в двух противоположных направлениях. Это объяснял он и есть проспект Навои с многорядным автомобильным движением. На самом деле продолжал он, проспект гораздо шире, но маленький листок бумаги не может передать его истинные размеры и движение по нему. Сбоку, справа от одной из линий он вметил небольшой квадратик, а от него провел пунктирную линию на противоположную сторону, оканчивающуюся жирной точкой. Это, продолжал Петрович пояснять нам, остановка, она называется как и проспект-Навои, вы должны перейти на другую сторону проспекта, как указывает пунктирная линия, а там уже спросите.... Выйдя из автобуса на указанной остановке мы, давась от смеха, сравнили план с местностью. Проспект действительно был гораздо шире нарисованного и движение на нём многорядным, не обманул, выходит. Перешли проспект, как предписывалось нам, спросили. От указанной жирной точки нам пришлось ещё три квартала петлять по узеньким улочкам, дважды уточнять у прохожих маршрут, прежде чем попали в нужное место. Что бы мы делали без его плана, ума не приложу. Спасибо Петрович, всю дорогу повторяли мы, давась от смеха. Шутник, однако.

В учреждении, где мы должны были согласовать изменения в строительной документации, нас уже ждали. Петрович звонил им и обо всем договорился. Согласование прошло быстро, через час мы вышли осматривать город. Трое суток отдыха от казахстанской жары были подарком от Петровича, уговорившим начальника отправить нас в замечательную командировку. Дневная жара в Ташкенте, в сравнении с Байконуром, переносилась легче, а ночи, когда прохлада опускалась с гор на город и мы открывали настежь окна, были сплошным удовольствием, кондиционер не требовался вовсе. Не зря, наши офицеры-холостяки в своё время, получив денежное довольствие и накопив отгулов, выезжали в Ташкент отдохнуть. Мне же такая возможность представилась только, когда я стал майором и благодаря Петровичу. Ему благодарны были многие, так как житейская мудрость, смекалка и находчивость помогали найти выход из трудных ситуаций с пользой для всех.

Вспоминаю, как однажды остановилась городская телефонная станция, находящаяся в подчинении отдела связи. Два часа город без общедоступной связи- ЧП. Командование рвет и мечет...Такого происшествия никогда не знал космодром, причина банальна. Солдат, разобравший аварийный источник питания - дизель, ушел отдыхать перед дежурством, надеясь, что ночью закончит работы. На грех случилась аварийная ситуация в системе энергообеспечения города. Станция, отработав какое - то время на аккумуляторах, остановилась. Пока сообразили, что авария надолго, собрали дизель, завели, прошло почти два часа. Военная связь этого не почувствовала, а за городскую связь всем досталось. Отделу связи приказали провести расследование с выводами и наказаниями. Картина была простой, цепочка виновных вырисовывалась длинной от солдата до офицеров отдела связи. Выводы понятны, «враги» известны. Нестеров, как член назначенной комиссии и виновный, как старший помощник начальника связи, отвечающий за эту станцию и за всё, что связано с проводной связью понимал

бедственное положение многих. Я так же был членом комиссии и отвечал за эту связь и ещё совсем недавно, до перехода в отдел связи, непосредственно. Большая группа офицеров долго бродила по помещениям работающей уже станции и думала, как бы смягчить себе и непосредственным виновникам участь. В голову ничего путного не приходило. Вдруг, В. П. Нестеров увидел в углу за огнетушителем кусочек штукатурки с потолка, одна из сторон которого была окрашена серебрянкой (краска, на основе олифы и алюминиевой пудры). О! Эврика! Слой этой краски, якобы отвалившись с глыбой от потолка, замкнул аккумуляторную батарею и, если бы станцию вовремя не отключили, ущерб был бы значительным, а ремонт долгим. Два часа остановки ерунда в сравнении с тем, что могло быть. Выводы напрашивались сами – помещение аккумуляторной, да и всей станции требуют капитального ремонта. Станция давно выработала все сроки эксплуатации и неоднократно, стояла в планах на реконструкцию, но ввиду отсутствия финансирования начало ремонта постоянно откладывалось. Все присутствующие там, конечно понимали, что идея шита белыми нитками, но лучше предложить ничего не могли. Главный вывод устраивал всех. Это было поводом напомнить начальству, о выделении средств согласно плану, а главное, он сокращал список виновных, до состава дежурной смены. Приказ состоялся, непосредственные виновники наказаны, зато деньги на связь нашлись сразу.

Вот так Петрович, одним махом разрубил чёртов узел, сам остался сухим, товарищей вывел из-под удара и дал толчок реконструкции всей системы связи космодрома, в предшествии грандиозных космических программ.

Увольняясь, он говорил, что никогда не будет работать в связи и даже не установит телефон в квартире. Мы его понимали, связь-это нервы, а нервы не восстанавливаются. Он всю службу отвечал за проводную связь и она не пощадила даже его весёлого и как нам казалось не принимающего ничего близко к сердцу человека. На деле было далеко не так, переживал болезненно каждый случай или аварию, но держался на виду молодцом.

Через полтора года после увольнения из ВС., он умер от сердечного приступа, на даче под Ворошиловградом. Сердце его всё же не выдержало.

Проводили, помянули, светлая память об этом человеке осталась. Да он не был героем, он был таким, каким был, и остался в нашей памяти: живым, веселым компанейским человеком – нашим Бастыком, который служил Родине, обеспечивал связь многих космических программ на заре космического штурма вселенной, построил дом, вырастил детей, посадил сад. Сад расцвел уже без него, как и программа - Энергия-Буран, на подготовку систем связи к которой он отдал много сил в самом начале её реализации.

Жизнь продолжается, но память о - Почётном Радисте СССР, Ветеране космодрома Байконур, подполковнике Нестерове Владимире Петровиче, ещё долго будет жить в сердцах многих на этой земле. Сейчас на дворе февраль 2011 года и уже скоро, в двадцать третий раз, салютом в его память, взорвется весенним цветом его сад.

ХОЗДВОР

О хозяйственных дворах или при кухонных хозяйствах частей, я конечно знал, но вплотную столкнулся с таковыми только став командиром части. Оказалось, это интересный и удивительный мир, о котором не принято говорить, а служить на хоздворе

среди солдат считалось ниже их достоинства. Посмею не согласиться. Конечно, подбирали на хоздвор солдат из сельских мест, которые с детства знают многое о животных, любят и умеют за ними ухаживать, а при необходимости лечить... Возможно, в строевых подразделениях из этих людей и не получились бы отличники боевой и политической подготовки, но на своём месте они были незаменимы.

Служба на таких дворах только с первого взгляда кажется привольной и счастливой, а проходящие там службу солдаты, косящие от строевой службы. Признаюсь честно, я тоже так думал, пока не ознакомился с их повседневным трудом. Да, там распорядок дня отличается от распорядка части. Естественно их по подъему не будит голос дневального, встают они по будильнику или по выработанной привычке. В четыре утра уже на ногах и начинается приготовление утренней кормёжки скота. Когда животных мало это быстро, а если их более сотни, это каторжный труд. Пищу сварившуюся и достаточно остудившуюся надо разнести и развести по загонам и разложить так, чтобы досталось всем. Натаскать свежей воды для питья и купания (по времени года) и только после этого, приведя себя в порядок приготовить завтрак для себя.

У меня на хоздворе служило три человека; сержант, он же фельшер-ветеринар и два солдата. Сам двор был обнесён бетонным забором с колючей проволокой, внутри которого находились все постройки. Люди размещались в небольшом кирпичном домике из двух комнат и прихожей. Самая большая комната служила им спальным помещением и комнатой отдыха, одновременно. В этой комнате кроме армейских кроватей стоял стол, стулья и прикроватные тумбочки. В одном из углов на столе, был цветной телевизор и радиоприёмник с магнитофоном. Все эти редкие для казарм вещи покупались на деньги, заработанные проживающими там солдатами от поставок мяса для солдатской столовой части. На полу кроме прикроватных ковриков были небольшие дорожки. Помещение поменьше служило им кухней и столовой сразу. Кроме кухонной мебели, электроплиты, шкафов и холодильника, там была печь, сложенная из огнеупорного кирпича на случай отсутствия электроэнергии. Зимой, когда было особенно холодно, они на ней готовили себе пищу и одновременно отапливали помещение. В обычные дни пищу готовили на электропечи. Электропечами и подогревали помещение при необходимости. В прихожей-веранде стояли шкафы для рабочей одежды и сменной обуви. Как в нормальной деревенской избе везде на полах лежали толстые половики, сплетённые обитателями дома, из кусков нарезанной разноцветной ветоши. На тумбочках и под телевизором лежали кружевные салфетки. Я думаю привезённые из отпусков, и которые напоминали солдатам о домашнем уюте. В этой комнате они писали письма на родину, вернее переписывали их, да какие письма. Сами они до такого додуматься не могли, писали для них другие ребята в казармах по их просьбе, а они, как могли аккуратно переписывали их потом. Всегда эти письма были об их героических буднях. Где они во время отдыха, на космических ракетах сушили портянки и даже под большим секретом летали в космос, оказать помощь космонавтам в критических ситуациях, но об этом и многом другом они не могли рассказывать открыто, по понятным причинам, военной и государственной тайны. О содержании таких писем было известно в части, журили конечно, но если служили на Байконуре, значит подвиги были рядом. В деревне должны гордиться своими сынами и наверняка верить, особенно девчонки, для которых это и писалось.

Для содержания свинополовья имелось несколько больших загонных для летнего содержания животных и зимников, обогреваемых водяным отоплением от электричества или печами. На входе зимников стояли электрические огромные котлы, и обычные печи с котлами для приготовления пищи животным на случай отсутствия электричества. Кроме этого были навесы для летнего содержания птицы, в которых хранился запас соломы и сена. В одном из них обитало около двадцати кур и петух. Их не выращивали как продукт для сдачи на склад. Они несли яйца только для нужд двора или служили праздничным куриным бульоном для их хозяев. Всё поголовье при мне, составляло 120 голов

откормочной группы и полсотни подростков разного возраста. Кроме скота и птицы на хоздворе несли службу две собаки, кошка и, как правило, пара щенков. Щенков, когда они подрастали, разбирали по частям или кому было надо.

В одном из зимников, размещалась небольшая банька, необходимая солдатам, чтобы содержать себя в надлежащем санитарном состоянии. Банька была с виду неказистой, но очень удобной, с парилкой и служила особой гордостью хоздвора. Был и летний душ, но всё равно баня топилась к вечеру почти каждого рабочего дня, как необходимость и для отдыха.

Хоздвор моей части находился в двух – трёх километрах от расположения части, в зависимости от выбранного пути. Отходы из столовой доставлялись туда в специальных прицепах после каждого приёма пищи. Сами же солдаты хоздвора для питания получали продукты со склада на три, четыре дня, согласно меню раскладке, по которой они и готовили. Эти вопросы проверял я, все мои заместители и дежурные по части. Это было важной необходимостью, так как уставшие, а порой и едва стоявшие на ногах солдаты старались варить первые и вторые блюда вместе. Это было вкусно, удобно и сытно, но напоминало это варево похлёбку для своих подопечных. Чтобы солдаты не опускались, а уровень приёма пищи не падал, надо было заставлять их готовить себе пищу согласно меню раскладки и даже следить за сервировкой стола. Постельное и нательное бельё они получали по два комплекта, так как уклад жизни и условия проживания требовали этого. Воду подвозили им водовозкой или пожарной машиной по нескольку раз в день.

Для собак имелись на въезде во двор будки, но болтались они везде за своими хозяевами. В спальное помещение их не пускали, я надеюсь, по-хозяйски, но в чём абсолютно уверен, принимали они пищу все вместе, включая кошку, с единственной разницей, что одни за столом, а их четвероногие друзья вокруг, каждый из своей тарелки. Хотя неоднократно проверяя двор, я убеждался, что кошка спит на кровати, а в жару посредине спального помещения, на дорожке. Друзья, помощники, что ж приходилось мириться.

Раньше по рассказам заместителя по материально техническому снабжению, была ещё и корова. Содержать её было не выгодно. Заготовка сена и соломы для одной коровы, в казахской степи была накладной. Паслась она недалеко от хоздвора, у небольшого болота, без присмотра. Однажды, испугавшись грохота взлетающей с ближайшего старта ракеты, в страхе убежала. Её конечно нашли, но передали на хоздвор соседней части. У наших соседей, ввиду небольшого количества довольствующихся в солдатской столовой отходов было мало. Свиной они брали только для откорма и немного, а коров было несколько, они давали молоко для санчасти и дежурной смены боевого расчёта их части. Передав свою корову, медпункт стал получать от них молоко для больных лазарета из соседней части. Так было рациональней и выгодней обеим частям. Заезжал я на хоздвор часто и при каждом удобном случае. Однажды мы заехали туда с моим заместителем по материально техническому снабжению, майором Петренко Ю. И. Хоздвор это его любимое детище и ему хотелось хоть чем-то удивить.

И удивил меня, как человека родившегося в городе и далёкого от сельского хозяйства и животных. Единственное, что у меня было в детстве, так это собаки и кошки. Мои дети, также рождённые в закрытом, цивилизованном городе, были далеки от этого. Однажды, мы всей семьёй ехали в отпуск на поезде. Младшенький сынишка Серенький, которому было три года, с восторгом и страхом закричал: « Мама! Мама! Звери! Звери!», увидев через окно пасущихся коров. После отпуска завели себе котёнка, хотя пацанам хотелось бы ещё и собаку, но собрать в квартире зверинец мы не могли. Позднее завели аквариум, ухаживать пришлось только мне, а это требовало времени, оставили эту затею, раздав рыбок соседским детям, да и аквариум дал течь.

И так, с Юрием Ивановичем мы приехали на хоздвор, когда утренние работы были уже закончены, и вся сытая и довольная компания сидела на крыльце, радуясь солнышку

и тишине. Представление началось с того, что солдаты вынесли на середину двора перед крыльцом несколько ведер пищевых отходов и вывалили их в корыто. Кликнули кур – Цып! Цып! Цып! Едва куры подбежали к корыту, как со всех концов двора, из всех загонов, где находились поросята со свиноматками, маленькие беленькие и полосатые сорванцы полетели к корыту. Беленькие понятно - это наши родные, а другие в полоску - были потому, что их папа настоящий дикий кабан. Их маму, по обмену, привезли совсем недавно, из другого далёкого хозяйства. «Матросики» родились уже у нас и представляли для нас генетическое разнообразие, которое хорошо должно было сказаться на

Огород общества - «ПЫЛИНКА»

продолжении свиного потомства. Так, во всяком случае, в упрощенном виде объяснили мне, а я пересказываю теперь вам. Свины покрупнее, из загонов, ограда которых представляла собой железные решётки, выйти не могли, а мелочь пролезала свободно. Сама по себе, мелочь от матерей не бегаёт, а тут через все клетки, разом и не сговариваясь. Несколько десятков крюкастых хвостиков облепили корыто со всех сторон и сверху. Выпихивая друг друга, толкаясь и пинаясь, они сладостно уплетали похлебку. Два наших щенка, пытались так же отвоевать себе место у корыта и ни в чём не уступали поросётам. Куры, отбежав в сторону, клевали только то, что отлетало от компании. Петух, пытаясь навести порядок у корыта, распутив крылья, старался клюнуть не учтивых и не прошеных нахлебников. Но куда там... Только взрослые собаки, сидя на ступеньках рядом с хозяевами, молча, наблюдали за этим свинством и были выше этого. Они, как благородные животные питались с хозяйского стола и возможно даже, лучше самих хозяев, так как пользовались особой любовью последних.

Через несколько минут, как по команде, хотя никаких команд никто не подавал, вся свиная братия, минуя множество преград, через клетки родственников не дружелюбно относящихся к чужим детям, рассеялась по своим загончикам, но каждый к своей родной и любимой маме. Щенки, ласкаясь подошли к крыльцу и усевшись рядом со своей мамой и хозяевами, стали вылизываться. Куры теперь уже свободно клевали остатки пищи у начисто вылизанного корыта.

Я такого представления увидеть не ожидал, начал расспрашивать, мне объяснили: «Молодняк мы в помощь свиноматкам подкармливали отдельно, но как-то раз оставили таз с кормом во дворе, отвлекшись на что-то, а когда вернулись, то увидели то, что вы наблюдали сейчас. С того дня мы ежедневно стали подкармливать мелюзгу не разнося пищу по клеткам. Нам легче и вся добавка достаётся детям».

А как - то, ранней осенью, когда зимники ещё не протапливаются, а под утро в них уже прохладно, опять же Петренко, показал следующее представление. Подошли мы к клеткам с молодняком, а они ровно в середине клеток стоят в одноширеножном строю, как по команде «Смирно», не шелохнувшись. Смеясь, Юрий Иванович сказал: «Это они вас так встречают». Оказалось, это они так согреваются друг от друга, периодически меняясь местами.

Удивительный мир - этот хоздвор. Его надо за деньги показывать, как зоопарк. Где все живут одной дружной семьёй и радуются жизни. Хотя зимой, да ещё морозной и снежной, там не позавидуешь ни кому. Тяжелая, грязная работа дополняется очисткой дорожек от снега, дополнительным приготовлением питания животным и поддержанием огня дровами в зимних печах. Пилить и колоть дрова приходится всё свободное время. Правда, в парково-хозяйственные дни, зимой, обычно выделяется дополнительно отделение на заготовку дров, но жизнь от этого не становится там намного легче. Поработавшие на хозяйственном дворе в помощь солдаты из строевых подразделений, по

их высказываниям, никогда бы там не хотели служить.

Ну а если нарушить режим и задержать кормление животных, как рассказывают солдаты с хоздвора, поднимается такой вой и стон, что слезы на глазах сами накатываются. Надо быть полным скотом и живодёром, чтобы так издевательства над четвероногими друзьями. А они там все действительно дружили. Все солдаты знали животных по именам и кличкам, знали повадки своих любимцев и старались при случае ублажать. Кому сунуть кусочек хлеба, кого почесать, а кому протереть нос или уши.

Спать на дворе солдаты ложились как темно и только после того как накормят, вычистят клетки, поменяют соломенные подстилки и замочат продукты в пищу на утро. А потом уже баня, ужин и далее на что останутся силы. Одним словом деревня - есть деревня, со своими заботами, радостью, покоем и запахом.

Огород не держали. Не выгодно и воды не напасёшься. Так для своих нужд, небольшую грядочку под зелень. Грядку эту огораживали от кур и четвероногих друзей. Всё это больше для души, как и посаженное дерево возле домика. Вся вода только в дело. С тепличным хозяйством и огородами, я конечно за службу в армии сталкивался и не раз, но больше из любопытства или как потребитель. В полку связи, где я служил от старшего лейтенанта до майора, было всё и даже бахча, и теплица. Естественно это служило хорошей добавкой к солдатскому столу, но для этого должны быть условия и возможности, а они были не в каждой части. В те годы мне было не до экскурсий. Единственное место, куда я захаживал, была теплица. Зимой там было особенно хорошо, все в зелени и запахи земли и цветов. Выращивали там, в основном на зелень, лук и петрушку, но росли и цветы для большого начальства. Лук, как вы знаете, я не ем ни в каком виде и даже запах его не терплю, а вот цветок к восьмому марта для супруги иногда мне перепадал. Свой солдат у ручья, как не напиться. Мои подчинённые, солдаты - линейщики, любили по пути с работ заглянуть туда, захватить в столовую зелень и попить с другом морковного чаю. Иногда по субботам, я как поощрение отправлял пару человек в помощь тепличнику, для выполнения земляных работ и посадки лука, но это больше, чтобы побаловать их за отличие в службе.

В бытность мою лейтенантом, когда служил в полку ракетной бригады стратегического назначения, в боевом районе полка, было небольшое хозяйство. Оно состояло из коровы, которую давали полку на летний сезон, для обеспечения боевых расчетов свежим молоком, трёх поросят, взятых на откорм и осенью забиваемых на мясо и огорода. Огород был приличным, выращивали на нём кроме зелени к столу, помидоры, огурцы, капусту и кое- что еще по усмотрению тыловики части. Всем этим хозяйством руководил помощник командира по материально техническому снабжению, майор Черноусько. Мужик хозяйственный, хоть и академий не кончал. Фронтовики ВОВ этому его не могли научить, Скорее всего, это было с детства. Корова паслась сама по себе недалеко за периметром боевой позиции. Задача кладовщика, с фамилией – Наливайко, тоже «хохлёнка», как и его начальник, была вовремя подоить корову и доставить молоко на кухню. Возможно, корову ещё подкармливали и мыли, не знаю, да и об огороде я знал только потому, что мой электрик – водопроводчик, утром и вечером подавал воду на огород и скорее всего, помогал кладовщику и поварам за ним ухаживать. Но это было для всех в радость, походить в жару по влажным арыкам и поплескаться в воде. Всё собранное с огорода Черноусько пускал в дело, Засаливал в бочках огурцы, помидоры, капусту. Ещё в степи весной собирал и засаливал лопухи для зелёных борщей, дикий чеснок в салаты и т.д. и т.п. Всё это оприходовал и получал выгоду и деньги на первый вид. Мясо и сало пускал на первый вид, но по моему не всё учитывал так, как угощал постоянно, и на стол подавали его сверх меню- раскладок. Помидоры и огурцы в сезон постоянно в больших чашах стояли на столах. Мытые и накрытые салфетками овощи были, как он говорил, для витаминов людям. И чтобы не лазили на огород, не топтали, а главное не ели овощи не мытыми. Молока от коровы хватало только для дежурной смены командного пункта,

которая дежурила под землёй, да моему водопроводчику за труды, ну и конечно начальнику смены охраны, если это был Костя Махалов. На большее не хватало, а брать большое поголовье - не кому его обслуживать.

Мне наш хозяйственник Черноусько, запомнился тем, что постоянно избавлялся от излишков. «Лучше небольшая недостача, но только не излишки, это чревато дурными выводами», любил повторять он, накрывая столы сверх нормы. Почти ежемесячно он выдавал офицерам по пакету излишек со склада. «Как же вот оприходовал одно, другое, а ещё получил со склада, не съели. Надо подьедать, а то излишки и не дай бог проверка какая», выдавая повторял он. Действительно, кормили дежурные смены не только по усиленной лётной норме, но и «от пуза», что бог посылал Черноусько. Привыкли и не замечали, каких трудов это стоило хозяйственнику, а вот когда он уволился и на его место пришел дикорастущий выпускник академии тыла и транспорта поняли, что и кого потеряли. Корова убежала, а когда нашли её, она уже не давала молока, пришлось вернуть её на хоздвор бригады. Выращенных свиней ели вместо мяса со склада и всегда строго по норме и меню-раскладке. Огород пришел в упадок и часто совсем не поливался. Если с него ничего и ни кому нет, кто будет корячиться на нём, когда своих обязанностей на дежурстве хватает. На складе – ничего лишнего, куска хлеба не выпросишь, кладовщик сам голодный ходил. Остались только воспоминания, когда вся дежурная смена в перерывах между приемами пищи могла перекусить бутербродами со шпиком и свежими овощами, да так, что потом и в столовую заходить не хотелось. Вспоминали его и офицеры, собираясь после службы по какому-нибудь поводу. Для таких случаев, Черноусько всегда выставлял ящик набитый консервами, деликатесами и всем необходимым для застолья. «Журил» его командир не часто и только тогда, когда ему жаловались с вышестоящего штаба, что в нашем полку самый большой падеж свиней. В прошлом году, жаловались, двух свиней змеи закусали, в этом, собаки одну загрызли. Да, соглашался командир, район полку попался плохой, дикий совсем, а сам наверняка думал: - как же у нашего деда загрызут, его район все змеи стороной обползают, попадись на глаза старику, враз колбаской перевяжет и в коптильню заживо подвесит. Любил Черноусько, как и командир наш, полковник Лимешинский П.З., да и весь офицерский состав части, домашнюю колбаску его производства. Комиссии всех уровней всегда отмечали Черноусько, как лучшего тыловика, а его подсобное хозяйство лучшим среди полков. Но как – то, все же досталось ему от командира, как сообщнику «мародера».

Дело было так. Вода, пробегавшая по арыкам огорода, стекала в низину и со временем там образовалась приличная лужа, точнее сказать большая яма с водой. Вот к этой яме, находившейся за охраняемым периметром расположения полка, и потянулись пастухи за водой. Отдельные отары овец местного совхоза с разрешения командования бригады паслись в позиционном районе. Воду для животных и семей пастухов подвозили издалека, по времени. Когда машина ломалась, или по каким-то причинам её подвозили мало, бедствовали все и животные, и жители стойбища. А тут вода рядом, много и возить не далеко. Обратились к начальнику смены охраны, чтобы выручал, когда потребуется. Не жалко, берите, даже хорошо будет, яма подсохнет и комаров поменьше будет, сказал бы любой из начальников смен, но только на грех в ту смену дежурил наш старший лейтенант - Костя Махалов. Маленький, кругленький, лысенький, перехаживающий не один год в звании - «Страшный» (для окружающих и нарушителей) лейтенант Махалов. Костя поступил, как мудрый хозяйственник. Он разрешил набирать воду, но в обмен на молоко. О котором, они сами заикнулись, и сами не были против, побаловать солдат. Тем более оно у них, когда не забирали, прокисало. Дело оказалось выгодным для обеих сторон, мудрый Черноусько, узнав об этом, одобрил инициативу начальника смены охраны.

Молоко стало прибывать и прибывать в столовую. Его уже повара стали давать не только дежурной смене КП по стакану, но и всей смене и не по стакану. Черноусько даже

научил поваров, как делать простоквашу и творог, стал подумывать о небольшом производстве, если не сыра, так брынзы.

Продолжалось это не долго, недели две- три. Заступивший на дежурство командир полка, увидев молочное изобилие, сначала хвалил корову, затем Черноусько и его подопечных, пока ему не доложили, откуда забил источник молочной реки. Батя был честнейший и порядочный офицер, человек и командир, как и многие из того Советского Далёка. Он оценил поборы не иначе, как мародерство. «На чужой беде счастье вздумали строить»- возмущался он. Досталось бы и Махалову Костюшке, да тот на счастье не дежурил. Весь грех принял на свою душу Черноусько. Молча выслушав возмущения командира полка, засопел, что-то себе под нос и поехал извиняться в стойбище. Молочная река обмелела, и потекла, как прежде, тоненькой струйкой от нашей коровенки. А когда старик уволился, как я уже говорил, она совсем пересохла, и полк давился порошковым. .

Вот такие воспоминания нахлынули на меня, стоило только заговорить о хоздворе и его обитателях, но главное отчётливо всплыли образы людей, которые за несколько десятилетий почти стерлись из моей памяти. Обычные простые люди, скромно выполняющие свои обязанности в тыловом обеспечении частей, одном из важнейших направлений боевой деятельности войск.

КОСТЯ – «БОНАПАРТ»

Коль уж довелось вспомнить о старшем лейтенанте Махалове К. Г. ,не могу не рассказать об истории связанной с ним, произошедшей у нас на глазах. Его, командира взвода роты электрозагрождений и минирования, хорошо знали не только те, кто служил с ним в одном полку, как я, но и вся бригада. Знали его, на всём космодроме и даже во всей округе. Глядя на него, степенного и рассудительного можно было с уверенностью сказать, что этот - из бывших, толи сержантов, толи майоров. По возрасту он лет на десять был старше своих товарищей, командиров взводов. Но скорее всего он был всё - таки из сержантов - сверхсрочников, так как замашки хозяйственника выпирали со всех щелей. Друзьями мы не были, поэтому я не интересовался его биографией. Мне достаточно было видеть его и быть свидетелем происходящих событий , когда он служил в роте, а моё подразделение размещалось в казарме этой роты. Небольшого роста, с лысиной на голове, пухленький с кругленьким животиком, всегда деловой и жующий - старший лейтенант. Прибыв в позиционный район с очередной сменой охраны он, сначала, откусывал от огромного бутерброда, поднесённого ему кладовщиком – рядовым Наливайко, а потом уж подавал команду подчинённым на высадку их из машины. С аппетитом поедая черный хлеб с куском колбасы или сала, он руководил людьми и разгрузкой имущества смены. Постоянно жалуясь на гастрит, тем не менее, не расставался с пищей противопоказанной при данном заболевании. Вдобавок ко всему очень любил красные вина, портвейн или вермут и в свободное от службы время, злоупотреблял этим настолько, что иногда не прибывал на службу и, что хуже всего именно тогда, когда надо было ему заступать на дежурство. В таких случаях за него заступал один из взводных, а это вызывало недовольство товарищей так, как дежурство длилось по семь суток, в отличие от смен КП, дежурная смена которых составляла трое и четверо суток. Оправдательной причиной прогулам всегда служила справка о его

хронической болезни, но истиной, могло быть, что угодно, когда он не мог или не хотел заступать на дежурство. Это повторялось часто, в бытность его ещё закоренелым холостяком, а потом, когда женился, не выходил на службу по совету и настоянию своей жены. Дело доходило до того, что ко времени заступления его в смену, готовился ещё кто -нибудь из взводных. После того, как товарищи «постучат ему по голове», месяца на два, болезнь отступает.

Заступая на смену, он чувствовал себя «Наполеоном» в позиционном районе полка. Любил распоряжаться по-хозяйски всем, в дело и не в дело, как это было уже с молочной рекой, родник которой он раскопал. Слышал я о нём давно. На построении бригады комбриг приказывал ему вернуть бинокль чабану, который Костя изъясил по акту, как недозволенный предмет в позиционном районе. Тот к своему председателю, а председатель прямо к комбригу с жалобой и его актом. Вот, мол, сами разрешили нам пасти скот, а теперь чабанов обижают. Вернул, но с обидой на своих отцов командиров, так как не поняли они его бдительности, хотя и знал о разрешении и даже приказе по бригаде, об использовании районов полков под пастбища... и даже имел список людей на стойбище военного совхоза. Костя посчитал, что бинокль это атрибут только командира, а двух командиров в его степи быть не может. То, что не может ..., считал не только Костя, так считали все взводные и я, когда позднее возглавил эту роту.

Боевые документы предписывали контроль и охрану в позиционном районе в разумно достаточной мере, ну а насколько, решал каждый начальник смены охраны, идя порой на свой страх и риск, поступая в ситуациях, как подсказывает ему совесть, честь и достоинство. А где эта граница между разумом и достаточностью, между честью и совестью? Если что случалось или происходило в районе крайние, в любом случае, были взводные. Костя, как человек «опытный» всегда старался решать проблемы с выгодой для себя. Вот такой он был, наш Костя, эгоист и начальник кусочка степи.

Как то во время его дежурства часовой одного из караулов доложил об автобусе, движущимся по степной дороге от площадок космодрома в сторону железнодорожной станции Дермень-Тюбе. Автомшины проходили через позиционный район полка часто. Рабочие промышленных предприятий расквартированных на космодроме, с жилых площадок ездили купаться на реку, в зону отдыха, в баньку или за виноводочными изделиями, ввоз на площадки которых был запрещен. Запретов всегда и во всём в России и тем более на космодроме хватало, но бьют у нас не за нарушения законов, а чтобы не попадались. Это было всегда и существует сегодня.

Костя Махалов знал о целях поездок не хуже других, но раз все - таки едут по степи, значит спешат или что-то скрывают, а то - бы поехали по асфальтовой дороге вокруг, через контрольно-пропускные пункты. Спешить в субботний день некуда, а вот второе возможно, рассуждал правильно наш Костя. Караулы передавая друг другу цель следили за продвижением автобуса и докладывали Махалову, как начальнику смены охраны. Когда стало понятно, что он следует на станцию Дермень-Тюбе, а туда ездили только за спиртным, Костя оживился. Приказал караулам, немедленно доложить ему, как только автобус станет возвращаться назад. Ждать пришлось не долго. Услышав доклад, он, с разрешения командира дежурных сил, подняв резерв охраны в ружьё, на дежурной машине повышенной проходимости, кинулся наперерез нарушителям. По-хозяйски осмотрев автобус, документы водителя и пассажиров, он убедился, что это свои работяги, которые в принципе ничего ни нарушали, а то зачем они ездили, было не его ума дело. По совести надо было бы отпустить ребят с богом, но Костя, почуяв спиртное, уже не мог остановиться. Устроил досмотр, а когда обнаружил искомое, начал с более чем серьёзным видом составлять Акт задержания и главное изъятия драгоценного для них и него продукта. Тогда ещё на Байконуре, в городе, но не на площадках, не было сухого закона и широчайший выбор спиртных напитков был в каждом гастрономе. Но сладкое слово – халыва, под видом ревностного почитателя законности, толкало его на беспредел.

Выцыганив в итоге несколько бутылок, он с миром отпустил нарушителей. «После смены с дежурства будет чем горлышко промочить», думал он, возвращаясь на свой боевой пост. Коль основной продукт уже стоял у него в сейфе, оставалось дело за малым, застаться зайчятиной на закуску.

В караулах на электрозаграждениях их гибло достаточно, чтобы прокормить дополнительным питанием личный состав и сделать заготовки на «черный день». Как всегда энергично Костя взялся за дело и стал обзванивать караулы. Каждому караулу следовало к пятнице, дню смены, подготовить ему, по два ошкуренных и выпотрошенных зайца. Но хороших..., предупреждал он начальников, а то забракую, тогда хуже будет. Некоторые начальники караулов пытались объяснить ему, что в сухую погоду у них в карауле зайцы почти не попадают на электрическую сеть защиты. Говорливым, за пререкания, Костя сразу удваивал норму сдачи и тогда все остальные молча соглашались. Куда деваться – любимый командир, если что, отдадим из запасов... Надо отдать должное, к нему очень хорошо относились солдаты. Он же, при возможности, делал всё, чтобы его караулы ни в чём не нуждались. Воду подвозил чаще, чем это требовалось, чтобы хватало им на всё, включая полив огородной грядочки у караульного помещения. Эти грядочки были особой заботой и гордость всех смен караулов. При сменах между собой, эти несколько завязей и сами арбузики, передавались особенно тщательно, с пристрастием. Передача боеприпасов проходила быстрее и спокойнее, чем растительность на грядке. Для этого вёлся специально заведённый журнал, передавался и принимался огородик лично начальниками караулов.

Поставив задачи караулам и потирая от предвкушаемого удовольствия ручонки, он, счастливый, ходил до конца дня.

К вечеру ему поручили отвезти офицеров и прапорщиков, задержавшихся на парково-хозяйственном дне не к поезду, а прямо к городской проходной. Это практиковалось. Всё - таки выходной день, всем хотелось побыстрее добраться домой.

Сидящих под тентом в кузове машины по полевой дороге, по ухабам, напрямик, всех с головы до ног в пыли, он быстро доставил по назначению. Отплевываясь и матеря его за то, что вез людей, как дрова не по асфальтированной дороге, все побрели через проходную по своим домам. Сокращая путь, Костя спешил. На обратном пути он собирался заехать в Тюра-Там за сигаретами для дежурной смены. Поэтому покончив с делом, он направил машину к чайхане «Дяди Саши». Так её называли между собой все, кто туда захаживал выпить пива и чего покрепче. Чайхана, как и всё в то время, была государственным заведением, но Азия оставалась загадочным Востоком, и было трудно понять, где заканчивается государственное и начинается личное. Об этом я говорил, когда рассказывал о Ташкенте. Хозяиничал в ней местный пожилой казах, который называл себя Сашей, чтобы не «пудрить мозги» своим казахским именем русским посетителям, живущим в закрытом городе под названием Ленинск. В чайхане у «Дяди Саши» всё варилось и жарилось, подавалось и разливалось. Единственное, что он не делал, так это не разбавлял пива водой, но зато не доливал и не ждал, когда пена осядет. Это было его правилом, он это не скрывал и даже ставил себе в заслугу. Поправкой на пену он процветал. Если требовали, то доливал, но постоянные клиенты не требовали, зато могли брать в долг. Частые посетители, военные и гражданские, пользовались этим. Всё и всех в этой чайхане устраивало, как и относительный порядок во дворе и на столах. Другой чайханы, как и другого пива, в радиусе 250 километров от города, просто не было.

Ближайший город, где оно было - Кзыл-Орда. Туда ездили, но не часто и больше по случаю. В молодости мои друзья «летали» туда на мотоцикле. Представляете «ЯВА», без коляски, один в шлеме правит, другой сзади, с поломанной рукой в гипсе, на которой висит 20-литровая канистра и ещё рюкзак за плечами, с такой же ёмкостью. Умудрялись за три часа с не большим, слетать туда и обратно. Охота, как говорится пуще не воли.

Вот к этой чайхане и подкатил Махалов на всех парусах. Раздвигая кругленьким

животом всех у прилавка, (как же, он при исполнении и спешит), он, не обращая внимания на очередь, просит подать ему несколько пачек сигарет и бокальчик пива побыстрее. Дядя Саша, его, конечно, знал и поспешил обслужить. Мужики же стоявшие в очереди его не знали и знать не хотели. Они возмутились такой бесцеремонности и попытались поставить его в очередь. Очереди, как таковой не было. Обычно один два человека находятся у прилавка, а остальные сидят за столом и ждут своих товарищей, когда те начнут подносить на стол пиво и закуски. На Косте не было надписи, что он дежурный и находится при исполнении обязанностей по охране и обороне стартовых позиций ракетного полка стратегического назначения. Маленький прямоугольник на его полевой куртке с номером боевого расчета ни кому из присутствующих, ни о чем не говорил. К тому же, кто из нормальных людей, пойдет в пивную при исполнении.

Костя уступать не хотел, даже тогда, когда к прилавку подошли мужики, сидевшие за столом. И надо же – они то и признали в нём Наполеончика, забравшего у них днём несколько бутылок спиртного, которые они собирались провести степью на площадку из Дермень-Тюбе. Поняв, что без мордобоя дело не кончится, Костя схватился за пистолет и угрожая оружием стал пятиться на выход из двора чайханы. Здесь в воротах он и угодил прямо в руки проходившего рядом военного патруля. Сопротивляться было бессмысленно. Его не арестовали, как офицера находящегося при исполнении, записав данные и номер автомобиля, отпустили. Костя ещё не успел доехать до позиционного района, как на КП уже знали об его отклонении от маршрута. Что без сигарет вернулся полбеда, хорошо, что не успел пропустить бокальчик, думал он, получая взбучку от командира дежурных сил, а то бы точно под трибунал загремел. Везло ему, как всегда, отделался предупреждением о неполном служебном соответствии.

Костю в комендатуре знали хорошо, как, впрочем и его жену, тоже старшего лейтенанта, но только милиции. Они даже похожи были друг на друга, как брат и сестра - близнецы, не говоря уже о взглядах на жизнь, убеждениях и главное поступках. Года полтора до выше упомянутого случая, Костя, съездив на Родину, женился. По возрасту это сделать ему следовало давно, но видать не приглянулась ни одна в своё время. Взял женщину с ребёнком. Влюбились с первого взгляда и обоюдно, как утверждали они сами. К концу его отпуска, она уже уволилась со службы и поехала на Байконур за своим «счастьем». Костя жил в офицерском общежитии и неожиданное бракосочетание и тем более появление с женой на пороге, застало всех врасплох. Комнату естественно покинул его сосед, любезно предоставивший свою кровать молодожёнам, благо мест переспать офицеру всегда было предостаточно и не только в общежитии. Переночевав ночь в общежитии, новобрачные с утра стали названивать командиру части, что бы тот немедленно предоставил им отдельную квартиру. Квартиры на космодроме были, но было утро воскресного дня и службы космодрома отдохали. На предложение командира, ещё одну ночь переночевать в общежитии или гостинице, отказались. Вот давай им немедленно и всё. Возможно, деньги прогуляли в отпуске все до копейки и платить было не чем, так занять у товарищей можно было легко. Нет, упирались они. Как потом выяснилось, она тоже была «не дура» - выпить и посидеть в весёлой компании, как и её супруг.

Через час вся семья Махоловых, с ребёнком и чемоданами уже была в комендатуре и требовала себе камеру для ночлега. Скандал дошёл до командира бригады. На сутки поселили их в квартире офицера – холостяка, уехавшего в отпуск, а уже на следующий день семья въехала в двух комнатную квартиру. Заместитель командира по МТО – тов. Черноусько, завез им армейские кровати, бельё, мебель и даже продукты на первые недели, как всегда от себя в подарок. Через год у них родился второй ребёнок, о рождении которого узнал весь полк на второй день. В первый день, а точнее вечер не мог так, как собранный по тревоге простоял полночи у магазина, дожидаясь автобуса для доставки в позиционный район. Не дождавшись разошлись по домам. Тревога оказалась ложной и

спровоцировали её Костя, моя жена и заместитель начальника штаба полка, он же начальник связи - Майор Даровских В.А..

У нас на квартире стоял телефон, его помог установить мне мой товарищ по училищу - Вася Балицкий, служивший инженером на АТС. Мой телефон служил для оповещения офицеров боевого полка на случай «Тревоги». С Костей я условился, когда родится ребенок, он звонит мне, и я оповещаю всех офицеров и прапорщиков роты, чтобы быстро и без проволочек отметить рождение ребёнка. Пока ждали этого события, меня неожиданно поставили в наряд. На звонок Кости подняла трубку моя жена, он, как мы и договаривались, сказал ей условную фразу, немного перефразировав боевую команду: «Очередь 10, команда 10». Моя жена была настоящей боевой подругой, услышав что - то похожее на слова, которые я обычно доводил по телефону майору Даровских, и убежал по тревоге. Она, приняв условный сигнал, сделала то же самое, но в отличие от меня осталась дома. Даровских услышав её сообщение, поправил её, что это, наверное: - «команда 1, очередь 3» и поблагодарив, принялся оповещать полк по тревоге. Через час офицеры полка уже стояли в условленном месте и ждали подхода автобусов для отбытия в расположение полка. Основательно промерзнув, позвонили на КП полка, но там ничего не знали о тревоге и командир части спокойно готовился ко сну. Разборки показали на Даровских, он на мою жену, а прибыв на службу, накинулись на меня. Услышав команду, которую передала моя жена майору Даровских, причём в точности, я понял – Свершилось у Махалова, но мероприятие сорвалось. В конце рабочего дня весь полк, строем пошел поздравлять Костю, прихватив с собой всё необходимое, включая подарки. Хорошо тогда проблем с продуктами в магазинах не было. Косте помогали соседки и наш «старик» Черноусько. Хорошо посидели и запомнили это торжество надолго, особенно события предшествующие ему.

Как сложилась дальнейшая судьба Кости, не знаю. Он перевелся в другую часть и следы его затерялись. Слышал, вроде, что они с женой и детьми, когда подошел его предельный возраст по службе (40 лет), уволились и уехали к себе на Родину.

ОТКРОВЕНИЯ БЫВАЛОГО

В молодые годы командование частей на меня часто возлагало, какие -нибудь общественные нагрузки и обязанности. Был я общественным контролёром, заместителем и председателем кассы взаимопомощи, а когда набрался опыта, даже председателем группы народного контроля. В те годы всё и вся проверялось, по всем направлениям и особенно те виды деятельности, которые непосредственно отражались на обеспечении военнослужащих и вообще граждан промышленными товарами или любыми дефицитами. Службы тыла были предметом особого внимания командования и общественности. Тут глаз, да глаз нужен. Проверки были, как плановые, так и внезапные.

Однажды, проведя внезапную проверку продсклада и солдатской столовой, составив Акт, я разговорился с начальником столовой – старшим прапорщиком Карнауховым М.М. Согласно действующих директив, лицам на должностях начальника столовой и начальника склада разрешалось служить не более двух лет. Это, по мнению высоких руководителей, снижало уровень риска хищений материальных ценностей у государства. У нас в части, чтобы не потерять опытных и грамотных работников тыла низшего звена и выполнить приказы и директивы командования, поступали проще. Они

меняли должностями начальника склада, столовой и командира хозяйственного взвода местами по кругу. Это устраивало всех и сохраняло опытные кадры. Часть была во всех отношениях отличной. Уровень контроля со стороны общественности был высокий. Говорить о каких-то больших злоупотреблениях, тем более хищениях, не приходилось. Тем не менее, работников тыловых подразделений каждые два года меняли местами, а проверки проводились, в том числе и общественностью.

В составленном мной Акте недостачи не было, замечания были мелкие, да и то отмеченные мной по настоянию проверяемых. Нельзя, подсказывали они мне, чтобы проверив два объекта не было замечаний и хотя бы мелкой недостачи. В подтверждение своих слов, начальник столовой старший прапорщик Карнаухов поломал у меня на глазах несколько алюминиевых ложек и разбил пару старых тарелок. Такой Акт может показаться командованию, если не сговором, то не компетентностью проверяющих, точно, продолжали они меня убеждать. Вот теперь порядок, прочитав замечания, сказал начальник столовой, я сейчас же оплачу недостачу в пятикратном размере через финчасть. Заплатить ему предстояло, с учетом износа, около трёх рублей. Даже по тем временам это были не деньги. Подписав Акт всеми сторонами, члены группы народного контроля и начальник склада заторопились по своим делам, а мы, отобедав с начальником столовой, вышли в курилку на свежий воздух. Старший прапорщик Карнаухов не курил. Когда я закурил, он поинтересовался, как я готовлюсь к увольнению в запас. Вопрос удивил, мне, ещё служить и служить, как медному котелку, я в армии чуть больше десяти лет и думать об этом ещё рано. «Значит вы уже десять лет, как минимум потерял. К дембелю надо готовиться с первого дня службы, потом поздно будет» многозначительно сказал он глядя на моё недоумение.

Старший прапорщик был постарше меня, среднего роста, но необъятных размеров в окружности. Голенища сапог ему приходилось расшивать и вставлять клин. При всей своей тучности, он был весьма подвижен и расторопен. Михал Михалыч, как его называли в части, был весьма образованным, культурным, начитанным и воспитанным человеком. Этими качествами он сильно выделялся среди остальных прапорщиков, пользовался уважением в части, к его советам прислушивались.

Вот вы, Михаил Петрович, сейчас нас проверили, продолжал он рассуждать, ничего не обнаружили, наверное подумали о нас лучше, чем мы есть на самом деле. Нет, Михаил Петрович, мы не святые. Да, недостачи, как изволите видеть нет. А вы знаете почему? Потому, что всё надо делать с головой и не зарываться. Я вот, например, вам честно скажу – хорош бы я был, если бы сидя на продуктах, не обеспечил себя и свою семью питанием. Я беру продукты каждый день. Могу даже для примера на ваших глазах взять продукты нужные мне и вы, перепроверив всё, не обнаружите недостачи. А всё потому, что я каждый день беру ровно столько сколько нужно моей семье, жене и дочери, на ужин и завтрак, не более. Сам я питаюсь, как видите в столовой, прихожу на службу ещё до завтрака, а ухожу, когда часть поужинает. Столовая требует контроля и никуда мне от этого не деться. Питаюсь в столовой, а как учить готовить, если не снимать пробу. Зато, как отметили вы в акте, порядок и пища приготовлена качественно, порции полновесны, в добавках людям не отказываем. Пусть кушают на здоровье.

Так вот я беру в маленькие кулёчки из газеты, соли, перца по чайной ложечке, пол стаканчика крупы и так всего понемногу, включая четвертинку хлеба. Я это делаю каждый день и даже по выходным. Столовая без контроля начальника не может нормально работать, даже если все дежурные по столовой замечательно относятся к своим обязанностям. Моим, то, что я приношу вполне хватает, чтобы приготовить завтрак и ужин. Днём они питаются на работе или в школе. Нам этого хватает, чтобы зря не тратить деньги на продукты из денежного довольствия. Тратиться приходится, только на сладости и на то, чего нет в столовой или на складе.

Не удивляйтесь, Михаил Петрович, продолжал он откровенничать, погрешность

весов не позволит вам определить взятое мной. Это только случайные в тылу люди, дорвавшись, хапают, потеряв голову, но такие долго не задерживаются. Таких убирают, увольняют из Армии, а потом они локти кусают.

Слушая его я думал, что действительно проверить с точностью до грамма, практически не возможно, даже если будем перевешивать всё на медицинских весах. Больше рассыпим, чем уточним вес каждой упаковки или мешка. Выход порций, калорийность ещё ни разу за все проверки не были занижены и даже чаще наоборот.

Прекрасное подсобное хозяйство части, еженедельные заготовки рыбы в сезон, обеспечивали дополнительным питанием всех довольствующихся, сверх установленных норм. Офицеры и прапорщики части почти еженедельно подвозили улов к складу столовой, обеспечивая себя и часть. Улов учитывался и приходовался, но не весь, так как к следующим выходным требовалось освобождать склад под свежий улов, приходилось раздавать всем желающим в части.

Возразить мне ему было нечего. В подразделениях мы тоже, при необходимости что-то и понемногу брали для дома и быта. Использовали технику для личных нужд, с разрешения командиров и начальников. Тогда это было в частях если не правилом, то редким исключением точно не являлось. Скорее это было нормой - социалистического образа жизни. Многие тогда просто не продавалось в магазинах, тем более в Ленинске, закрытом и удалённом городе, где всё обеспечивал военторг - Ванькин торг, как его называли офицеры между собой. А жить то ведь было надо. Даже отцы командиры узнав о трудностях кого-то из подчинённых, негодуя, говорили: «В части не мог попросить, ждешь, когда кто-то догадается и домой тебе принесёт. Чтобы через неделю квартиру отремонтировал, а вы тов..., обращаясь к его непосредственному начальнику, помогите, если надо материалами и людьми, а потом доложите. Проверю...». Помогали не только по благоустройству бытовых условий, но и по гаражу подсобить, на огороде трубы подварить.

СССР- Страна, которой уже нет

Ведро извести, цемента или кусок трубы, доски взять проблем не было. Да и откуда или где это было взять, если не в части.

Проводя большую часть времени на службе, в подразделениях, а мелочевка всегда требовала времени, мы не особо разделяли государственные дела от личных. Надо было всё успевать и делать всё вперемешку. Государевы люди, государством и жили. Никогда не злоупотребляли ничем, не ставили Личное - выше государственного.

Поэтому раскрытие души начальником столовой меня хоть и удивило, но убить наповал не могло. Все мы, где-то по мелочам были грешными. Злоупотребления же тогда карались по всем линиям - командной, партийной, общественной, бескомпромиссно и беспощадно. Это тоже было нормой социалистического образа жизни, нашей жизни того времени.

Отдохнув на свежем воздухе мы разошлись каждый по своим делам. Ему надо было контролировать послеобеденные работы в столовой, а мне в подразделении проводить занятия.

КОСКОЛЬ

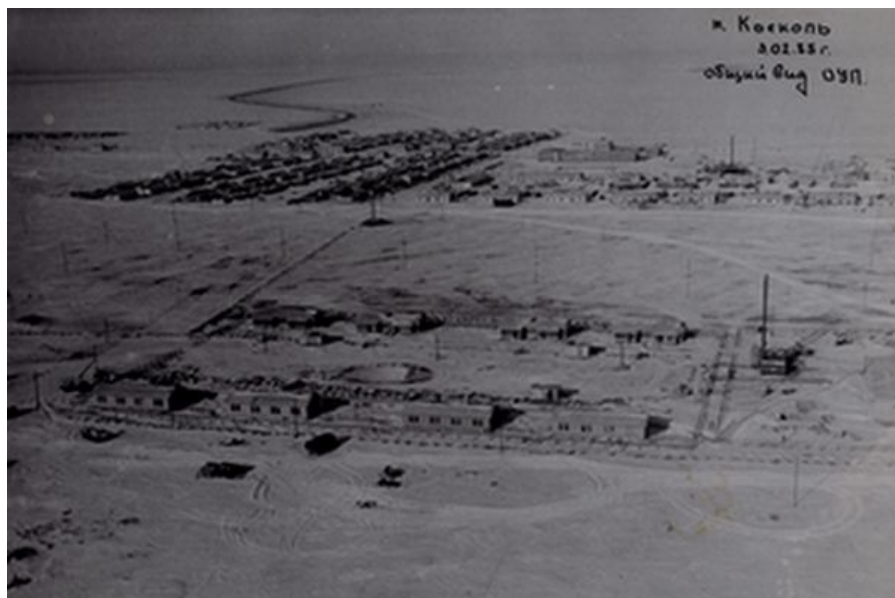
Косколь- это затерянный в бескрайней казахской степи крошечный посёлок состоявший из полусотни домов, все жители которого работали в совхозе, выращивая овец. Находился он примерно посередине между городом Джезказганом и Байконуром. При прокладке резервной кабельной магистрали, которая потребовалась для обеспечения связью программы «Энергия-Буран», там решено было построить обслуживаемый усилительный пункт. Вокруг технического здания проектом предусматривалось строительство нескольких двухквартирных домиков для работников связи. Лучшего места найти было не возможно, к тому же специалистов и вспомогательных рабочих планировалось набирать в том числе и из местных жителей. Это было выгодно совхозу, рабочие места и жильё для молодёжи и руководства территориального узла связи, на баланс которого объекты предстояло передать по окончании строительства министерством обороны. Мне, как офицеру отдела связи, предстояло осуществлять контроль за ходом строительства, согласовывать и урегулировать возникающие вопросы между двумя министерствами. Председателем комиссии, исходя из стоимости, важности работ и объемам строительства, был назначен Заместитель главкома военно-космических сил, герой советского союза, лётчик – космонавт, генерал – лейтенант Г.С.Титов. Ему через начальника связи, а потом и лично, я докладывал о ходе строительства. Предоставлял для наглядности фотографии объектов. Для ежемесячного контроля мне выделялся вертолёт, но чаще мы с представителями министерства связи объезжали трассу на автомобилях повышенной проходимости. Чтобы не сбиться с пути и для контроля работ ездили прямо по кабельной трассе, во все времена года и любую погоду. И даже после окончания строительства, согласно договорных обязательств, командование космодрома оказывало помощь по доставке специалистов-ремонтников на объект в трудных погодных условиях.

Прокладка кабелей осуществлялось с двух направлений, навстречу друг другу, к посёлку Косколь. Работы шли быстро, а вот строительство технического здания по разным причинам затягивалось. Выполнив нулевой цикл зданий, медленно, попутным транспортом завозились строительные материалы. Для охраны объектов, а главное материалов, на стройплощадке в вагончиках жили три солдата строительной части. Попутным транспортом им завозили продукты и надолго забывали про них. Остальное они сами добывали себе, исходя из условий. Это только в армиях цивилизованных государств солдат обеспечивают вплоть до косметики, в Советской армии, да ещё в строительных подразделениях, чаще жили на подножном корму и благодаря благосклонности наших людей. Мне вспоминается один случай, когда на строящийся дальний привод посадочного комплекса под Буран на вертолёте прилетело высокое военное начальство. Из объека навстречу неожиданно появившемуся начальству выбежал старший лейтенант. Командиры остановились в ожидании доклада, но офицер, расстегнутый и без головного убора, пролетел сквозь них к вертолёту. Узнав от пилотов, что питьевую воду им не привезли, выматерился, проклиная всех и вся, и развернувшись, побрёл к ожидавшей его группе начальников. Он и его подчиненные вторую неделю пили воду из бочки, в которой завелись головастики и в которой они еще не так давно мылись сами. Я это знаю точно, так как с этой группой, пользуясь возможностью, летал наш связист-Толик Савкин, для настройки аппаратуры, который и был свидетелем произошедшего.

Председатель местного совхоза обещал со своей стороны оказать посильную помощь, но в основном обращался сам за помощью, когда ему требовался бульдозер или

кран, если таковой оказывался на стройке. Остальные жители, в основном молодежь и подростки посёлка, со всей степи бродили вокруг стройки в надежде утащить, хоть, что то. Солдаты, что могли, давали или обменивались, но не по крупному. Нужда в стройматериалах, особенно в досках, заставляла идти местное население на все ухищрения и даже преступления. Солдаты не могли отдать всё, так как отвечали за материалы, да и потом из чего будут строить, когда приедут специалисты строители. За несговорчивость солдат стали в посёлке ненавидеть, а при появлении кого -нибудь из них в магазине или на улице посёлка старались обидеть. Дело доходило до драк. Будучи наездами, офицеры строительных частей, видя происходящее, постоянно обращались к председателю с просьбой навести порядок, объяснить жителям, что, зачем и почему. Тот обещал, но ничего не предпринимал. Он, конечно, понимал, что жители крайне нуждались, да и где в степи, можно было ещё взять бревно или доски, а молодежь надо отселить, строить им дома, ремонтировать и расширять имеющиеся постройки. Беда. Вроде и бараны есть, так продать некому, а хоть и продашь так, кто согласится везти брёвна и доски в такую даль.

В местном магазинчике, я неоднократно наведывался туда, кроме берёзового сока в трёх литровых стеклянных банках ничего не было на прилавках. Товар был, его периодически завозили с базы райпотребсоюза по заявкам жителей, но выдавался он из складского помещения только заявителю. Если кто отказывался и другие жители посёлка не брали, тогда ещё могли продать случайным заезжим. Никому не нужный товар лежал горой за прилавком годами. Заезжих в магазине, как и посёлке не было. Они появились только с началом нашего строительства. Впервые с экипажем вертолётки мы заехали в надежде купить лимонад или любой газировки и заодно глянуть, чем торгуют в сельпо. Убедившись, что кроме берёзового сок на прилавках других напитков нет, попросили скущую продавщицу открыть нам банку того, что есть. Разговорившись, она нам стала предлагать из сельмага никому ни нужный товар накрытый тряпками за прилавком. Мы не поверили глазам, там лежали кучей не меньше тонны книг. Это были отдельные экземпляры и полные собрания сочинений в упаковках и без них не только писателей и поэтов Русской, Советской, но и произведения мировой классики. Насколько хватило денег, мы набрали книг и попросили изумлённую продавщицу отложить остальные произведения до следующего нашего приезда.

1988г. Посёлок - КОСКОЛЬ

Если до этого вертолётчики старались ускользнуть от моего неинтересного для них маршрута, то после посещения магазина, они сами просили меня сделать заявку на полёт в Косколь. Через месяц состоялся очередной рейс, но теперь мы уже летели, и чтобы выкупить залежавшийся в глухой степи – дефицит. Покупали себе, товарищам и всем кто

давал деньги. В несколько поездок мы вымели весь залежавшийся товар, а пилоты выкупили и несколько ручных швейных машинок, оказавшихся под грудой книг, и успокоились. В магазине остались только книги на казахском языке, но они, как вы понимаете, не заинтересовали нас, по понятной причине.

Как выяснилось, эти книги на базе им давали в нагрузку, для реализации при заказах на дорогую бытовую технику, мебель или мотоциклы. Легковые автомобили, как правило, главы семей получали в награду за перевыполнение планов по сдаче скота государству. Во многих дворах автомобили стояли по многу лет накрытые толстым войлоком, перевязанные верёвками и ржавели. Перевозить на них что-то по хозяйству было неудобно. Другое дело мотоцикл - снял коляску, бросил на её место щит из досок и вози, что хочешь, глину или камыш. Мотоцикл нигде не застрянет и ремонт не дорогой. О наличии водительских прав речь не ведётся, они просто там были не нужны. Для легкового автомобиля нужны дороги, а откуда им взяться. Поближе к городу Джезказгану насыпали дорогу из крупных острых кусков черного базальта, так по ней и метра не проедешь, останешься без покрышек. Этот участок дороги, наши водители грузовиков в ужасе объезжали степью. Надо сказать, что в степи дорог много, вернее сказать - направлений движения, которые кто-то протоптал или когда-то проехал. В степи такие направления не зарастают очень долго и служат водителям ориентирами. Пылят такие дороги ужасно, особенно в сухое время года. Пыль, поднятая впереди идущей машиной, не позволяет следующей за ней двигаться в колонне. Как правило, водители едут слева и справа от ведущей машины и только это позволяет им держать необходимую скорость, не растягиваться и не терять друг друга из виду. В другие времена, ранней весной, осенью, водители наоборот старались идти по одной колее на разумной дистанции, помогая друг другу преодолевать трудно проходимые участки. Зимой свои трудности, замерзший сверху участок такыра, мог оказаться жидким солёным месивом из песка и глины. Преодолевались такие участки, если не было возможности объехать, с разгона и по очереди. Летом другое дело. Высохшие такыры становились идеально ровными, как стол и твердыми, как бетон, участками степи. Зная степь, на таких участках от такыра до следующего такыра, можно держать любую скорость, которую позволяет развить ваш автомобиль. Ставь стакан воды на капот и она не расплескается. А вот разбитые строительной техникой участки дорог, преодолевать тяжело и не безопасно. Пыль в колее стоит с метр толщиной, под которой могут скрываться ямы и тут надо беречь голову и лицо, чтобы не повредить их о крышу кабины или переднее лобовое стекло. Это, я бы сказал, даже не пыль, а взвесь, по которой автомобиль движется, как катер по воде, создавая волну и брызги. За машиной же пыль тянется на километры и долго не оседает.

Одной машиной, тем более на большие расстояния, даже опытные водители стараются в степь не соваться. Быстрее и надёжнее объехать 300 - 500 км, чем остаться в степи одному. Помощи можно и не дожидаться. Кроме дорог в степи путников могут поджидать и много других неприятностей. Не зря гражданские водители работающие в строительных частях, перевозя стройматериалы на объекты трассы, за сиденьем держали заряженные обрезы. С одним из них мне приходилось ездить по трассе и он рассказывал: «Вижу человек на пути в степи, проехать не остановившись совесть не позволяет, может помощь нужна, а когда останавливаюсь, всегда держу палец на спусковом крючке, а заряженные стволы направляю в приоткрываемую дверь. Береженого бог бережёт. Это защита не только от волков, но и человека.». «Получается, прямо человеку в голову или грудь»- вставляю я. «Кто он и что у него на уме я не знаю»- продолжает он- «степь большая, разный народ может бродить. Опасаюсь и за себя и за груз. Пока бог миловал». Ну, а если..., допытывался я настойчиво. «Ну, а если, разряжу стволы, захлопну дверь и поеду дальше. К утру от него, волки и шакалы, даже косточек на месте не оставят. Был человек и не стало».

Беседуя с водителем, о степи, об удивительных местах в которых ему пришлось побывать за долгую шофёрскую жизнь, мотаясь по Казахстану и стране, мы заметили на горизонте несколько жилых вагончиков и вышку, на которой стоял человек, вглядываясь вдаль. Он тоже заметил движущуюся колону машин, быстро спустился с вышки и побежал наперерез. Было около полудня, погода стояла, как всегда в Казахстане, жаркая, небо безоблачное, видимость прекрасная. Человек бежал быстро и наверное боялся упустить нас. Я попросил водителя, а наша машина шла в голове колоны, сбавить скорость. Минут через пять-десять мы встретились. В колонне было много людей и опасаться одного человека днем, было нечего. Но шофер все равно действовал по отработанным годами привычке. Не заглушая мотор, через приоткрытую дверь, он спросил запыхавшего совсем бегуна, чем может помочь. Тот тяжело дыша, улыбаясь, помогая себе руками, стал умолять нас дать ему хоть одну, а лучше несколько сигарет с фильтром. « Вы понимаете,- задыхаясь, говорил он, наши (геологи) уехали в Джекказган на несколько дней, а меня оставили для охраны лагеря. Сигареты кончились, от махорки уже рвет. Несколько дней смотрю в степь, а тут вдруг вижу, колона движется...» Сигарет запас у меня был и я отдал ему не распечатанную новую пачку. С наслаждением закурив и рассыпаясь в благодарностях, он побрёл к своему лагерю. Мелочь, пустяк, казалось бы, а много ли вообще человеку нужно для счастья.

Тема разговора сменилась и мы, немного поговорив о геологе, стали говорить о счастье, красотах степи и о том, что не плохо было бы сделать привал, выпить воды и отдохнуть. Места подходящего вокруг не было, мы решили проехать до родника, о месте нахождения которого водитель знал и возле которого они всегда отдыхали. Я согласился. Ехать пришлось долго, так как останавливались, осматривая «подозрительные» места на трассе. Через два часа на горизонте показалась ярко зеленая сопка. Свернув с трассы и проехав километров двадцать, мы подъехали к роднику. Место было обжитым, родник обихожен, думаю нашими строителями. Рядом с родником лежал большой деревянный армейский ящик (его не спутаешь ни с каким другим по добротности и качеству сборки), он служил столом и сиденьем, внутри него находилась, опять же армейская, эмалированная кружка. Вода была холодной и просто замечательной, возможно даже целебной. Разочаровало меня только одно – холм, издавек казавшийся покрытый молодой яркой травой, оказался из зеленого песка с глиной и камнями вперемешку. Окись меди окрасила его в такой цвет. Медная руда была повсюду. Мне рассказали, что на таких холмах можно найти лепёшки самородной меди. Когда во время грозы молнии попадают в медные горы, руда плавится и остаются, как коровьи лепешки, кусочки меди. Я попытался найти такую лепешку не отходя от кассы, но меня уговорили оставить эту затею. Нет времени, а ближе к Джеказгану, где горные породы выходят высоко на поверхность, мне отыщут лепешку. Через несколько дней пути, побывав в Косколе и продвигаясь на север в сторону Джеказгана, мы действительно подъехали к красивейшим местам. Мне не только помогли отыскать медную лепешку, но и показали на одной из отвесных скал - древние рисунки людей и животных. Забраться по отвесной скале поближе к рисункам не представлялось возможным. Каменный скос был высокий из черного очень крепкого камня. Я, окрестил его базальтом, не зная ни чего другого о каменных минералах. Хотя гранит я видел в горах Кавказа и наверное узнал бы. Это был тот же камень, из которого был отсыпан участок дороги недалеко от Косколя. Что бы он стал дорогой, его потребуется долго укатывать дорожными катками и гусеничными тракторами, если последние не останутся без гусениц. Это место, как рассказали мои спутники, местные казахи считают священным местом и иногда приезжают сюда чтобы соблюсти какой - то обряд. К сожалению, узнать подробности было не у кого. Мне рассказали столько, сколько знали сами.

В неглубоком ущелье между выступающими скальными породами, во время дождей бежал поток воды. Пересохшее русло ручья было покрыто множеством мелких

круглых камешков. Камешки эти были всех цветов и оттенков, которые вообще могли встречаться в природе. Возможно, среди них можно было найти и полудрагоценные камни и даже кусочки серебра и золота, но мы спешили вернуться на маршрут и я подобрал только несколько красивых камешков, чтобы показать сыновьям. Вернуться к этим местам не удалось, и я сожалел, что не набрал их побольше. Отдельные красивые камни можно было бы положить на дно аквариума или попробовать растереть их для составления художественных красок, которые бы не выгорали веками. Ни о каких драгоценных камнях, о которых пишет мой бывший замполит роты В.Чечило, в своих байках под названием - «Солдаты последней империи», речи не идёт. Плод его фантазии о степях Байконура- байки, они и есть байки.

Я отвлёкся от строительства сооружений в Косколе и вынужден возвратится. Время шло, и на объект бросили силы и средства. Работа кипела. Теперь на объектах строительства постоянно жили офицеры, около сотни солдат и гражданских специалистов. Прибывшие солдаты строительных подразделений, первым делом «навели порядок» среди молодёжи посёлка. Вернули на стройку материалы, которые местное население ещё не пустило в дело. Посёлок притих. Теперь уже председатель совхоза уговаривал командиров пойти с местным населением на мировую. Обещал завалить строительный отряд мясом. Приглашал всех в клуб на танцы и торжества. Он действительно и, конечно не без выгоды для совхоза, завалил отряд мясом, особенно бараниной и я сам был свидетелем улучшенного питания отряда. От миллионного стада не убудет. Рыбу же у рыбаков из Джекказганского рыболовецкого совхоза брали, сколько могли увезти машиной. Сети у них стояли круглосуточно. Улов хранился в огромных нейлоновых «гамаках» подвешенных на бетонных столбах прямо в озере, которое называлось - Косколь, откуда и произошло название посёлка. Рыбы в озере было столько, что рыбаки могли за неделю сдать годовую её норму, но ежедневно из Джекказгана приезжала одна, редко две машины. Чтобы не обидеть рыбаков стоящих вокруг озера, они забирали у каждого только по 300-400 кг рыбы. Так, что рыбаки с радостью раздавали рыбу, чтобы только помогли очистить от неё «гамаки» под новые уловы. Я сам брал у них рыбу, когда была возможность отправить её, свежую вертолётom домой и товарищам на Байконур. Сазаны и карпы были настолько огромны, что больше одного, ну двух от силы, в чистый из под цемента мешок, не входило. Рыбой на Байконуре ни кого, не удивишь, но таких размеров видеть приходилось не часто. Брали больше чтобы только удивить друзей, детей и в подарок начальникам, которые в свою очередь преподносили её своим начальникам. Отказаться от такого замечательного подарка не представлялось возможным, но порадовавшись красавцу, старались сбегрить его, еще кому -нибудь, ограждая себя от хлопот по его приготовлению. Зато, если кто брался за приготовление, это было блюдо с царского стола. Что касается баранины, я не только видел, но и ел плов приготовленный солдатом поваром. Плов или другое блюдо в отряде было необычно тем, что в сорока литровых кастрюлях заваленных доверху, тушились со специями куски мяса весом по килограмму. Когда мясо было готово, повар добавлял в него, если было место в кастрюле, по вкусу, рис или макароны. В итоге получалось мясо пересыпанное рисом или макаронами, в зависимости от этого блюдо меняло своё название. За столами солдаты и офицеры, кушая большие куски мяса, выгребали со дна кастрюли остальное содержимое. Порцию, которую поставили передо мной, как в прочем, и перед всеми, я едва доел с третьей попытки. Чтобы её одолеть за один присест, надо работать на стройке, под открытым небом и в любую погоду. Я был рад за тех, кому это удавалось с одного захода, и был благодарен всем, кто обеспечивал эту «Коскольскую норму».

Когда строительные заботы сменили монтажные, приняли учениками ребят из посёлка. Это был уже другой посёлок и другие люди, во всех отношениях.

Как-то зимой, сопровождая специалистов, теперь уже не нашего узла связи, я обратил внимание, что в степи почти не было снега зато посёлок по крыши домов был

занесён. Только покатистые снежные холмы выдавали присутствие под ними зданий, да ходы сообщения между ними. В занесённых снегом домах, без электрического освещения было темновато, зато тепло и как-то сказочно уютно. Возможно, это нам показалось после долгого пути, но было приятно и необычно тихо. Прибывшие со мной специалисты определились с повреждением и приступили к профилактическим работам в техническом здании. Работы было много, как и специалистов, чтобы не мешаться им, я взяв водителя с машиной, поехал на зимнюю рыбалку к озеру. Озеро находилось в полутора километрах от технического здания и, как я уже говорил, кишело рыбой.. В азарте долгожданной зимней рыбалки, я сразу в полуметровом льду пробурил две лунки и принялся за дело. Через минуту понял, одному с двумя удочками мне не справиться. Водитель, привезший меня, рыбачить наотрез отказался. Наживки не было, рыба хватала пустой крючок или я вытаскивал её прямо за брюшко. Клёв был такой, что одну из удочек я вытащил и смотал, чтобы её не затащила в лунку рыба. Поняв, что на рыбий глаз ловится крупный окунь, я наковырял их и стал таскать одного за одним. Приглашал водителя гревшегося в машине разделить со мной счастье, но он почему-то отказывался, сидел в ожидании, когда мне всё это надоест. Устав и промерзнув, я отошел от лунки, рядом с ней образовалась гора замершей рыбы. Уложил рыбу, оказалось её два мешка под завязку. Я был счастлив и горд, встаскивая мешки в домик. Отложив рыбу на уху, поинтересовался у хозяев, куда сложить остальную. Оказывается на улицу, за дом. Выйдя на двор понял почему водитель отказался рыбачить. Возле дома под снегом, лежала гора мёрзлой рыбы. Высыпайте, сказал мне хозяин дома в кучу. До весны не оттаёт, её даже собаки не грызут. Все приезжающие к ним грешат зимней рыбалкой. В счастье им не откажешь, а хранить уже негде. Уезжая домой, я всё же захватил с собой рюкзак рыбы и рад был, всучив своим сослуживцам окуней и щук. Уху я все же сварил отменную, хотя и пришлось одному чистить рыбу. Хорошо, что успел сварить, вечером подъехали из Джекказгана связисты и привезли огромный ящик, набитый по пути к нам, зайцами и парой сайгаков. Так что казан у меня сразу забрали под шулюм и надо отдать парням должное, весьма вкусный. Возможно ещё и потому, что прибывшие были молоды, энергичны и инициативны. Долго шутили по поводу моей рыбалки. Ужин прошел весело и затянулся почти до рассвета, а утром, забрав необходимые документы, они укатили назад.

Больше будучи в Косколе я больше не рыбачил. Угощался настоящим казахским пловом и другими национальными блюдами, приготовленными для нас, женой начальника Коскольского усилительного пункта и вспоминал солдат поваров с их фирменными блюдами. Стройка закончилась, объект передан в эксплуатацию. Он выполнил возложенные на него задачи космодрома и думаю, долго будет ещё служить суверенному Казахстану

ОТ КОСКОЛЯ ДО ДЖЕЗКАЗГАНА

Если первая половина кабельной магистрали от Байконура до Косколя проходила по ровной полупустынной местности, то вторая её часть, особенно ближе к Джекказгану проходила по пересечённой местности, частично вдоль дорог. На пути стали уже встречаться небольшие озёра и речки. На поверхность земли выступали небольшие горные образования. Местность пересекали овраги, впадины и ущелья. Чаше стали

попадаться населённые пункты с зелёными насаждениями, местные жители которых держали огороды. В виду наличия камня, дороги посыпались щебёнкой и даже покрывались холодным асфальтом(щебень залитый сверху мазутом). Со временем подсыхая, он скреплял полотно дороги. Для тех мест это были уже настоящие дороги.

Имея счастливую возможность между делом знакомиться с красотами Казахстана, я постоянно удивлялся её разнообразию и главное обжитостью мест. Казалось бы - полупустыня, где на десятки, а то и сотни километров не встретишь ни одного поселения. Однако это так может показаться только с первого взгляда, в чём я и убедился, прожив в Казахстане больше двух десятков лет, разъезжая по охотам и рыбалкам, а также совершая рабочие поездки. Уединится от людей или остаться не замеченным здесь порой труднее, чем в обжитой средней полосе России. Но, что меня всегда радовало в этих степях, это ощущение простора. Переехав жить в Пензу, я особенно осознал это, когда его уже не стало. Однообразной степь не покажется, если вы отъедите за пределы городской черты. На северо-западе от Байконура расстилаются пески каракумской пустыни. Если поехать в противоположную сторону, то попадёте в пойменные леса старых рек и озёр с утопающими в зелени благодатными оазисами. Если всё это дополнить обилием животного мира озёр и речек, кишачих рыбой и водоплавающей птицей, возможно, станет понятней, что эти места никогда не были «глухими». Само место под космодром, хотя и определялось близостью его к экватору, редконаселённостью района и погодными факторами, где 300 дней в году светит солнце, оказалось на пересечении, как древних, так и позднего периода путей сообщений и дорог.

Если переехать реку Сыр-Дарью из города Ленинска (сейчас это город Байконур), то уже через двадцать, тридцать километров, в зависимости от направления движения, вам повстречаются

Наш город – Ленинск (Москва-400, Байконур)

глиняные бабы, веками служившие указателями караванам шедшим к «шелковому пути». Караванные пути проходили вдоль реки Куан-Дарьи к Аральскому морю и далее в города европейской части России и Сибири. Степные дороги с глиняными указателями к концу дневного пути каравана, приводили к местам ночных стоянок, укреплённых крепостными стенами из необожжённого кирпича, от набегов степных разбойников. Если переехав понтонный мост ехать прямо, то слева от дороги вашему взору предстанет выступающий над местностью холм с остатками защитных стен и внутренних строений. Полтора десятка лет, когда я ещё служил на Байконуре, там стоял щитовой домик, вокруг каждый сезон ставились палатки археологических экспедиций. Находки экспедиций подтверждают, через эти места шла буйная торговля, не одно тысячелетие назад.

Если основной шёлковый путь проходил через Самарканд, Бухару и с юга огибал Каспийское море, то были и пути, огибающие его с севера. Они проходили по берегам рек Сыр-Ддарьи, Амударьи, через степные оазисы к Аральскому морю и далее, как я уже говорил, по территории сегодняшней России во все стороны, туда и обратно. Подтверждений этому я встречал множество и повсеместно. В зависимости от ситуаций в

странах, через которые проходили торговые пути, каждый из этих караванных путей становился основным или приобретал второстепенное значение, но никогда приостанавливался.

Позднее, когда народы Казахстана вошли в состав Российской империи и возникла необходимость освоения богатств средней Азии и защиты рубежей страны, там строились казацкие разъезды с населёнными пунктами и укреплениями. Ещё позднее, через эти разъезды была построена железная дорога Ташкент-Оренбург. С развитием промышленности в мире к природным богатствам средней Азии, особенно к полезным ископаемым северных районов Казахстана, потянулись и другие державы. Например, перед Октябрьской социалистической революцией английские и французские компании, взяв у России на 30 лет в аренду земли под посёлком Байконур, добывали там уголь и медную руду. Прошу не путать посёлок Байконур и место где позднее строился космодром Байконур. Между ними расстояние по прямой более трёхсот километров. Когда строился космодром, с целью сокрытия его истинного места нахождения, ему дали название Байконур, как посёлка находящимся в Джезказганской области. Само название Байконур трактуется в переводе с казахского по-разному. Дословно местность (песок) богатая травянистой растительностью, но историки утверждают, что это просто земля принадлежащая баю Конуру.

Я думаю, что обе стороны правы, но как бы там не было, сегодня это название знает весь мир и принадлежит оно, наряду с малоизвестным посёлком, космодрому Байконур, с которого начался дерзновенный штурм космоса Россией и откуда полетел в космос первый человек земли Ю.А.Гагарин.

Но до 1917 года в посёлке Байконур англичане построили угольную шахту, уголь с которой поставлялся на медеплавильный завод в посёлке Карсакпай, руда подвозилась из Джезказгана.

Джезказган, в переводе с казахского означает – место, где копали медь. Вообще-то история Казахстана указывает нам, что любое название в тех местах, как правило, носит название озёр или несет информацию, чем располагает данная территория или пригодность к той или иной деятельности человека. Например - посёлок Джусалы, что в 80 километрах от космодрома, - это место где произрастает растение, из которого делали краситель для шерсти (охра). Посёлок Косколь - получил название от озера на берегу которого он расположился. Это информация из справочной литературы об истории суверенного Казахстана, который получив независимость, сегодня уделяет большое значение Казахским названиям своих населенных пунктов, возвращает им прежние названия и, как всегда в таких случаях, увлекается на столько, что забывает о самой истории, прихватывает историю названия, по праву принадлежащую царской России, Советской стране и своему времени.

Рассказывая о космодроме Байконур, разместился на перекрёстке древних путей, не могу умолчать, о том, что именно через первую стартовую площадку, Гагаринский старт, проходил путь доставки горного оборудования англичанами от железнодорожной станции Джусалы, Ташкентско-Оренбургской ж.д. к посёлку Карсакпай и далее в Джезказган. Как доставляли англичане горное оборудование до станции Джусалы мне доподлинно не известно.. Предполагаю, в Афганистан морем, затем караванными дорогами шелкового пути через Самарканд, Бухару, до Ташкента, а уж от него по железной дороге до станции Джусалы.

Возможно и по железным дорогам, через Европу, Россию и далее до станции Джусалы. Дальнейший путь известен точно, это через степи, где сегодня находится космодром до посёлка Байконур и далее к поселку Карсакпай. Путь этот составлял степью 400 километров. Грузы для строительства медеплавильного завода доставлялись на верблюдах, а горное оборудование, это более 3,3 тысяч тонн, в 1914г. доставлялось по рельсовому пути длиной 13 верст. После того, как состав проходил его, путь разбирался и

заново укладывался перед составом. Состав из нескольких десятков вагонов тащило пять паровозов. Первый поезд, стартовавший в Джусалах в 1914г. прибыл в Карсакпай в октябре 1917года. Добыча меди англичанам под Джекказганом осуществлялось вплоть до 1920 года, а уж потом всё производство перешло в руки рабочего класса и аульской бедноты. Всё это я нашёл в истории Джекказганской области и самого города. Местами для выравнивания железнодорожной полосы насыпалась насыпь. Её мы и сейчас видим, подъезжая к Гагаринскому старту. Путь проходил от оазиса к оазису, от посёлков к аулам, и так на всём протяжении до места назначения. В одном из посёлков, до настоящего времени, как памятник и игрушка детям стоит один из тех паровозиков, а другой, такой же используется на детской железной дороге в Джекказгане. Рельсы узкоколейки местное население пустило в дело, и использует их, как опоры и перекрытия домов, сараев, как в частных подворьях, так и государственных предприятиях. Вдоль трассы этого железнодорожного пути, чуть севернее, обходя населённые пункты, проходила и наша кабельная трасса. Так что, объезжая её, мы естественно заезжали и останавливались на ночлег в тех же населённых пунктах, через которые возились на верблюдах грузы и проходил рельсовый путь англичан.

Посёлки на север от Косколя, расположены, как правило, в пойменных местах рек и озёр. Основанные еще казаками царской России, уклад жизни этих посёлков заметно отличается от казахских аулов. Люди в этих посёлках выращивают овощи на своих огородах, цветы в палисадниках под окнами домов и даже содержат небольшие фруктовые сады. Улицы таких посёлков обсажены деревьями, в основном – карагачи, выносливыми к засухе и морозам. В посёлках проживают кроме потомков казаков, казахи, корейцы и даже немцы. Как, к примеру, в том же Казалинске на железной дороге. Сейчас, возможно, большинство немцев покинули Казахстан и уехали в Германию. На пути нам попадались поселки, в которых кучно проживали немцы, скорее всего это поселенцы ещё первой мировой войны. Такие посёлки были «раем» в местных окрестностях.

Пойменный лес (заросли саксаула) казахской степи - здесь проходил Шелковый путь.

Как то мы заехали в такой посёлок, название которого я не помню. Еще издали, на подъезде к нему, мы увидели одноэтажный поселок, утопающий в зелени. За километр к нему вела асфальтированная дорога. Над посёлком кроме водонапорной башни возвышалось пожарная вышка, но что особенно удивило нас, так это вид самого пожарного, одетого строго по форме, на голове которого была до блеска надраенная бронзовая пожарная каска. Через весь посёлок был проложена асфальтовая дорога со сточными канавами по обе стороны, покрытыми тоже асфальтом. За окрашенными заборами домиков росли цветы. В середине посёлка находился аккуратенький магазин, а не далеко от него такой же опрятный киоск, перед окошком которого были насыпаны свежие опилки. Оказалось пивной киоск, в котором продавалось местное пиво. Молодая продавщица в белоснежном фартучке и чепце, с радостью обслужила нас, наполнив наши канистры. Она и рассказала нам о жителях посёлка. Это было бы замечательным местом для отдыха, но день только начинался, надо было работать на магистрали.

На ночлег мы в тот день остановились в заброшенном административном здании угольной шахты построенной англичанами. Здание и забор вокруг него были выложены из обожжённого красного кирпича и неплохо сохранилось. Большинство же построек были разобраны местным населением для строительных нужд, в основном на отсыпку дорог. Административное здание было двухэтажным, сохранились даже деревянные полы и лестничные пролёты между этажами. В одну из комнат военные строители завезли армейские кровати с постельными принадлежностями для заезжих строителей трассы. На первом этаже кроме комнаты, где размещался, постоянно проживая солдат строительной части, была комната под столовую и для приготовления пищи. Во второй половине здания, с отдельным входом проживала бригада цыган, занимающаяся благоустройством дорог в посёлке Байконур по найму. Они отсыпали дороги щебенкой и покрывали их холодным асфальтом.

Заброшенное административное здание шахты находилось у неглубокого ущелья. Вокруг были сопки, а внизу русло с ручейком и небольшими непересыхающими заводьями, оставшимися после весеннего паводка или дождей. В этих ямах с водой обитало множество лягушек и ещё больше змей. В светлое время, когда мы мылись в чистой и прохладной воде, их не было видно, а вот под вечер, поняли, что туда нам лучше не соваться. Ползучие гады всех размеров и окраски кишели в воде и возле неё. Скопление у водоёмов змей я видел не раз, но увиденное значительно превосходило по разновидности и количеству пресмыкающихся одновременно представших перед глазами. О приёме вечерних водных процедур речи быть не могло, и мы поспешили, удалится в «свою гостиницу». Устроившись с ночлегом, приведя себя в порядок и разместившись вокруг костра во дворе у здания, наслаждались вечерней прохладой и тишиной. Над костром на специальной подставке стоял большой казан и армейский алюминиевый чайник. В казане кипело растительное масло, мы варили уток и гусей, а потом и рыбу, добытую нами во время остановок по ходу движения по трассе. Всю добычу, очистив и присолив, везли с собой в деревянных ящиках, оберегая от перегрева. Довезли, не испортилась. Часть добытых продуктов передали солдату для пополнения запасов, а часть пустили на ужин. Увлечённые трапезой у костра, разговорами и чаепитием, не заметили, как изменилась погода. Сначала вдалеке увидели всполохи молний и доносившиеся до нас раскаты грома, но когда гроза приблизилась к поселку, и упали первые крупные капли дождя, мы почувствовали всю её мощь. Во все ближайшие сопки били молнии, освещая всё вокруг, как днём. От раскатов грома дрожала земля. Где то рядом с шумом бежала вода с небес. Сильнейший ливень и гроза бушевали вокруг, В ущелье ручеек разом превратился в бушующую горную реку и мы это видели при вспышках молний. Но самое удивительное и поэтому, оставшиеся в памяти, над нами не было дождя, только редкие отдельные капли, прохлада и свежесть насыщенного водой воздуха, сильный шум дождя идущий где-то, в перерывах между раскатами грома. Хорошее место выбрали англичане, думали мы, наблюдая за стихией, всё продумали капиталисты проклятые. Затем до нас стало доходить, что выбраться к посёлку за хлебом мы сможем пешком, а вот проехать по трассе будет не возможно.

Лишний хлеб в посёлке не выпекали и поэтому, договорившись с вечера с пекарней, мы должны были забрать его утром. Утром хлеб нам привез солдат на колёсном тракторе, договорившись с соседями-цыганами, а вот работы пришлось на сутки отложить. Даже после обеда, когда мы отъехали от шахты опробовать дороги, не переставали удивляться, во что превратились окрестности после грозового ливня. Раскисшая земля, огромные лужи и селевые потоки преграждали нам путь к поселковой дороге. Довравшись до посёлка, который находился на возвышенности, мы увидели, что на местном укладе жизни разгул стихии не отразился, жители, надев резиновые сапоги, занимались своими делами. Трактор- Беларусь с прицепом сновал, развозя что-то по посёлку. На дорогах трактор чувствовал себя уверенно, а вниз, в овраг, не совался, ввиду

отсутствия необходимости. Только на утро следующего дня, когда земля немного подсохла, мы двинулись в путь. Первое, что нам повстречалось на выезде из посёлка, в который мы въезжали более суток назад с обратной стороны, были ворота бутафорского космодрома Байконур. Ворота, я точнее сказать арка на въезде, была такая же, какие ставят всегда на въездах в колхозы и совхозы. Сделана она была из дерева, с надписью сверху – Байконур, но с

символической ракетой, взлетающей на орбиту земли, покрашенной когда-то серебристой краской. Не далеко от неё стояло пара пятиэтажных домов, первые этажи которых использовались под птичники и сараи жителями рядом стоящих домишек, огороды которых заканчивались у входа в многоэтажки. Возможно, эти дома, которые было видно издалека и само их строительство должно было

1980г. Одна из улиц посёлка Тюра-Там

имитировать строительство засекреченного космодрома. К этим воротам, наверное, и стремились иностранные разведки, но не тут - то было. Советский народ был на чеку, а мышеловка действовала. На обратном пути, когда мы уже возвращались из Джезказгана, недалеко от этих ворот нам попался водитель одиночка с грузом для настоящего космодрома. Кто - то подсказал ему путь, к тому же посёлок Байконур обозначался на всех картах в отличии от настоящего космодрома Байконур. Встретив нас, он со слезами на глазах попросил у нас топливо и показать дорогу к настоящему космодрому. Чтобы попасть туда, ему надо было сделать круг через Джезказган по союзной трассе на Кызыл-Орду и далее до Тюра-Тама, в город Ленинск. Это было выше его сил, поэтому узнав, что через два дня, с остановкой в Косколе, мы будем на космодроме, он уговорил нас взять его с собой. Мы согласились, свой брат- строитель, куда денешься. Заброшенная ловушка продолжала работать, в чём мы наглядно убедились. Но это было на обратном пути, а пока мы еще были на подступах к Джезказгану. .

Только на пятый день пути из Косколя мы, наконец- то, подъехали к территориальному узлу союзных магистралей находившемуся на окраине Джезказгана. Оставив там под охрану свою автомобильную технику и поболтав со связистами, мы поспешили в гостиницу. После проведения контрольных и измерительных работ на трассе, нам предстояли ещё такие же работы, но уже в черте города. Для этих работ нам требовался уже другой транспорт, который и предоставила нам строительная воинская часть, дислоцирующаяся недалеко от города.

До гостиницы нас подвезли связисты, побросав вещи в номерах, мы строем пошли в душевую. Мы были настолько покрыты пылью и грязью, что не раздеваясь, так и шагнули под струи воды. Это была и стирка и баня одновременно. Не знаю, что о нас подумала первоначально администратор, но разглядев после помывки в нас людей, явно обрадовалась. Грязевая угроза гостинице миновала. Переодевшись и пополнив запасы, мы отдыхали. Пиво в отличие от Ленинска, где его днём с огнём не найти, в Джезказгане продавалось на каждом углу, как копченая и сухая рыба к нему. Это было немецкое пиво, на розлив из алюминиевых бочат ну а рыбы в местных магазинах было столько видов, любого приготовления и на любой вкус, для того чтобы понять какую нам надо, потребовалось время. Только выбрав несколько видов, мы успокоились. Если в раскалённой степи пиво помогало нам утолять жажду, то в комфортных условиях да ещё и рыбой, произвело обратное действие. Всю ночь через туалет мы бегали к крану с холодной водой. Работая в городе на следующий день, мы уже не радовались, завидев

очередную пивную точку. Насыщение было полным и надолго успокоило тягу к этому напитку. Приезжая ещё несколько раз в этот красивый город, я уже осторожно баловался им.

Последний раз в 1988 году я прилетал в Джекказган в составе комиссии по приёму – передаче кабельной магистрали. Командование строительной воинской части разместило нас в лучшей гостинице города на берегу водохранилища. Это была гостиница обкома партии, вселяли в неё только высокопоставленных гостей. Она полуостровом входила в водохранилище, а с её центрального входа, по кружевной лестнице можно было прямо входить в воду. Вода в водохранилище была настолько прозрачна, что просматривалась в глубину на несколько метров. Видеть это и не искупаться было выше всяких сил. Разместившись в просторных шикарных номерах мы, тем не менее, потянулись к воде. Наслаждаясь купанием и нырянием, обнаружили, что касаясь ногами дна, обязательно наступали на раков. Их оказалось настолько много, что мы набили ими целый пластиковый пакет, который нам принесли товарищи.

На входе в гостиницу нас уже поджидала администратор. Она забрала у нас всех раков, чтобы мы не попытались сварить их в электрочайниках, пообещав через полчаса доставить их нам в номер, уже сваренными со всеми пряностями. Принесла их настолько быстро и намного больше, чем забрала у нас, мы подумали о том, что приготовлены они заранее, на случай заезда подобных гостей.

О пойманных нами раках мы поспешили рассказать прибывшему офицеру из строительной части. Тот нашей радости и восторга, не разделил, но доложил своему командиру, на следующий вечер, специально для нас тот устроил ужин с Представлением. На берегу водохранилища, где располагался пионерский лагерь и зона отдыха гарнизона он решил показать, что такое раки. Когда мы подошли к берегу, уже темнело, командир стоял с двумя горящими факелами в поднятых вверх руках. По обе стороны от него стояли два солдата с ведрами. Разведя факелы в стороны и передав таким образом их солдатам, он демонстративно включил секундомер. Солдаты с факелами и ведрами пошли в разные стороны от него по берегу, собирая раков среди камней и в прибрежной воде. Буквально через три четыре минуты солдаты вернулись и поставили перед командиром наполненные живыми раками вёдра. Три с половиной минуты сказал он, показывая нам секундомер. Раки были крупные и не очень, но радость удивить нас ему удалась. Мы уже собирались забрать вёдра с собой, но командир остановил нас. Солдаты на наших глазах выбросили раков в воду. На наше недоумение ответил, что отваренные раки по его рецепту нас уже ждут, а это было просто представление на тему их ловли и о красоте и богатстве природы окружающей зону отдыха. Приготовили раков действительно хорошо, но не послушав совет кушать только шейки раков мы уплетали их высасывая всё подряд и вскоре поняли, как были правы, губы горели огнём от мелких порезов, но выбросить большую часть прекрасного и редкого угощения было выше наших сил. Членов комиссии и офицеров строительного главка спас заместитель командира этой части, занесший на веранду, где мы сидели, на спине мешок с настоящей, местного разлива водкой. Так в строительстве большой кабельной магистрали, протяжённость 570км была поставлена последняя жирная точка.

На этом можно было бы тоже поставить точку в рассказе, но нам надо было ещё возвращаться в Косколь, чтобы забрать и от туда офицеров и членов комиссии. Погода на утро оказалась не лётной. Мелкий дождь сменял сильный и разрешения на взлёт в аэропорту не давали. Мы уже собирались возвращаться в гостиницу, как в небе показалось окно и даже солнце на время. Наши вертолётчики всем летунам – летчики, воспользовавшись моментом, получили разрешение на взлёт, но только в сторону аэропорта «Крайний». Это один из аэропортов космодрома. Я говорю один, так как был еще и аэропорт «Северный», строившийся для посадки МКК «Буран» и на него уже садились самолёты всех классов, подвозя оборудование, гостей высших эшелонов власти

Советов, командование ВС. и руководителей промышленности. Его строительство уже закончилось и для отработки всех навигационных систем требовались рабочие полёты. То, что над ним кружил самолёт-лаборатория и летали «Стрижи» - два истребителя из прославленного лётного отряда, было, наверное, маловато. Требовалась реальная нагрузка. Но нам на этот всепогодный аэропорт было не надо. Наши вертолёты базировались на «Крайнем», откуда и куда вылетали и приземлялись рейсы из столицы нашей родины-Москвы и где нас должны были встречать после командировки. Лётчики торопились на выходные попасть домой. Я спешил попасть к застолью, офицер нашего отдела обмывал очередное воинское звание подполковник и где мы с начальником связи обещались быть. Оставляя на все выходные товарищей и полковника Чистякова, моего непосредственного начальника в Косколе было не в наших правилах.

Взлетев, согласно полученного разрешения, набрав высоту, наши летчики, сказав диспетчерам Джекказгана, что перешли на сопровождение своих диспетчеров, распрощались с ними и остались сами по себе в воздухе. Полёт проходил выше дождевых облаков, над нами сияло солнце, а в стороне от маршрута под проливным дождём нас ждали. Сбросив высоту и прижимаясь к земле, чтобы нас не видели радары, мы в нарушение пошли на Косколь. Внизу дождь был настолько сильный, что через лобовое стекло лётной кабины ничего было не рассмотреть. Было конечно опасно, шли по приборам на высоте не более ста метров, а то и ниже, долг перед товарищами вынуждал нас. Винт вертолёт разгонял дождь и из грузового отсека плохо, но все же было видно землю. Сначала я по связи сообщал командиру о своих визуальных наблюдениях и предполагаемой высоте, а когда уже подлетали к Косколю, меня сменил бортрадист имеющий опыт в подобных полётах и помог командиру посадить машину прямо рядом с техническим зданием.

Там, в такую погоду, нас уже не ждали. Пришлось оказать помощь отъезжающим собратьям и погрузиться на борт. Очухались отдельные из них, когда мы уже набрав высоту шли на крейсерской скорости к заветному дому и всё спрашивали нас, кто нас выпустил и как мы могли додуматься.... Тоже нам сказал и диспетчер «Крайнего» пытаюсь возвратит нас в Джекказган, соврали, что топлива на возвращение нет. Экипажу поверили, но к нашей посадке стянули к полосе всю пожарную технику и даже машины скорой помощи. Только приземлившись в сильнейший ливень и увидев собранную диспетчером технику, товарищи поняли наше безумство. Я, неоднократно летая с этим и другими экипажами машин по этому маршруту и на Дальний водовод, где также строился целый посёлок и 17 скважин, кабельная магистраль связи и откуда, по трубопроводу длиной 120 км, вода должна была поступать в город и на старты «Энергии», отнёсся к этому полёту спокойно.

Имеющие колоссальный опыт полётов, как нигде в ВС., наши военные лётчики могли творить чудеса. Кстати, командир экипажа вертолета, тогда ещё капитан Кукуруза, впоследствии стал командиром авиаполка на космодроме.

Приведя себя в порядок, мы с начальником зашли в квартиру новоиспеченного подполковника, там появление наше всех удивило. Нас не ждали, а мы явились, как обещали, на радость всем и себе в награду.

На космодроме полным ходом шла подготовка по программе «Энергия-Буран и погружённые в заботы мы потихоньку стали забывать о затерянных в степи посёлках и трассах. Мне и потом приходилось бывать в тех местах, для ликвидации аварийных ситуаций и содействия Министерству связи, в лице ТУСМ-9. и на Дальнем водоводе, где работала наша система связи, но впечатления были не так остры, как в первый раз, да и во времени они были сильно ограничены.

Прошло время, но в памяти до сей поры восторг от степного простора, от неба с его удивительными по красоте восходами и закатами, которые, находясь в городе, не увидеть, а та тяжёлая во всех отношениях работа, сегодня представляется не иначе, как

сплошная прогулка по бескрайнему и любившемуся мне - Казахстану.

БАЙКОНУРСКАЯ СВОБОДА

Рассказывая о своей службе и жизни на космодроме Байконур и ничего не сказать о катерной было бы большим грехом с моей стороны. Катерная, не отъемлемая часть космодрома и его ровесница.

Я не пишу байки, я рассказываю правду о том, о чём обычно не пишут люди, отдавшие много лет жизни службе на космодроме. От них вы узнаете подробности трудовых будней, из которых складывалась парадная летопись покорения космоса, я же о том, как и чем они жили за кадрами документальной хроники. Я описываю только то, что лично видел или был непосредственным участником происходящих событий и ещё о том, что ничего человеческого нам было не чуждо.

Первые землянки и палатки первопроходцев космодрома строились и ставились прямо возле станции Тюра-Там. Эти землянки, кстати, простояли 30 лет и последние из них, стоящие слева от центрального въезда в город были разрушены, только, когда на космодроме пошли программы - Интеркосмос, чтобы не дискредитировать Советское государство. В вагончиках на запасных путях находились штабы и службы частей. Станция Тюра-Там получила своё название от могильного сооружения на другой стороне реки Сыр-Дарья., во времена строительства железной дороги. Это было место захоронения одного из сыновей рода Тура. В переводе с казахского оно означает - дом Тура. Захоронение было построено на высоком берегу реки из необожженного кирпича и было заметно всем издали. При строительстве железной дороги в середине 19 века Оренбург- Ташкент, это место было выбрано для станции, но коль вокруг других достопримечательностей не было, станция получила названия этого захоронения – Тюра - Там. При выборе места под строительство космодрома эта станция и стала основной точкой, от которой потянулись железнодорожные рельсы на стартовые площадки в одну сторону и строительство города в противоположную, к реке. В перспективе город планировалось построить на другом берегу реки подальше от рабочей зоны и стартовых комплексов. До строительства моста через Сыр-Дарью было принято решение строить временные жилые домики (посёлок Заря) на левом берегу реки. Временный понтонный мост, соединивший берега реки, был необходим для строительства скважин обеспечивающих будущий город питьевой водой, наряду с забором и очисткой воды из реки. Мысль о строительстве города на правом берегу реки долго была актуальной. Даже строившийся дом офицеров строился центральным входом со стороны реки, но затем был построен вход и с другой стороны, так как город продолжал строиться в сторону станции и рабочих площадок. Строительство моста отпало само собой, а временная понтонная переправа вполне устраивала обслуживание Ближнего водозабора, охотников и рыболовов.

Для поддержания его в рабочем состоянии, на берегу реки расположили подразделение отдельной инженерно-пontonной роты. Это подразделение его обслуживало и собирало его после весеннего ледохода. Для этого подразделение имело два небольших корабля – буксира и небольшую пристань недалеко от переправы. Рядом с ней в последующем и обосновалась катерная. Строительство города и его инфраструктуры шло одновременно со строительством стартовых площадок. Энтузиастом обустройства реки и мест отдыха на ней был заместитель начальника штаба полковник Львов. Он же и возглавлял туристический клуб космодрома. На реке появился паром, перевозивший жителей города в зону отдыха, расположившуюся на правом берегу реки напротив кинотеатра Сатурн, не далеко от того места где было захоронение сына Тура. По реке, от понтонной переправы до порогов у водозаборной станции, курсировал прогулочный катер. Сейчас он стоит у дворца пионеров, как память. Для обустройства городского пляжа потребовались спасатели и катера, которые разместились у пристани морского подразделения. Морского, потому, что подразделение обслуживающее понтонную переправу носило форму моряков ВМФ. Наша. Сыр-Дарьинская флотилия, как её любовно называли на катерной.

Надо отдать должное первопроходцам, которые думали не только о выполнении главной государственной задачи, но и обустройстве быта людей, их досуга. Растущему городу потребовались свежие овощи, возникло садово-огородное общество под названием – «Пылинка». Были проложены трубы подачи воды из реки, нарезаны огороды и тем самым решалась задача обеспечения горожан своими овощами, совмещая отдых и труд.

1994г. Река Сыр-Дарья

Вдоль реки быстро росли бахчи войсковых частей. Напротив городского пляжа, на острове, появилась бахча морского подразделения.

Любители туризма, охоты и рыбалки сами конструировали и строили себе катера и моторные лодки. Под гаражи приспособивали все, что могли достать. Это были кузова списанных автобусов,

автомобильные кунги всех фасонов, контейнеры из-под ракет, но чаще строительным материалом служили деревянные ящики и щиты из -под оборудования, поставляемого на космодром. Из них энтузиасты строили себе «фазенды» на берегу реки, рядом с пристанью. Так образовалась «Катерная». Сарай разрешалось строить только тем, кто имел хоть какое - то плавсредство и вступивший в туристическое общество. Для начала, достаточно было резиновой лодки и даже плота, а дальше труд и фантазия вершили чудеса строения малометражных судов. Дело в том, что катера заводского производства первое время в магазинах не продавались, их привозили только по заказу для общественных нужд. Поэтому их строили сами, доказывали их соответствие требованиям к малометражным судам, регистрировали и гоняли по реке, на радость всем горожанам. Служба в жаркой полупустыне подталкивала всех к живительной влаге реки.

Когда я прибыл в 1972 году на космодром и в город Ленинск, всё это ещё было. По реке ходил прогулочный катер, паром по выходным перевозил людей на отдых. Городской пляж был обустроен и на вышке дежурили спасатели. По реке сновали разноцветные катера и моторные лодки. В сараях на катерной кипела жизнь, а огибающая город, величаво несла свои воды полноводная и широкая река под названием Сыр-Дарья. Вдоль берега днём и ночью сидели рыбаки. В первые годы, когда я служил на дальней площадке, и времени для развлечений не оставалось, моя семья старалась совмещать

отдых и рыбалку одновременно. Плавсредством нам служила автомобильная камера от большегрузного автомобиля на которой мы и переплывались на ближайший песчаный остров. На островке мы купались, ловили рыбу и здесь же варили из неё уху. На летающие по реке катера смотрели как на чудо из другого мира.

Только спустя десяток лет, проходя службу на узле связи, расположенном в городской черте, поднакопив средств, я смог позволить себе купить катер и маленький кунг на катерной, служивший нам пристанищем для отдыха и местом хранения мотора.

Катер я купил у председателя катерной, он же начальник водной станции – ОСВОД, на правах подразделения областного ДОСАФ – тов. Федченко. Ему на замену катера - «Прогресс» прислали новый катер-«Крым» с водомётом. Старый он, как водится, списал, оформил на себя, а затем продал мне.

Для обеспечения порядка на воде был штат сотрудников, состоявший из четырёх спасателей, двух водолазов и двух мотористов. В сезон, они следили за тем, чтобы отдыхающие на пляже не заплывали за буйки, бороздили реку в городской черте, спасали утопающих или искали утопленников, а в остальное время бражничали от скуки на катерной. Катер я приобрёл в ноябре, когда сезон уже

У понтонной переправы

кончился, и компания маялась от скуки. Как было принято, Федченко оформил мне документы на катер и сразу удостоверение - на право вождения малометражного судна. «Катер твой, движение на воде не большое - научишься, да и мы всегда рядом, подскажем когда что надо будет»- сказал он, вручая документы. Покончив с формальностями, я засобирался перенести мотор в свой кунг, но старший моторист, капитан 3-ГО Ранга в запасе по фамилии – Медведь, возразил: « Не дело так, надо обязательно убедиться в исправности судна на воде». На воде было холодно, катер перевёрнутый лежал на берегу, оставалось только вынести мотор, бензобак, да аккумулятор. Я ещё до покупки с председателем внимательно осмотрел катер и нашёл его в превосходном состоянии. На воду не хотелось, но Медведь был прав - порядок есть порядок. К тому же, подумал, хоть покажут, что куда и в какой последовательности ставить, опыта ведь у меня никакого. Через несколько минут дружная компания, подтащив и поставив все на свои места, оттолкнула нас от берега, оставшись созерцать со стороны. Мотор и катер были в превосходном состоянии, мотор совершенно новый, не проходил и сезона. Сделав кружок по катерной, мы вернулись на место стоянки. Разбирал и стаскивал всё навесное оборудование в свой кунг, уже я один. С непривычки мне показалась эта работа очень тяжелой, и я немного даже обиделся на компанию. Катер был мой, и все трудности теперь были моими. Посопев, перетащил всё и пошел к председателю «оформляться». Компания меня уже жаждалась. Опережая мои вопросы, они вручили мне в подарок несколько книг по навигации на морях и реках, устройствах и работе лодочных подвесных моторов, правила движения на воде. Разогревшись портвейном, наперебой рассказывали и показывали мне, как и что надо делать. Моряк в запасе показал мне работу флажкам и даже отбил несколько склянок на корабельной румбе, висевшей в гараже председателя. На том и покончили с теорией и практикой. «Почитаешь, разберёшься за зиму, а если что, как и обещали, поможем, подскажем, научим» - говорили они дружно. Забегая вперёд, скажу, что действительно взаимовыручка и помощь во всём были на катерной незыблемым правилом, если не законом.

Пропустив уже не по первому стаканчику, под советы и наставления, сыпавшиеся один за другим, познакомившись и перейдя на «Ты» окончательно, председатель предложил оформить на меня представление к медали - « За спасение утопающего» а что,

рассуждал он, под дружное одобрение собравшихся - « Утопающим пусть будет вот он, при этом он показал на сидевшего рядом товарища, вот они – свидетели того, как ты сегодня у них на глазах из ледяной воды вытащил незадачливого рыбака выпавшего из лодки и если бы не ты и твой героический поступок, город бы не досчитался одного жителя. Я прямо сейчас, продолжал он, составлю все необходимые документы, показания свидетелей и представление в свою областную контору, а через месяц, начальник космодрома вручит награду, гарантирую»- обещал он под одобрение компании. То, что было бы это исполнено, я зная кухню того времени не сомневался, но хорошо, что голова

Вечером на катерной

ещё соображала и выпивка закончилась, а то ходить бы мне нынче в «героях».

Открытие навигации по реке, ждал не только я и моя семья, но и все товарищи по службе. Проблем с бензином не было, он тогда стоил дешевле стакана воды, но доставка его с единственной заправной автостанции в Тюра-Таме, представляла большие неудобства. Мои товарищи эту проблему решили быстро, подогнав машины подразделения и слив с них по баку бензина. Этого нам хватало надолго, а

когда он заканчивался вся операция - «Ы» повторялась. Тогда на катерной так поступали все, кто не имел возможности подвозить бензин с заправной станции. Это было нормально, не нормально было бы, если бы я поступал не так, как все. Это не считалось преступлением, во всяком случае, так думали не только на катерной. Время было такое.

Сначала в городской черте, затем дальше и дальше, осваивали мы флотское дело. Я говорю - Мы, потому, что водить катер и ремонтировать мотор научились все мои товарищи по службе. Когда предоставлялась возможность, после службы уходили на катере к лучшим местам, чтобы отдохнуть и черпануть немного рыбы домой. Преодолевать пороги на реке как-то получилось сразу. Сначала следуя примеру другого катера, а затем, уяснив, стал преодолевать их в любое время суток. Это было не просто. На большой скорости преодолевая сильный поток воды между камнями первого порога, затем, не снижая скорости пройти между порогами вдоль второго порога и круто развернув катер заскочить на падающий поток воды между камнями второго порога. Нерешительность или ошибка в управлении грозила, в лучшем случае, потерей винта, в худшем - разбитым мотором о камни или полученной пробоиной. Для удобства вождения, лишнего на катер не цепляли. Мягкие сиденья, столик и тент, были не к чему. При парадных выездах с семьёй, когда требовался комфорт, ставилось всё и даже колпак на мотор. Это меня и подводило, особенно в первый сезон. Под колпаком нагретого солнцем мотора собирались пары бензина и искра электрозапуска, могла воспламенить его. Лобовое стекло и тент мешали обзору при преодолении порогов или других препятствий.

В первые мои парадные выезды, это сразу сказалось. Со всей семьёй на борту мне приходилось возвращаться на катерную на вёслах, или высадив их поближе к дому, тащится самостоятельно или на буксире другого катера.. Хорошо, когда ходили вверх по реке, хуже, когда вниз за понтон. Был случай, когда меня привезли на катерную на грузовике. Мы с товарищем, ушли далеко вниз по течению и потеряв основной и запасной винты, ждали любой катер. Не дождавшись попросили рыбака отвезти нас на его автомобиле в часть, там в беде не оставили и съездили за катером на грузовике, в кузове привезли катер и нас прямо, на катерную.

Река в те годы была полноводной, гидросооружения на реке поддерживали нормальный уровень, но камней, порогов и мелей на реке было достаточно, место для

«подвига» оставалось всегда, для тех, кто ходит по ней. К тому же постоянно меняющийся фарватер требовал знаний и опыта от катерников. Тем не менее, наши любители водно-технического спорта, организованные командованием и самостоятельно, собравшись в большую группу ходили вверх до Казалинской дамбы и вниз до Аральского моря. Иногда их забрасывали автотранспортом далеко вверх по течению и они по нескольку дней возвращались назад. Я так далеко не ходил, служба не позволяла, да и семью оставлять надолго для этого дела, не хотелось, но на расстояние в один-два бака бензина, ходил постоянно.

В первых катерниках было много офицеров ВМФ, проходивших службу на Байконуре, они то и делали погоду на катерной и в нашей Сырдарьинской флотилии. В день ВМФ. все катера, лодки и всё, что ходило и плавало, не тонуло в воде, к десяти часам утра, выстраивалось на рейде у катерной. На флагштоках, их специально делали, поднимались флаги и флажки, которые что-то говорили людям знакомых с флотом, ну, а для всех на берегу это было просто красочным зрелищем. Председатель катерной и старший по воинскому званию из офицеров ВМФ, на своём катере обходил строй и приветствовал катерников, как положено на флоте. Затем катера, лодки и даже парусники проходили по реке, вдоль города и возвращались в свою гавань.

1982г. Отдых на берегу реки Сыр - Дарьи

После «морского» парада, катера гоняли по реке и катали всех желающих. Заканчивался праздник, как и все праздники и просто выходные дни с гармошками или баянами, под навесами катерной.

На реке у катерников было много излюбленных мест, где можно было отдохнуть и порыбачить и куда на автомобилях было просто не добраться. Были и у моей семьи несколько излюбленных мест, где можно было, поваляться на песке, поваляться в тёплых лужах и, наловив мальков, а затем рыбы, сварить уху. Когда я с семьёй обустроивался на каком-нибудь островке, проезжающие катерники, всегда сбавляли ход и интересовались - не нужна ли мне какая-нибудь помощь. Получив ответ, что всё нормально, мы отдыхаем, они, делая разворот, выбрасывали нам на берег несколько рыбин и исчезали.

На катерной было много хороших традиций. Например, если у тебя в гараже семья или гости, помогут с рыбой, но никто близко не подойдёт к воротам гаража или к раскинувшемуся «табору». Отдыху могли помешать разве что мухи или комары, но таковых на катерной практически не было, зато собак прикармливали все. Когда же гости покидали катерную, вся братва мигом подгробала к гаражу и праздник продолжался. Моя жена катерную не любила, как она говорила - «С вечно пьяными мужиками..». В кунг, а затем и кооперативный гараж она заходила лишь переодеться или попить воды. В тёплой воде она могла часами плавать и возиться. По серьёзному, купаться на катерной, было запрещено. За этим следил председатель и патрульная служба, постоянный пост которой находился на берегу. Как владельцы судов мы понимали эту необходимость, но нарушали и все плескались в воде, сколько хотели. Чужих на катерной не было. Если патруль требовал соблюдения приказов, ему всегда можно было ответить, что мы не купаемся, а отмываемся после прогулки по реке. Ну, тут какой вопрос- это дело. К тому же дно на катерной было исключительно ровным и пологим, не в пример городскому пляжу и это совращало, как и многое другое, что тянуло людей на катерную.

В любое время года и суток на катерной были люди. Кто-то принимал гостей, кто-то готовился к рыбалке или просто ковырялся в гараже. Если в старых сараях катерной электрический свет был только у председателя, да ещё, кое у кого, тайно, из-за правил

пожарной безопасности, то с постройкой капитальных гаражей, жизнь на катерной получила второе дыхание. Ночевать там стали даже в сильные морозы, а отдельные пенсионеры, просто жили там.

Как то зимой, в пургу я пришел на катерную. Жена попросила что-то отремонтировать. Вроде никого вокруг, все гаражи закрыты. Я даже обрадовался, что никто не будет мешать мне, заниматься делом. Обогреваемый электрическими печами гараж быстро прогрелся, в нём стало тепло и уютно. Постукивая на верстаке молотком, я вскоре услышал стук в дверь. Сначала появился один, затем на шум приплёлся другой и вот уже «компания усамы шевелит». Чтобы не тянуть время, товарищи принялись быстро выполнять моё домашние задание, и вскоре было всё исполнено, как всегда у мастеров, на высшем уровне. Дальше было то же, что и всегда, во все времена года.

До приезда на космодром М.С. Горбачёва с супругой, пили вина, которые поставляла нам братская республика Болгария, но с введением ими сухого закона, стали пить, что могли сотворить. Спиртом, надо сказать честно, на космодроме не брезговали никогда. Первое время самогон был отвратительный, а когда освоили «промышленное производство», от водки его было не отличить. Если первое время его пили со слезами на глазах и заткнув ноздри, а редкие мухи в гараже падали замертво от запаха, то теперь каждый расхваливал свой и сотворенные им настойки. Жизнь на катерной снова вошла в нужное русло. Гармошки и магнитофоны забивали друг друга.

Для катерников, катерная никогда не была просто местом хранения лодок, это была – вольница, народная свобода, запорожская сечь и многим другим, где все были друзья и братья, и не было там ни чинов, ни званий, все были катерники, все свободные люди. Каждый мог и говорил всё и обо всём, как на душу ляжет. «Здесь двери держали открытыми..»-точно, как в известной песне. Здесь ничего не пропадало и не исчезало бесследно. В открытый неделю гараж, могли только положить, что- то в подарок, кроме конечно, огненной воды. Нет, она тоже не пропадала, она реквизировалась на время в пользу голодающих, о чём они непременно докладывали после содеянного. Брали в долг и отдавали с лихвой, когда было. Я как-то тоже поставил бутылку с брагой в металлический ящик, возле гаража в котором хранился бензин. Помогали друзья советом и дрожжами, но когда через неделю я вовремя не прибыл, а народ уже ждал, посоветовавшись, решили немного отлить. Потом ещё немного, потом ещё.

1988г. «Старая» катерная зимой

Когда я прибыл, с опозданием, на ящике висел уже другой замок и записка. В записке сообщалось, где я могу взять ключ и причины. Бутылка была пуста, а налётчики ещё продолжали сидеть в соседнем сарае и вспоминать былые дни. Меня угостили другим напитком, но вывод я сделал - Не надо ставить в ящике на улице, от которого запах не дает ребятам пройти мимо, да ещё, чтобы об этом знали многие. Беда с этими катерниками, да и только. Зато и выручали когда надо, а у тебя нет. Причём всегда и все безвозмездно.

Единство душ особенно чувствовалось в старой - деревянной катерной. Отсутствие электричества и благ цивилизации с лихвой восполнялось общением. Возле сараев стояли навесы, покрытые маскировочными сетями, под которыми стояли длинные столы и скамейки. Неподальёку сооружался очаг из бочки или толстой трубы, на котором постоянно что-то варилось. Укроп для ухи, матерые катерники выращивали в щели между сараями, раскидав вдоль гаражей семена укропа. Удивительно, но росло. Постоянная тень помогала выжить растениям в летний зной, а для полива шли остатки любой воды. Столы и лавки не пустовали. Постоянно, кто-то, освободившись от дел, ставил на стол угощения, затем другой и так по кругу. Как-то ко мне на катерную пришел мой начальник- В.П.

Нестеров, я катал семью по реке и не знал о его приходе, а когда возвратился на катерную, он был уже изрядно подвыпившим. Ребята знали его и он с ними, в ожидании меня, почти целый день не выходил из-за стола. Потом он удивлялся, как это, они сидели с ним день и остались в отличие от него трезвыми. Неоднократную смену составов он даже не заметил. Я его забрал от стола и как обещал, усадив в катер, повёз кататься, но здесь же пришлось вернуться, Петрович заснул. Очнулся он, когда катер уткнулся в берег. Что поделаешь - гостей катерная принимать умела и всегда удивляла.

Заветной мечтой катерников было, построить добротные кооперативные гаражи со всеми удобствами. Поэтому, как только Рифат Милибаев, наш заядлый катерник и рыбак, председатель охотобщества космодрома, начальник одного из отделов, служивший со мной в штабе, пробил разрешение на строительство, катерная собралась в комок, напрягая все свои возможности, ошетибилась и кинулась воплощать свою мечту в жизнь. (Сейчас бы это назвали злоупотреблением катерниками своими служебными полномочиями, а тогда было просто - по дружбе и знакомству). Материалы и техника пошли со всех строящихся и заброшенных объектов - прямо рекой и по графику. Мы едва успевали выкладывать из них будущие гаражные боксы. Работали, как всегда на катерной быстро, дружно и весело, помогая друг другу.

Помнится Сергей Сайфудинов - экскаваторщик, бульдозерист и просто строитель, договорился с экскаваторщиком, работающим в районе катерной об одолжении ему на один день экскаватора. Нам необходимо было до укладки на крыши плит перекрытия, выкопать ямы под погреба. Выкопал он быстро и всем кто его просил, ну а себе яму выкопать не успел, экскаватор перевезли на другой объект, далеко от катерной. Наши товарищи не оставили человека в беде и с рассвета принялись в ручную откапывать яму. Когда я пришёл на катерную, им оставалось пройти, штыка на полтора и яма была бы готова. Жора Корицкий невдалеке готовил обед на компанию, а Сергей крутился возле ямы, уговаривая товарищей прерваться на минутку. Из ямы ему отвечали, чтоб отстал, так как работы им оставалось минут на тридцать и тогда уж....

На следующий день, когда я снова пришёл на катерную, Сергей и Жора с большими головами выбрасывали оставшиеся полтора штыка. Значит всё - таки уговорил мужиков Сергей- чёрт языкатый, подумал я.

Когда очередь дошла до крыш, мне тоже помогли заливать и крыть её, сослуживец, друг-Саша Сосна и сын Сергей. Закончив работу, отобедали, Санька, относившийся к разряду малолитражек, как любил говорить Матенов А.Е., - вскоре прилег отдохнуть в углу пустого гаража, подложив себе под голову силикатный кирпич. На что, зашедший на запах Жора Корицкий заметил:- « Он у тебя прямо как барин с белоснежным кирпичом под головой».

Так и строились, а к осени въехали в своё счастье. Теперь у нас было всё, как у людей. Праздники справлять было где. В гараж мой мог вместиться весь отдел связи, что мы и делали, когда ежегодно отмечали 7мая - День Радио, наш профессиональный праздник. В это время на катерной уже купались в реке, поэтому это было, вдвойне приятно. Хотя погода могла и меняться. Как-то в такой праздник утром ещё купались, а под вечер подул ледяной ветер, температура до нуля, так пришлось раздать гостям всю гаражную одежду, что бы те могли добраться домой. Катерная без чудес - не Катерная.

С постройкой капитальных гаражей, народ на катерной не стал хуже, но немного как-то уединился. Удобства сделали своё дело. В гаражах устанавливались кондиционеры, в промышленных объемах готовили холодную газированную воду, а появившиеся автомобили, меняли, если не облик, то размеренную жизнь катерников.

Одним из первых в гараж, на катерную, пригнал машину - Жора Корицкий. Ездить было практически некуда, как и всем кто жил в небольшом закрытом городе на берегу реки, зато появившись на катерной, он теперь с утра намывал и натирал изделие. Покончив к обеду с обслуживанием машины, он просил ребят, своих друзей, помочь

закатить машину в гараж. Практически на руках, Жигулёнок, чтобы не дай бог, не поцарапать или помять по неосторожности, вносили в гараж. Закончив ответственное дело, он радостно потирая ручки, приглашал всех к столу, отведать что бог послал. Готовить он любил, а угощать ещё больше. Самое удивительное начиналось, когда наступала ночь и всем, надо было расходиться по домам. Жора был на высоте, ни какие слова и уговоры его не останавливали, он лихо выгонял машину, втискивал в неё всю компанию и довозил до центральной площади города, в районе которой он проживал. «Не бойтесь – говорил он - я за рулём сосредотачиваюсь...», как результат, долго она у него не пробегала, пришлось отдать в руки сына..

Количество автомашин на катерной росло, в то время как катеров заметно уменьшалось. Причин этому было несколько. Во-первых, отслужив, уехали и забрали с собой катера морские офицеры, следом за ними потихоньку разъехалось второе поколение катерников, любителей охоты и рыбалки. На смену приходили новые поколения, которые предпочитали автомобили. Но главной причиной, с развалом Союза, вторая по величине река Азии, резко стала мелеть. В разгар лета, когда-то труднопреодолимую реку, можно было переходить вброд уже во многих местах, а подростки стали переплывать её в любом месте.

Видя такое дело, продал катер и я одному из увольнявшихся офицеров, который увёз мой катер куда-то на Волгу. Сыр-Дарья перестала доносить свои воды до Аральского моря, впрочем, как и Амур-Дарья. Хаос, воцарившийся на постсоветском пространстве, безнаказанно позволял разбирать воду из рек всем, на что угодно и куда вздумается. Дело доходило до того, что в степи заливались впадины, образуя огромные озера, которые высыхая, позволяли местным жителям легко и удобно заготавливать камыш. Беспределу пытались противостоять договорённости между странами среднеазиатского бассейна, но коренным образом изменить сложившуюся ситуацию уже не могли. Аральское море, не получая прежнего объема воды, быстро мелело, да и сама Сыр-Дарья уже не выглядела мощной преградой. Разливы весной ещё случались, но уже не представляли собой стихийного бедствия. Когда-то возведённые дамбы, для защиты города от наводнений, смотрелись, как непонятно зачем нарытый вал или развалины оснований древнего глинобитного крепостного укрепления. Лично я не застал, но слышал от тех, кто раньше меня приехал на космодром, что дамбу возводили спешно,- днём и ночью, а весенний разлив доходил до порога центрального универсама, заливая всю площадь В.И. Ленина. У меня не было оснований не верить ветеранам. Ещё в семидесятых годах проезжая по железной дороге у станции Аральское море, было видно из вагонов поезда само море и стоящие у берега корабли. На станции вовсю торговали копченой и вяленой рыбой. Сама Сыр-Дарья выглядела тогда величаво, и плавать в ней, было не безопасно. Водовороты, двойное дно, скорость течения, всё представляло угрозу для человека, оказавшегося в её водах. Купание в реке, кроме городского пляжа было строжайше запрещено. Частые происшествия на воде, только подтверждали правильность принимаемых мер командованием космодрома.

Всю мощь реки я ощутил на себе, ещё в первые месяцы пребывания на космодроме. На дворе стоял тёплый октябрь, молодые офицеры из общежития, одетые по-летнему по вечерам крутились на танцплощадке. Между собой офицеры-холостяки жили дружно, но с великовозрастными детьми первопроходцев космодрома, иногда возникали конфликты. Военного патруля в городе в те годы было как грязи в средней полосе России. Конфликты пресекались быстро. В тот вечер на танцах обычная перепалка между молодёжью стала перерастать в потасовку, подоспевшие наряды патруля попытались быстро арестовать конфликтующих. Естественно я был на стороне своих товарищей. Попасть в комендатуру было большим Грехом. В частях за это по головке не гладили, да и партийная оценка могла надолго затормозить карьеру молодого офицера. Все лейтенанты знали, что бьют не за то, что сделал, а за то, что попался. Когда все

кинулись врассыпную, я тоже перемахнув через дамбу, попытался скрыться в темноте городского пляжа. Опытный патруль быстро понял сотворённую по незнанию ошибку. Бежать то было некуда, впереди река. Я вдоль берега, патруль за мной. Поняв, что просто так патрульные не отстанут, сбросив сандалеты, кинулся в воду, плыву, а патруль по берегу с фонарём. Зарево от электрического освещения парка освещало меня на воде, как и противоположный, берег. Долго плыть по течению я не мог, впереди была катерная и за ней понтонный мост. Попасть под понтоны, в сильнейшие потоки воды, а главное под тросы, крепившие его, было самоубийством. Осознав это, я принял решение форсировать реку, а затем вернуться по берегу, вверх по течению и вновь пересечь реку в районе кинотеатра Сатурн. Выплыв на широкий фарватер я понял, что такое Сыр-Дарья, да ещё

ночью. Водовороты, волна, течение и всё это сразу и на меня. Опыт подобного плавания у меня был, но тогда это было на реке Кубань, и был ещё светлый вечер. Кубань, хоть и большая река Кавказа, но до Сыр-Дарьи ей было далеко. Как-то приехав в отпуск, будучи курсантом, я решил, пока про мой приезд не прознали друзья, немного подзагореть на

Река Сыр-Дарья зимой

на песчанном берегу реки Кубани. Коса, чуть повыше того места где река Уруп впадает в Кубань была безлюдной, что вполне подходило для меня. Купался и загорал почти до вечера, а немного проголодавшись, решил полакомиться ягодами в зарослях на противоположном берегу. Не борясь с течением, я преодолел реку и выкарабкался на подмытый крутой берег. Поклевав незрелой облепихи и терна, собрался назад, но не тут - то было. С места, где я находился назад к одежде мне не выплыть. Меня просто унесёт течением, и возможность выбраться на берег появится только после устья Урупа, высокого глинистого берега и практически только у школы № 2, где я учился в начальных классах. От школы через город до места, где оставалось одежда, было далеко. К тому же через город идти в одних плавках было совсем не к чему. Надо было что-то делать. Я попытался прокарабкаться через непроходимые колючки вверх по берегу, но пройдя метра два, понял, это не возможно. Остановился на пяточке свободном от колючего кустарника. Прямо передо мной под крутым берегом был водоворот и быстрое течение шириной метров десять не больше, а дальше как виделось мне в лучах заходящего солнца, было тихое спокойное течение. Взвесив всё и рассчитывая только на себя я, сильно оттолкнувшись, кинулся в воду. Работая во всю мощь ногами и руками, я почувствовал, как водоворот скручивает мои ноги в косу и тянет ко дну. Вспомнилось мне, как мальчишки ещё в детстве говорили, если попал в водоворот надо набрать побольше воздуха в лёгкие и уйдя на глубину водоворота, постараться, сильно оттолкнуться от дна, это поможет выбраться и не утонуть. Вспомнив это, я так и поступил. Помогло. Перестал я махать руками и ногами только когда рукой ударил по прибрежному песку. Течение снесло меня не на много и я, выбравшись на берег, побрёл к одежде. Больше в одиночку я на реку старался не ходить.

Находясь на фарватере теперь уже реки Сыр-Дарьи, я сразу вспомнил про Кубань, про то, что это в моей жизни уже было и от этого как-то стало спокойней.

Место, где мне пришлось пересекать реку, было самым широким, в районе города в

то время, к тому же на мне была футболка и брюки, что стесняло движения. Повезло, я преодолел препятствие и поднялся на противоположный берег. До нужного места к переправе я добрался довольно быстро. Река в месте переправы была поуже, но из-за каменных глыб, лежащих на дне, бурлила, и нагоняла волну. Вскоре я уже выбирался под крутой берег у кинотеатра Сатурн, между рыбаков с их снастями и под их недовольное ворчание.

Ненормального, переплывшего реку ночью заметили не только рыбаки, но и прогуливающийся по набережной наряд патруля. В больших водных бурунах, в отблесках городских огней, они издали заметили светлую футболку нарушителя, пытающегося вплавь проникнуть в секретный город. Сразу у воды меня взяли под белые ручки.

2995г. Катерная (М. Авдеев и В.Скрыник)

Сначала я попытался объяснить, что поскользнулся и упал в воду с берегового скользкого камня, но меня, даже не слушали. Досадно было, от чего ушёл к тому и пришёл. Смирившись с судьбой, следуя в сопровождении патрульных в комендатуру, я рассуждал уже о том, что за проникновение в закрытую зону меня не привлекут, за хулиганство тоже, а вот за купание ночью в необорудованном месте вполне могли. Это было лучше, чем второе, но все, же неприятность для командира части. Идти в

мокрой одежде было не совсем удобно, не говоря уже о взглядах прохожих. Попросил разрешение у начальника патруля отжать брюки и тот пошел мне на встречу, а зря. Сняв и отжав брюки, я уловил момент замешательства патрульных, пошёл на прорыв. Несколько кварталов летел, как спринтер на 60- метровке и вскоре оказался у своего общежития. Пулей, пролетев мимо изумлённого дежурного администратора офицерского общежития, я скрылся в номерах. Из общежития, как и с Дона выдачи нет, это знали все. На танцы мы пошли на следующий день, а вот переплывать Сыр-Дарью, я больше никогда не помышлял, а когда стал взрослым и рассудительным, уже было не для чего. Развлечения молодых гусаров ушли в прошлое, мы старели, росли в званиях, а река жизни продолжала спокойно нести свои воды.

Катерная ещё долго, до самого моего отъезда с Байконура, оставалась для меня любимым местом отдыха. Затем стала местом отдыха моего сына, который закончив академию Можайского, вернулся для прохождения службы домой, на Байконур. Но у него была уже своя «катерная». Там и сегодня продолжается жизнь, но уже чужая и «другая» река с прежним названием – Сыр-Дарья, берущая своё начало высоко в горах, уже, никуда не впадает. Сегодня нет уже Аральского моря, оно осталось только на картах. Сейчас там просто низина с мелкой лужей, которая заносится песками. Возвратить его в прежнем виде уже невозможно, даже если отбор вод в обеих среднеазиатских реках прекратить полностью, даже теоретически. Когда ещё были учёные в стране, и они говорили, что Каспийское море с проливом Кара-Богас – Гол с Аральским морем – это сообщающиеся сосуды с циклом в 80-100 лет, но даже если они окажутся правы и стоки вод станут полноводны, как раньше - прежнего Аральского моря всё равно уже не будет. Мне и моему поколению просто посчастливилось жить и служить в средней Азии, когда там было ещё Аральское море. Безусловно, наше время виновато в том, что лишило будущие поколения - моря. Не стало моря, не станет скоро и нас, но жизнь будет продолжаться, возможно, всё повторится тысячу раз, только наша вода уже прошла. Море нашей жизни медленно высыхает, как не печально об этом думать.

РАДЫ СТАРАТЬСЯ

Бессмертная комедия Н.В.Гоголя – «Ревизор»- потому и бессмертна, что каждое поколение живущих участвует в ней и обновляет её своими красками. За свою жизнь я, как и любой человек, множество раз становился её участником или просто очевидцем.

Вспоминается армейская проверка полка, когда я служил в боевой бригаде в подчинении Оренбургской армии.

Уже за месяц, когда в воздухе запахло грозой, мы стали прислушиваться к раскатам грома предстоящей проверки. К приезду готовились. В порядок приводилось всё, что могло попасть на глаза проверяющим, а так же мысли и навыки. За сутки до подъезда высоких гостей, нам довели перечень недостатков, которые выявила комиссия в последнем проверенном ими соединении.

Я тогда уже командовал ротой электрозаграждений и минирования (РЭЗМ) и, записав замечания касающиеся караулов, поспешил довести их до сведения своих подчинённых. Нового ничего не было, но вот о том, что противопожарные щиты в караулах у нас не соответствовали требованиям каких-то альбомов армии, услышали впервые. Наши противопожарные щиты строго соответствовали требованиям руководящих документов, нам в принципе, можно было бы не волноваться. Но раз довели, значит, что-то надо было менять и хоть как-то реагировать. В Армии это любили. Совещались с командирами взводов долго, даже пришли к выводу, что щиты в том состоянии и комплектации, которые требуют документы - практически бесполезны. Те же багры или топоры, чтобы ими рубить или растаскивать при пожаре в карауле, построенном из монолитного бетона и железа. Лом, лопата или ведра, те хоть годились для уборки территории. Надо было, не нарушая основных документов, как-то обновить щиты и показать, что готовились к комиссии. Решили в итоге заменить деревянные части щитов железными, это не меняло сути, но делало их долговечными. Единственное, что могло гореть при пожаре в караулах, теперь убиралось.

Взводные, погрузив необходимые материалы и специалистов в машины, выехали в позиционный район полка, где было решено всё сделать и затем развезти по караулам. Комплектация щитов оставалась прежней, поэтому установив новые, караульным оставалось только покрасить их. Как говорится в известном произведении - « Наступила ночь и в стране дураков закипела работа». Одно дело решить, другое сделать. Что-то не заладилось у моих взводных с работой, а время поджимало, и гениальная мысль посетила голову одного из них. Зачем им мучиться, если можно позаимствовать уже готовые, новенькие, железные щиты у железнодорожников на космодроме. Распределив станции между собой, мои взводные, как начало темнеть разъехались веером по космодрому. Ума много было не надо, тихо подъехали, спокойно выдернули из земли, в машину и по газам. Красить их не было необходимости, такие они были новые и укомплектованные. Заменить в них нужно было только опись и то из-за подписи.

Всё успели мои командиры вовремя. Оставалось только ждать комиссию и вглядываться в горизонт. Не догадываясь ни о чём, я готовил казарму к приезду гостей. Гром проверки ударил уже вечером. Пока гости размещались в гостинице бригады, нас собрал комбриг в клубе для доведения плана проверки и устроил разнос. Грозовая речь, ураганные жесты то утихали, то вновь бушевали с неистовой силой. Наши перепонки разрывались в клочья, уши сворачивались в трубочку или вовсе грозили оторваться от

голов. Вскоре до всех присутствующих стало доходить - единственная государственная железная дорога через весь Казахстан, единственный тяжёлый бульдозер в бригаде, единственный поезд в сутки из Оренбурга, откуда и ехала к нам комиссия, и всё это встретилось в одном месте и в одно время. Бульдозер, посланный ещё до рассвета в Дермень-Тюбе, где находился один из замаскированных под зону отдыха, запасной командный пункт бригады, для приведения в порядок полевой дороги и окультуривания укрытий для техники, почему-то переехал рельсовые пути по прямой, а не через железнодорожный переезд. Хотел, наверное, как лучше и быстрее добраться до места, оказалось, сдвинул рельсы. Как результат, остановил на несколько часов движение от Москвы до Ташкента, но благо не пустил ничего под откос. Комиссия Армии, ехавшая поездом из Оренбурга, естественно томилась в ожидании окончания ремонта пути, но она и не догадывалась о том, что виновником была подчинённая им бригада. Они конечно об этом и не узнали, но нам досталось за беспечное прошлое, паршивое настоящее и всходившее с рассветом будущее.

С наступлением рассвета «Бой» закипел. Отстояв рубежи на одном месте, мы перемещались и окапывались на другом направлении. Я, отчитавшись за казарму, уехал встречать гостей в позиционный район полка поближе к караулам. Ждали на дорогах, а они опустились с небес на вертолёт, во главе с заместителем командующего Армией. «Чёрт» оказался не так страшен, как мы воображали это себе. За полчаса комиссия успела осмотреть мой караул, выбранный ими произвольно и не считая их пожеланий, остались в целом, довольны увиденным. Караул представлял находившийся там командир взвода, мы с командиром полка успели подъехать и присоединились к группе проверки. На наши противопожарные щиты никто даже не глянул, во всяком случае не сказали, а вот у места, оборудованного перед убежищем для проведения дезактивации средств защиты и людей, остановились. Заместитель командующего стоял впереди, а все остальные с блокнотами и ручками на изготовку сзади, как и положено.

«Где ротный, - подозвал меня генерал - Ты, что здесь нагородил». Я попытался доложить, что всё сделано согласно требований, но он посмотрел на меня как на необстрелянного солдата и сказал: - « Это всё, старший лейтенант, дополнительные поражающие факторы, если уж начнётся и нанесут...К тому же этим металлоломом завалит выход из убежища, и будете там мать вспоминать...». Все стоявшие за ним одобрительно закивали головами, соглашаясь с боевым генералом. Я же подумал, чтобы вы не говорили мне, пока в приказах не отмените, будет стоять. Если бы не было ничего, было бы замечание, что Химгородок не отвечает требованиям и уж тогда вся эта свита изгалялось бы надо мной по- другому. Я хорошо помнил уроки своего первого начальника штаба полка - Петровского, что бумага великая сила, а пожелания улетят с ветром, как и те, кто их выдал, но нам- то жить здесь и встречать следующих.

Гроза прошла, воздух был свеж, хотелось жить и радоваться. Проводив гостей «за ворота», я собрал и поблагодарил своих взводных за хорошую подготовку караулов и старание, которое они проявили. «Рады стараться» - ответили мне командиры, давась от смеха. Командир регламентного взвода лейтенант Файков В.Г., рассказал мне, как они изготовили противопожарные щиты и как один из взводных, решив помочь товарищу, захватил для него противопожарный щит со станции, «закреплённой» за ним. Тот в свою очередь, не зная о заботе товарища, приехал на станцию за щитом. Подойдя к месту, где должен был стоять щит и, не обнаружив его на месте, он в злости кинулся в помещение станции, разбудил старшего смены- ефрейтора и потребовал показать ему щит. Когда они вместе убедились в его отсутствии, на месте которого остались только ямки, мой взводный понёс на ефрейтора: «Спите, у вас скоро Родину украдут...» плюясь и негодуя, поехал в свой караул. В карауле его ждал новый противопожарный щит, который двумя часами ранее завез к ним его товарищ, попутно.

Из опыта скажу, хотя нового здесь ничего нет, что встречать большого начальника

легче, чем дотошных и везде сующих свой нос мелких проверяющих. У большого, ты сразу - пан или пропал, следствие, результат всё сразу и в одночасье. Мелкие день пролазают, напишут сотню замечаний. Попортят нервы, а в результате, Акт читаешь - «имеют место отдельные замечания, не влияющие на выполнение основной задачи».

Вспоминается случай, когда я был ещё совсем зелёным лейтенантом, представлял для проверки свою передвижную дизель-электростанцию (ПЭС-200). Проверяющий майор из Армии, увидев на дверцах электростанции молоток и лопату окрашенные в три цвета, взвыл от негодования. Я уж подумал, что меня расстреляют на месте без суда.

Готовясь к проверке я выдал подчинённым разноцветные эмали для покраски станции, но как всегда, когда остаётся краска, возникает желание куда-то её применить. Вот мой Электрик и решил торцы инструмента обозначить красной краской. Это ещё хорошо, что сержант, командир отделения, отогнал его от станции, но посчитал, что эта мелочь все же украшает шанцевый инструмент и всю дверцу с ним. Я тоже, увидев, прикинул и согласился с сержантом оставить всё как есть. Станция смотрелась в фас и профиль, и агрегаты работали как часы - отлично.

Майор, желая добить меня до конца, полез с моим ефрейтором под шасси, белой тряпочкой проверяя наличие пыли, а возможно и подтеков масел. Я было, тоже хотел полезть за ними, но на пороге появилась группа во главе с генералом, заместителем командующего по ракетному вооружению. Мы с командиром отделения вытянулись в струнку у станции и замерли в ожидании. «Хороша станция, выговорил он, глядя на нашу красавицу, если ещё и заведется, ей цены не будет. Время пошло» и посмотрел на свои часы, а стоящий позади него старший офицер включит секундомер. Мы кинулись вовнутрь станции и чтобы сократить время, завели её не от аккумуляторных батарей, а от баллонов со сжатым воздухом, как предусматривалось в экстренных ситуациях. Дизель взревел мгновенно, затем загрохотал движок поменьше. Выхлопы газов окутали стоящую в сооружении станцию и, хотя ворота были открыты настежь с двух сторон для сквозняка, загазованность сразу почувствовалась. Через несколько минут мы по команде заглушили агрегаты, и я с техническим журналом стал перед генералом. «Отлично» - размашисто вывел оценку наш главный начальник. После ухода его превосходительства и высокоблагородий, ко мне подлетел - его благородие, господин, товарищ майор. В ушах у меня ещё стоял шум от рёва моторов, а он что-то кричал и махал ручонками у меня перед носом. Оказалось, когда заревели двигатели, он с ефрейтором, ещё осматривал раму и в испуге, на четвереньках вылетел из - под станции, сломал каблук у сапога, и за всё это мне предстояло ответить.

Не сразу, но все же успокоили его, каблук мои умельцы ему водрузили на место, вдобавок посадив его ещё и на клей. Отдраили сапоги и принесли их ему сияющими. Я, конечно, сочувствовал майору, извинялся, что был очень не прав, хотя в принципе с ним бы ничего не могло случиться. Станция стояла на опорах, это был её рабочий режим, а осматривать её иногда приходилось и с работающим двигателем. Это работа и никуда от неё не уйти.

« Нам некуда было деваться, работал секундомер», оправдывался я, «А вы и рады стараться...»возмутился он ещё долго.

Но главное, как бы он не возмутился, изменить оценку, был не в силах. Это больше и скорее всего, огорчало его до невозможности, в отличие от моей двойной радости. Что касается трёх цветов на шанцевом инструменте, так один из них стерся в мозолистых руках подчинённых при аварийной ситуации на комплексе.

Документ члена КПСС

Двойной потому, что, во-первых, эта высокая оценка была лучшим подарком к предстоящему приему меня кандидатом в члены КПСС, а во-вторых, ещё две недели назад мою станцию ограбили, выпотрошив из неё весь одиночный ЗИП, сняли катафоты и даже выкрутили шурупы из обшивки.

Дело было так. Готовясь к проверке, наши отцы-командиры порешили собрать все подвижные электростанции в одном месте и обслужить их под руководством опытных специалистов технической ракетной базы. Мысль замечательная и если бы у меня были серьёзные проблемы со станцией, я бы только был рад. Но станция моя была в отличном состоянии, несмотря на то, что она месяц зимой проработала на одном из стартов полка, обеспечивая электроэнергией пусковую установку. Мои люди за этот месяц конечно вымучились, а я устал подвозить солярку, но сменив смазку и покрасив её, я не боялся представить станцию кому угодно. Отказаться было нельзя. На месте технического обслуживания мои подчиненные, покончив с мелочевкой, готовили её к покраске. Набрал нужные краски, мы решили сделать это у себя в полку по возвращению из технической базы, красиво и не торопясь. Пока они работали, я болтался вокруг станции, изучая устав КПСС, и бубнил себе под нос - «Член КПСС обязан...беречь и приумножать общественную и социалистическую собственность-основу могущества и процветания Советской Родины».

Вечером огромный ангар со станциями, в нашем присутствии опечатали и сдали под охрану начальнику караула и мы спокойно уехали в казарму. Наутро, ровно в урочный час, в присутствии всех, ангар вскрыли и все пошли по рабочим местам. Через несколько минут после вскрытия ангара ко мне подбежали мои подчинённые и доложили чуть не рыдая, что нас ограбили. Претензии выставлять было не кому, вроде всё делалось правильно и по уму, вот только нас... и мы остались крайними....Подумав и посоветовавшись со своими «орлами», решили – как они нас, так и мы их....На ночь я оставил своего ефрейтора внутри станции и опечатал её снаружи. Ефрейтор был маленького роста и когда все покинули ангар на ночь, он через окошко вылез и возвратил утраченную собственность и более того, он её даже приумножил. Когда в очередной раз вскрыли ангар, меня встречало счастливое лицо нашего ефрейтора. Я быстро затребовал тягач, для возвращения в часть, расписался во всех документах о том, что всё обслужил, проверил и даже письменно поблагодарил за высокую организацию технического обслуживания руководителя работ. Прибыв в часть, и переведя дыхание, мы спокойно принялись за обслуживание и подготовку станции к предстоящей проверке.

Теперь это всё было позади, я и весь мой расчёт улыбались, а на похвальные слова начальников отвечали, рады стараться, да еще - «Служим Союзу Советских Социалистических Республик!»

Как часто любил повторять у нас в Ставропольском высшем военно-командном училище связи начальник кафедры Марксизма - Ленинизма, полковник Исаченко:- «Нет ничего лучше, чем дышать пылью из под колёс машины, увозящей инспектора».

ЧАСТЬ II

БУРЕЛОМ

События о которых я хочу рассказать Вам, проходили в боевой бригаде, которая располагалась на площадке 71 прославленного космодрома Байконур. В состав космодрома, в связи с её особой спецификой, она входила и выходила неоднократно, пока

Государственный герб СССР
Союза Советских Социалистических
Республик

не была снята с боевого дежурства и расформирована окончательно. После моего перевода в другую часть, она просуществовала ещё лет пять и канула в вечность. О нашей бригаде даже в юбилейных изданиях космодрома и управлений испытательных частей почти ничего не рассказывается. Приводится перечень приказов, указов и директив, касающихся её и несколько фотографий командиров, чудом сохранившихся в архивах космодрома. Жаль, конечно, а ведь именно её боевой мощью наш Генсек ЦК КПСС Н.С. Хрущёв грозил Америке «Ухнуть...». С неё начинал формироваться ядерный щит страны, в ней опробовались основные положения боевого дежурства и уж, затем они становились правилами в Уставах РВСН. Серьёзность государственных задач решаемых

офицерами и солдатами объединения накладывала особый уклад на всю их службу. Строжайшая регламентация жизнедеятельности не только военнослужащих, но и членов их семей, положенная на железную дисциплину, заметно отличала бригаду от испытательных частей космодрома. Традиции заложенные в частях и подразделениях бригады, после её расформирования в 1984г. ещё долго отличали пл.71 от других гарнизонов соединения. Офицеры прошедшие службу в бригаде получали прекрасную военную школу, заметно выделялись от товарищей из испытательных и специальных частей космодрома и успешно продвигались по служебной лестнице. Об отдельных из них я уже кратко упоминал в своей автобиографии, но хочется остановиться подробнее.

Жёсткий уклад службы способствовал проявлению личностей в особом ярком оперении. Именно о таких не заурядных личностях я и собираюсь поведать. Основная масса офицеров того времени, с которыми мне посчастливилось служить в бригаде, представляла собой, если говорить грубо, - смесь сознания и поступков определённых Моральным кодексом строителя коммунизма, Уставами и правилами того времени,

положенными на вековые Российские традиции и загадочную русскую душу. Если Моральный кодекс служил основным стержнем, то Уставы, а это воинские, членов КПСС, ВЛКСМ, создавали зелёную крону социалистического образа жизни, практически всех

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№07928535

Фамилия Авдеев
Имя Михаил
Отчество Петрович
Год и месяц рождения 1950 июнь
Время вступления в ВЛКСМ Февраль 1966г.
Баштанов
(наименование комитета комсомола выдавшего билет)
Баштанов
Часть 14338
Дата подписи 1976
Секретарь Михаил
Оформлено 1976 г.

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
19 75 год

Месяц	Месячный заработок	Сумма взноса	Подпись секретаря
Январь			/
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

12.06.75

Удивительно, но я так думаю и сейчас

нормальных людей того времени. Ещё с детства нравственный росток подпитывался Правилами Октябрят и Пионеров. Если вы сегодня способны собрать и совместить всё это мысленно у себя в голове, то получите картину морально психологического пейзажа семидесятых- восьмидесятых годов 20века. Это интересно, но об этом очень много написано и теперь уже с разных точек зрения. Я же загляну в чашу лесную и не кривя душой, как смогу, поведаю о девственном буреломе. Постепенно из рассказа в рассказ я буду вспоминать людей, которые выделялись из общей массы и не всегда, к сожалению и счастью, являлись примером для окружающих, но запоминающихся своей неординарностью, а порой даже небольшим самодурством. Кстати сказать, яркие командиры всегда и во все века этим немного страдали, ну, а посему и запоминались.

Одним из таких командиров в самом начале семидесятых годов прошлого века, был командир технической ракетной базы полковник-инженер Четверня В.В, позднее командир учебного центра ракетных войск стратегического назначения, размещавшегося на одной из площадок Байконура. Запомнился не потому, что у него была красавица дочь, которую он, естественно, хотел удачно выдать замуж за серьёзного офицера- ракетчика, а посему грозился вырвать ножёнки какому - то лейтенанту – связисту, тайно встречающегося с ней. Бог миловал, фамилию нашего товарища Валерки Бурмистрова он не узнал, а дочь Лариса уехала в Москву, с очень перспективным офицером из его части. Виктора Васильевича знала и даже побаивалась вся бригада, возможно кроме комбрига полковника Лебедева В.П., кандидата технических наук день и ночь работающего над докторской диссертацией. Как лейтенант я видел их только издали, к тому же при Лебедеве В.П. я служил всего два года, а при Четверне В.В. всего год, но последний всё же успел запомниться.

По утрам подъезжая к КПП бригады, полковник Четверня выходил из машины и следовал к своему штабу в развалочку пешком, в шинели накинутой на плечи, словно

кавалерист в бурке, с подобающей этой профессии круглыми ногами. Полторы сотни метров от проходной до своего штаба у него занимали около часа. Разнос начинался от шлагбаума на пропускном пункте всему и всем кто попадался ему на глаза. Совершенству нет придела, а посему за всё вокруг и за тех, кто не вернулся из боя, надо было отвечать. Дежурный по бригаде, не будучи ему в подчинении по службе, принимал на себя первый удар, за ним все дежурные по пути следования, ожидающие своих командиров на перекрестках и у штабов... Боже упаси, если кто-то не поспешил подойти к нему, если уж - не с докладом, так хотя бы с представлением. Эта неподобострастность могла плачевно кончиться для «уставника». Если офицеры могли ещё обойтись просто брызгами слюны в лицо, то нижние чины, как пить дать - зуботычиной. Ох, любил помахать ручонками, рубака – командир, как впрочем и служить.

АВТОПОРТРЕТ
1970г.

Будучи на целине по уборке урожая, в качестве командира большого сводного отряда он собрал все почётные и не очень, знамена, кучу вымпелов, со всей округи. За добросовестный и ответственный труд был удостоен, вдобавок к боевым наградам, ордена трудового красного знамени. Но это по возвращении с уборки, а во время её все получали сполна «награды» от него. Водители всего района и не только военные, завидя Уазик полковника в сопровождении грузовика с комендантским взводом, бросали машины где придется и бежали куда подальше, безусловно, если чувствовали что - то за собой... Все нарушители, как враги, арестовывались и помещались в большую глубокую яму, служившую при его штабе своеобразной гауптвахтой. Сроки ареста для всех в соответствии с Дисциплинарным уставом. Гражданский ты или военный на фронте, пусть и трудовом, отвечай как на войне - за пьянство или воровство под трибунал... Как рассказывал мой товарищ Александр Сосна, участник битвы за урожай, хорошо, что фронт был всё же трудовой, а то бы рука у него не дрогнула.

Вот такой он был командир времён становления РВСН. Я точно не знаю, но поговаривали, что поднабрался он этому от фронтовиков, а те были круты на руку и ради победы не останавливались не перед чем, невзирая на лица. Возможно, он сам был сыном полка и пройдя всё..., вырос до полковника. «Грудь в орденах или голова в кустах», это о таких как он.

В своё время весь космодром гудел, когда он, будучи начальником учебного центра, отменил строевой смотр комиссии РВСН в части по причине не готовности к нему офицеров самой комиссии. Учебный центр, а это полторы тысячи человек, в ожидании проверяющих стояли и таяли на плацу под палящим казахстанским солнцем. С появлением на горизонте высоких гостей, Виктор Васильевич подал команду «Смирно» и чётким строевым шагом пошёл навстречу начальнику, но вдруг подал команду «Отставить», и остановился сам, сплюнув с досады. Вся группа проверяющих включая старшего, были в брюках, как тогда говорили «в брюках на улице» т.е. - на выпуск. «В то время когда тысяча людей стояла в промокших от пота кителях, с ногами сгнившими в сапогах они, видите ли, приехали на прогулку...». Такого кощунства он вынести не мог, устроил разнос старшему, а затем и остальным офицерам инспекции. Не стеснясь в выражениях, отправил группу назад, что бы те, по его словам, :- «...Не разлагали мне часть». Строевой смотр центра проходил на следующий день, возглавлял переодетую с большим трудом и всем народом инспекторскую группу уже генерал, затянутый в ремни и хромовых «ботфортах» подобранных для него наспех на складе полигона. Далее, как рассказывали очевидцы, было уже не понятно, кто кого проверял...

Через много лет, командуя этой же частью, но теперь уже школой младших специалистов, я часто вспоминал полковника-инженера и старался поднять уровень части до высот, достигнутых при нём.

А с мордобоем он покончил ещё в бригаде. Как-то, в пылу, Виктор Васильевич замахнулся на сержанта дежурного по группе, но его руку перехватил молодой офицер. Глаза их встретились.... Офицер вскоре, по представлению самого В.В Четверни, пошёл на повышение в части, а его самого вроде, как подменили. Думаю, рубака-командир осознал, что пришли другие времена. Ракетные войска, у истока которых он стоял, верой и правдой которым служил много лет, уже сформировались и крепко стоят на ногах.

В 1973 году полковник- инженер В.В.Четверня был назначен с повышением на должность начальника учебного центра ракетных войск стратегического назначения, где и передавал свой опыт офицерам ракетчикам, сержантам и специалистам.

Через несколько лет я встретился с ним уже на партийной комиссии космодрома, в состав которой он входил. С меня тогда снимали «выговор» за «неправильную оценку» работы секретаря партийного бюро полка. Я рассказывал об этом в автобиографии и поэтому не буду повторяться. Нравоучений не было. Все всё понимали. Спросили только: - «Ну, что старший лейтенант, осознал? Видим, что понял », я молчал, а членам комиссии вдруг стало весело, словно груз с сердца партии сняли и они сначала тихо, а затем всё громче и громче запели песню времён, почему-то, гражданской войны - « Эх, тачанка – растачана, все четыре колеса...» и отпустили меня с богом....

талоны на продукты

В 1974 году бригаду возглавил уже полковник Романов А.М., небольшого роста крепкий, коренастый офицер. Это тоже была яркая личность, но до Четверни не дотягивал. Правда, видел я его только на построениях бригады и знал о нём всего лишь понаслышке и очень мало. Не считая двух случаев. Первый раз он вручал мне правительственную награду, а второй после моего письма в газету «Красная звезда» по поводу зажима моей критики на партийном собрании начальником политотдела подполковником Чухнаковым. Комбриг долго ругался, неоднократно поднимал с мест меня и моего замполита, лейтенанта В.В. Чичило (сегодня известного, как автора хулиганских рассказов - « Солдаты последней империи» или «записки недисциплинированного офицера») специально собрав всю бригаду в клубе. Затем всё же выгнал нас вон, отстранив временно от исполнения обязанностей. Тогда в борьбе за правое дело мы одержали верх, но раны долго зализывали. Виталька до сей поры живёт с обидой на Армию и Советский Социалистический строй. Комбриг в этом деле вроде, как и не причём, но каково ему было знать, когда его правая рука,- начальник самого политотдела получил хорошую взбучку, и было бы от кого, а то от лейтенантов одного из полков. Это событие произошло позднее, в 1978году, но уверен, запомнил он нас надолго. А так мы не встречались и не знали друг о друге, точнее он обо мне. Слишком уж разные были у нас «весовые» категории. Только однажды, наш начальник связи полка майор Даровских В.А. рассказывал, как однажды полковник Романов в кабинете начальника связи объединения, изобретателя радиоантенн майора Зенкина, залпом вместо воды выпил пол графина чистейшего спирта.

памятная медаль участнику первого пуска УРН «ЭНЕРГИЯ»

Комбриг, возвращаясь в здание управления, в жаркий полдень, решил по пути заглянуть к Зенкину в кабинет, чтобы устроить связисту «разгон» и заодно глотнуть холодной водицы из холодильника. К его приходу начальник связи только, что закончил разливать полученный на складе спирт для подразделений, оставив немного для друзей в графине. Развести до нужной кондиции ещё не успел, как вошёл полковник Романов. Вытирая голову носовым платком, досадуя на жару, тот сразу схватился за стоявший на столе стеклянный графин и присосался к его горлышку, втягивая в себя большими глотками прохладную живительную влагу. Зенкин был сообразительный офицер и успел - таки поднести

комбригу большую фарфоровую кружку с водой, прежде чем наполовину опорожнённый графин вдребезги разлетелся по полу. Запив водой, не менее пол-литра спирта, Романов разбил и кружку. Вопросительно посмотрел на Зенкина и не сказав ни слова вышел из кабинета. До конца рабочего дня комбриг никого не принимал и домой уехал уже к полуночи. Продолжения не было, виноватых тоже, но что не оплошал «батя» это точно. Знали об этом только избранные, а уже от них и мы,- простые грешные.

Вскоре прошёл 25-ый съезд родной Коммунистической партии, воодушевлённая его решениями страна старалась не упасть в грязь лицом. Космодром наращивал и до того невиданный темп испытаний новейших образцов космической техники и круглосуточно покорял космос на благо Советского народа. Наша ракетная бригада спокойно несла боевое дежурство по защите великой державы, а у дороги, в один из будничных дней, на выезде с пл. 71 стоял одинокий офицер, в надежде поймать «попутку», что бы поскорее добраться домой после дежурства. Редкие машины его не подбирали и он, уже совсем отчаявшись, собирался пойти к мотовозу, когда вдруг рядом остановилась правительственная «Чайка». (В те времена приезжая на космодром работать, эскортов за собой не таскали). Как потом рассказывал непосредственный виновник этого события, мой друг и когда-то товарищ по общежитию старший лейтенант Сашка Трубицин: « Я даже не голосовал, машина остановилась сама, и меня пригласили в салон. Увидев на месте старшего машины маршала Советского Союза, министра обороны Д.Ф.Устинова, я оторопел, но деваться было некуда. Поехали. По дороге «разговорились» о жизни, об обустройстве войск, молодых офицеров и членов их семей. Расспрашивал, конечно же, не я. Я только старался спокойно отвечать на вопросы и боялся только одного, – как бы не брякнуть лишнего и боже упаси, с нецензурщиной. Долетели быстро. Высадили, как и попросил, у памятника С.П.Королёву. Расстались мы довольные друг другом. Я выиграл несколько часов в сравнении с дневным мотовозом, он (Министр обороны) тем, что пообщался с простым народом». Недовольно было только командование и политотдел космодрома, которым Маршал Советского Союза - Железный сталинский нарком вдруг от чего – то правдиво и точно открыл им глаза на реальную жизнь космодрома и его обитателей. Молниеносно устраняя указанные недостатки, они долго, но безуспешно пытались найти невольного попутчика Министра обороны, что бы оторвать ему голову, к чертям собачим.

Д.Ф.УСТИНОВ

ЕСЛИ БЫ НЕ АРКАШКА...

Когда человек молод и занят любимым делом время летит незаметно. Я уже несколько лет, как не служил в боевой бригаде, но встречаясь с бывшими сослуживцами, всегда живо интересовался её жизнью. Однажды повстречавшийся бывший однополчанин рассказал, что легендарный В.И. Крапивко пройдя службу в технической ракетной базе уже, как год руководит штабом в нашем полку. Вы не ошиблись, это тот бывший капитан, командир отличной роты соседнего полка, устроивший, когда то «представление» на строевом смотре бригады и получивший к концу дня должность с повышением и звание майора. Теперь это был подполковник и второй человек в полку по значимости, умудрённый жизненным опытом и кому же, как не ему было поручено выступить на собрании офицеров о месте и роли семьи в офицерской жизни и, как следствие, повышении боевой готовности полка стратегического назначения.

Такому известию я не удивился, но очень обрадовался. Владимир Иванович, был товарищем моего друга Н.Федькова, прекрасным службистом, гусаром в душе и в целом замечательным человеком из категории людей, у которых я по молодости многому научился и которым благодарен по настоящее время. Я слушал однополчанина с большим интересом

Так вот, продолжал мой бывший сослуживец, подполковник Крапивко начал своё выступление с чистосердечного признания в том, что «Не моё это дело поучать вас молодых офицеров таким высоким и благородным понятиям. Я расскажу о себе, о своей жизни, а вы – «молодёжь», сами сделаете выводы. Когда я первый раз женился», продолжал он и тем самым насторожил замполита полка сидевшего в первых рядах учебного класса и поручившего ему доклад - « Я даже не представлял, как обернётся жизнь. Служба, друзья, вино и женщины были по молодости моей стихией. Я разводился, женился и вновь расходился много раз». Услышав такое, замполит полка, найдя убедительный повод отлучится с собрания, пулей вылетел из аудитории и не появлялся до конца выступления Владимира Ивановича. Крапивко тем временем продолжал: - «Только недавно осознал, когда жизнь измочалила меня, как много потерял семейного счастья. Год с небольшим, как я только снова женился официально, и на ком вы думаете?. Да на первой своей жене».

Эго первая жена жила с дочерью в одном с нами доме, в подъезде по соседству. Она была красивой женщиной, жившая с красавицей, в родителей, дочерью. Глядя на них, соседи шептались, что мол, ещё не хватало Крапивке дома.

Мой товарищ долго рассказывал взахлёб о собрании, о своём начальнике штаба и было видно, что был он в восторге от него и от его поучительного доклада, которого офицеры не слышали сроду. Ещё бы дежуря и отдыхая после смен, офицеры боевых расчётов мало общались в полковой среде офицеров и ещё меньше знали о людях служивших с ними в одной бригаде.

ПЛАКАТ МОЕГО ДЕТСТВА

Мне же посчастливилось знать таких людей не только по службе, но и в быту. Слушая подробный пересказ доклада о жизни В. Крапивко, я невольно вспомнил его и своего друга, командира роты нашего полка, Николая Федькова и о том, как последний женился. Меня тогда ещё не было на космодроме и об этом я знаю только по рассказам самого Филлипыча.

Вот как это было. Гуляя как то в ресторане он познакомился с Камышинской комсомолкой, красавицей Валеёй, девичья фамилия Кучерлябская. Понравилась она ему очень. Наличие штампа в паспорте о замужестве и подрастающей у неё дочери не остановили Николая. Завязался стремительно развивающийся бурный роман. Она развелась с мужем. Федьков закоренелый холостяк, давно собирался определиться в личной жизни. Дело быстро подошло к подаче заявления в ЗАГС и свадьбе как венце счастья.

К назначенному дню свадьбы всё было готово. Столы в ресторане заказаны, друзья и подружки отпросились со службы и работ, нагладив «всё лучшее сразу...» ждали утра торжественного дня.

Жених – Филлипыч, в ночь перед торжеством долго не мог заснуть, терзали мысли о прощании с холостяцкой привычной жизнью, как жить дальше? Не поспешил ли он вообще со свадьбой? Не определившись с решением, перед рассветом уснул. Утром по будильнику встал, как обычно. Собрался, позавтракал в столовой, рядом с общежитием, и .... пошёл к мотовозу, который каждое утро возил его на службу и обратно. По пути, как повторяю, он сам рассказывал, всё думал: «Подойду, пока к вагону, дам указания своим подчинённым, а там, как судьба повернёт...».

Плакат моего детства

На перроне у вагона, куривавшего сигарету за сигаретой, его поздравляли сослуживцы, весело шутившие об угасающей на глазах и пропавшей холостяцкой жизни. Когда мотовоз тронулся, и надо было решаться, ехать ли на службу или прощай свободная жизнь, его «друг», неизвестно откуда появившийся на больную голову, - Аркашка подтолкнул его в вагон: - « Поехали Николай...а ...» и Николай, не сопротивляясь судьбе, заскочил в вагон. « А, что будет то и

будет. Всё потом», подумал он отъезжая.

Этот Аркашка баламут был ещё тот. Где бы он не появлялся, там обязательно, что-нибудь происходило не по уму и не по намеченному сценарию. Рассказывая о своей жизни, Филлипыч не раз упоминал о каком - то Аркашке, но фамилию никогда не называл, а по сему, я о нём мало, что знаю. Точнее совсем ничего, кроме того, как однажды Филлипыч ездил по путёвке в санаторий МО и с ним отдыхал Аркадий. Компания в вагоне подобралась из своих и возможно не случайно. Все к морю, по путёвке и в один санаторий. Всю дорогу в купе скорого поезда Ташкент-Москва играли в карты со всем причитающимся сопровождением азартной игре. Незаметили, как пролетели двое суток и вот уже Москва и пересадка. Поезд давно стоит, проводницы торопят с выходом, но игра продолжалась. Выскочили из вагона, когда поезд уже отходил. Одеваться пришлось на пироне, а окончательно привести себя и форму в порядок компания собиралась в туалете Казанского вокзала, куда друзья и направились. Неопрятно одетых офицеров естественно остановил патруль во главе с помощником военного коменданта вокзала. Образцово одетый офицер с красной повязкой на рукаве представился, честь по чести и открыл было рот, чтобы посоветовать офицерам то, что они и сами собирались сделать, но этот Аркашка.... Взглянув на щёголя – майора, он неожиданно «вякнул»: - « Не хреново устроился...мать....» и ухватившись за козырёк фуражки помощника

коменданта, надвинул её последнему, на самый нос. Неожидавший такой наглости столичный офицер, да ещё и при исполнении оцепенел на месте, вытаращив глаза, а компания со станции Тюра-Там, что есть духу, пустилась наутёк. Вовремя подвернувшийся таксист лихо домчал их к Курскому вокзалу, где они сначала отвесили тумачков Аркашке, а затем привели себя в надлежащий вид. Далее игра снова продолжилась в вагоне, затем и санатории. Как с горечью потом вспоминал эту поездку Филлипыч: « Мы только в последний день вышли на берег моря. Оно оказывается так близко. Могли бы и отдохнуть, как люди, ...если бы не Аркашка...».

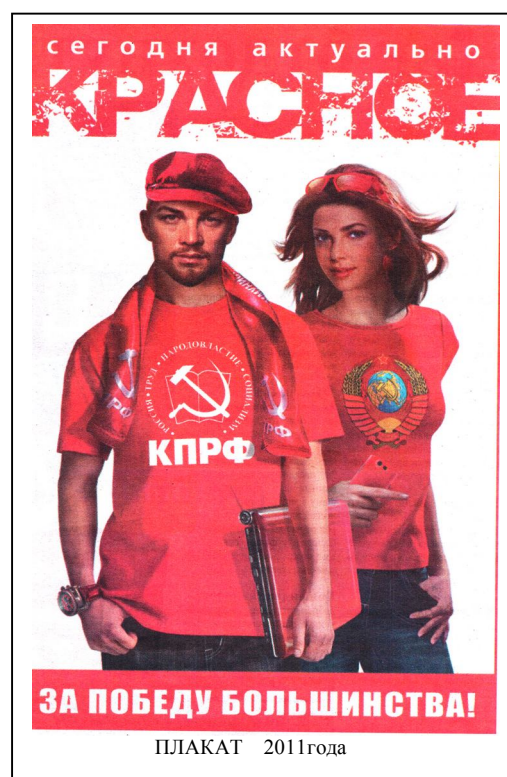
Раннее утро сменилось началом жаркого трудового дня. Расфуфыренные в пух и прах его друзья и подружки невесты считали минуты. Жених нигде не появлялся. Беспокойство участников свадебного торжества нарастало и наконец, выплеснулось слезами невесты. Попытки отыскать жениха в городе не увенчались успехом. Решили, в конце концов, позвонить на службу. Мало ли чего. Служба есть служба. И дозвонились.... « О! Чёрт! Я и забыл совсем...» - ответил Филлипыч с далёкой площадки.

В конце рабочего дня по прибытию мотовоза его уже ждали. Проскочить незамеченным мимо несчастной невесты и толпы недовольных друзей и подружек не удалось. Прижатый к стене гастронома «Юбилейный», это рядом с железнодорожной станцией «Городская», он ждал исполнения приговора. Выручила мужская дружба. Один из встречавших его друзей посчитал, что бить одного толпой,- не честно и перешёл на его сторону. « Хоть ты - Николай и поступил по-скотски, и понять тебя нельзя, бить, всё же толпой одного, не дам. Завязалась драка. В итоге сломанный палец и синяк под глазом «жениха», ссадины и царапины от ногтей на лицах державших оборону.

«Мировую» отмечали в заказанном под свадьбу ресторане. Не пропадать же добру. Свидетели, гости, друзья веселились на славу, как всегда и даже к чему-то пришли и, что-то решили, но оскорбления невеста не простила. На другой день она с дочерью уехала к своим родителям, а Федьков потом год звонил, писал и просил прощения. А когда получил отпуск, поехал к ней и они расписались. На торжественной вечеринке были только её родные и «непонятные» свидетели.

Прожили они вместе, всё же не долго. Холостяцкие замашки обоих не давали покоя. «Чистые чувства бывают только в юности, а когда появляется жизненная короста, надо полагаться не на сердце, а на голову»- вспоминая и рассказывая свою семейную жизнь, делал выводы он. Умница по службе, он не нашёл решения в совместной жизни. Больше он не женился. От брака с Валентиной у него остался сын Филлипка, который жил с ним до самой его трагической гибели, а после неё, с матерью Николая, на Украине.

Выпалив новости, мой бывший сослуживец побежал дальше, - отоваривать талоны на продукты в приписанный магазин, а я, уже припаздывая с обеденного перерыва, на службу. По дороге в часть я всё думал, - о Крапивко, Федькове, о своей боевой бригаде, жизни вообще и своей в частности. Продолжаясь, жизнь оставляет в памяти нам людей, с их поступками и делами. Не нам их судить. Они были такими, какова была вокруг сама жизнь.

Как подумаешь, давно всё было, не вериться, но было правдой, хотя и лет прошло не так уж много. Жизнь изменилась, на первый взгляд даже до неузнаваемости, но присмотревшись, понимаешь, что люди, по сути, остались прежними, как миллионы лет до нас, как есть мы сейчас и останутся такими долго ещё после нас. Пока будет существовать человечество, наш мир в этой вселенной и за её пределами, всегда будут кипеть страсти, а значить найдутся и на нашу голову Аркашки..., коль со своей не в ладах.....

МОТОВОЗ – ЭТО ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Вы не знаете, что такое мотовоз? Это и не удивительно. Постараюсь объяснить.

Толковый словарь Ушакова - гласит, что это Машина, тянущая за собой что-нибудь или перевозящая груз по рельсам... Люди постарше, прошедшие через ГУЛАГ или служившие, работающие, в отдалённых уголках страны знают о них всё. От этих первопроходцев Советских строек название-Мотовоз перешло к нам на космодром Байконур. Правда это уже не узкоколейка и не паровозики, а современные железнодорожные поезда, грузовые и пассажирские, но суть этого изобретения осталась прежней – тягать грузы и возить людей. Что думают грузы, когда их везут по рельсам, не знаю и дай бог не узнать, а вот о людях, едущих в этих поездах по космодрому, я расскажу всё, что знаю и испытал на себе.

Когда я в начале семидесятых годов прибыл на Байконур, вагоны были в основном жесткие плацкартные и мягкие сидячие, как в пригородных рабочих поездах,

провинциальной глубинки и сегодня. Постепенно их заменили на современные, мягкие купейные и плацкартные, к радости Байконурцев, с кондиционерами.

Руководство космодрома пыталось называть железнодорожные составы по-

МОТОВОЗ - ЭТО ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

разному, но эти поезда так и остались в народе - мотовозами. Кто не работал и не жил на дальних площадках, не ездил ежедневно на мотовозах, тот считай не настоящий Байконуровец, а так себе Байконуровец - понаслышке. На перемещение к месту службы и обратно, в среднем уходила пятая, а то и четвертая часть активного времени жизни истинного труженика

космодрома. Это от двух до четырёх часов в сутки. Его надо было прожить и чем - то занять. В поездах люди грызли науки, готовясь к сессиям, экзаменам, занятиям, писали конспекты, вязали и читали газеты. Иногда просто отсыпались после бурного отдыха или после тяжёлого трудового дня. Молодежь встречалась, влюблялась и расставалась. В вагонах отмечали, начинали или продолжали праздновать, государственные праздники, обмывали воинские звания, награды, должности, рождение детей и всё, что можно и должно было отмечаться Советскими людьми в кругу друзей.

При желании, пробежавшись по составу можно было купить или одолжить спиртное и закуски. Выручали друг дружку, все и всем у кого, что было. Находились и предприниматели из будущего, специально торговавшие всем необходимым. Даже деньги во время поездок, легко можно было взять в кассе взаимопомощи. Много нет, а по мелочёвке их выдавал по заявлению, председатель кассы, он же начальник службы артвооружения капитан Демидов ездивший, пока был трезв, в штабном вагоне бригады. Так было в вагонах наших частей. В других вагонах и поездах находились свои кассиры и «продавцы», но, в общем, жизнь протекала во всех составах космодрома одинаково. Если в течение суток деньги не возвращались председателю, в ход запускалось заявление заемщика. Наш Демидов был реальный мужик, вокруг бурлила реальная жизнь, как сегодня выражается молодежь, и всё было пучком и по понятиям. Иногда зимой, когда снежные бураны заносили пути, мы все ночевали в вагонах, делясь случайными остатками продуктов. Вот только случайных людей в вагонах не было. Вагоны закреплялись за частями, мест хватало для всех и они распределялись между собой по интересам. Но чем бы, ни маялись люди, главным, пожалуй, для многих, были настольные игры. Все занимались своими делами, но в ожидании своей очереди сразится за главным игровым столом. Играли во все игры на вылет. Проигравшие уступали место очередникам и так по кругу все желающие, включая порой и женщин. Если играли в карты, значит, в «дурака», в домино, значит «в козла». В начале семидесятых в карты играли на деньги, серьезно или на копеечный интерес. В конце рабочей недели проигравшие «по мелочёвке», протавлялись товарищам первыми, а дальше победители и всё как водится в кругу друзей. Случаи, когда на игру ставились и проигрывались приличные деньги, были, но редки. Это уже забавы профессионального уровня, а они не для всех. После очередной жалобы жены проигравшего, скажем, зарплату, в поездах начинались мероприятия по искоренению азартных игр. Внезапные облавы были только частью этих мероприятий. Игроков игравших на деньги вылавливали специально назначенные патрули в составах, да и политработники не дремали. А, уж в те времена, если, что-то партия решила, она своего добивалась. Какое-то время ещё играли в шахматы, положив деньги, выделенные на обед, под доску, но это не прижилось - скучно, и стол занимался играющими надолго. В основном, «в дурака» играли в промежутках между игрой в домино. Домино прижилось. Это эмоционально, зрелищно и все успевали поиграть за

дорогу неоднократно. Постепенно игра в домино приняла такой оборот и состязательность, что этой игре могло позавидовать даже социалистическое соревнование в подразделениях и частях. По результатам игр ежедневно, еженедельно, по месяцам, поквартально и в целом за полугодие и год подводились итоги в специально заведённых для этого журналах. Название команд выдумывалось игроками, как правило, оно складывалось из начальных букв фамилий двух игроков. Если один из игроков отсутствовал в команде, можно было играть с игроком из другой команды, но только при условии, выбора ими названия одной из официально зарегистрированных названий команд. Правила были простые и общеизвестные. Жульничество не желательно, но и не осуждалось. Главное не попадаться. Попадёшься сразу проигрыш. Если команда вышла из-за стола, назад хода нет. Команда получившая «голова», не играла до тех пор пока такого же не получит следующая. Получить «голова» – означает, что соперники закончили игру пустышечным дуплем. С «генералом», то же самое. Получившие «генерала», это когда игра заканчивается сразу двумя дуплями - голым и шестерочным, иногда по несколько дней дожидались своего возвращения в игру. Фишки открыто друг другу не показывали, это понятно, но моргали глазами, двигали ушами, как могли все. Песни с намёками пресекались и приравнивались к проигрышу. Обычно, когда напарник моргал левым глазом, значит «голый» был у него, правым – «шестерочный», ну, а если двумя, то понятно к чему надо было стремиться. Все это знали и следили за противниками в оба. Остаться «голым» или «генералом» ни кому не хотелось и не только потому, что надолго вылетишь из игры, а потому, что засмеют и «затопчут до невозможности» своими издёвками все окружающие и, конечно же, победители. Играла весело, смеясь, шутки и подначивания не умолкали, противники мурлыкали песни по темпу игры и с тематикой происходящих событий на столе, лишь-бы вывести противника «из себя», убить его морально, довести до совершения противниками глупости или промашки в игре. Шуточки порой были настолько остры и обидны, что достигали своей цели, и тогда противника просто добивали, продолжая играть, почти, в «открытую». Это когда игра складывается так, что даже теоретически выбраться из «дерьма» уже нельзя, исход ясен, толпа на скамейках зрителей ликует, блеск славы и величие победителей налицо. Ожидаящие своей очереди команды, между перекурами, понемногу играли на запасном столе, но всё это было не в зачёт, так, лишь бы скоротать время. Такая игра прекращалась мгновенно, если освобождалось место за основным столом. Проигравшие

только тех, кто любит труд
Октябрятами зовут

козлятники всегда получали такой морально – психологический нокаут, что порой дело доходило до физических стычек между игроками в команде, выясняя между собой кто прав, кто виноват в случившемся.

Первыми за стол садилась команда победителей последней игры. В ожидании соперников, они издевательски кочевряжились над всеми присутствующими:- «Если ли хоть какая- то команда, которая может оказать нам сопротивление? Не стесняйтесь, садитесь и быстренько молотите фишки». Мешать фишки удел слабых игроков и для победителей считалось позором. Пока фишки лопатились, вошедшей команде советы сыпались один за другим. Как надо и с какой скоростью гонять камни по столу. Чтобы показать вам всю шумовую гамму вокруг стола я для вас приведу слова только одной команды, а вы помножьте всё услышанное на два, добавьте еще десяток голосов сидящих на запасных скамейках и получите примерную, насколько мне это удастся сделать, не прибегая к крепким выражениям, всю палитру происходящего. Разобрав камни, игроки внимательно смотрели друг на друга и на лица противников, игра начиналась...

-«Чего сидим? Не проснулись ещё? Посмотрим сейчас, чему вы «Лапотники» научились на скамейке запасных...».

- Ты посмотри!. Они думают, как будто соображалки на плечах имеют».

- «А, мой молодец! Кокой красавец! Всё у него есть...».

- «Ходите быстрее умники, люди в очереди заждались».

- «А, я, вот так, отдуплюсь пока. Не буду

мешать своему играть. Мы в отличие от некоторых, академий не кончали...».

-« Может сразу сдадитесь?. Чего время тянуть».

-« Кажется, дождь начинается.... Смотри! Они ещё и сопротивляться вздумали. А ты играй, играй, я тебе помогу. Сколько камней осталось?».

-« Мыла Марусенька белые ножки.... Вот тебе бабушка и Юрьев день. Что рубить больше нечем? Тогда приплыли дорогие вы наши. Расстегивайте штанишки».

-«Ах, ты так! Ты каской драться! Тогда мы так».

-« Мыла Марусенька белые .... А мы вот так!».

-«Ты смотри, что творится, А я так. Сдаётся...?».

-« Идите, идите сюда. Чавой-то мой мне говорил? Как ничего, а у кого же они. Ну, ты Дятел! Зачем я только с тобой связался. Артелерист долбаный. Сбрасывай мешки за борт, да смотри, как бы ни осопливиться. Думай, если есть чем».

- «Ага, я виноват. Сам дурочку сваял, а теперь я виноват. Дуплится он...».

-« Ты, что делаешь? Ну, балбес! И откуда, только такие берутся. Родина ждёт героев, а..... Ещё говорили мне, ну я и не думал, что до такой степени.... Тогда получай.... Идиот».

« Товарищи офицеры!» Это подала голос уже команда противников, до это забитая всеми, но притаившаяся и делавшая своё чёрное дело, редкими фразами отбивавшаяся от врагов и зрителей. Один из них встал и с грохотом ударил двумя дупелями по столу и сразу запричитавшая «: Мы, мы. То же здесь игровишки нашлись. Идите-ка, посидите и обмойтесь заодно. Теперь у вас времени хватит потренироваться».

Пропуская проигравших, они продолжают весело чирикать: - «Лазают здесь всякие, только коленки нам на штанах протирают. А то туда же... Мы академиев не кончали... Учитесь играть пока мы живы. Идите, покурите Засранцы.»

Новоиспечённые «генералы» «вылезают» из- за стола, им все подчёркнуто вежливо уступают дорогу, а они уже серьёзно ругаются между собой и бывший умница уже слышит слова: - « Пень ты был, пнём и остался. Что бы ещё раз я сел с тобой играть...».

-« Не надо было дуплиться троичным, пусть бы рубили. Так нет..., а теперь я виноват...».

В тамбуре, куда они вышли покурить, не переставая ругаться, им подают команду «Товарищи офицеры!» присутствующие наперебой подносят им огонь, подкурить сигареты, а потом, как бы между собой, начали выяснять, откуда это так «завоняло». Потом все соглашаются, глядя на вошедших, от кого это так прёт. Пощады не жди. Хочешь без этого - не играй, садись к соседям и читай газету.... А хочешь играть, так терпи. Это только начало....

Курили проигравшие в разных углах тамбура, продолжая обливать друг друга грязью. Затягиваясь, они думали только об одном, что - обидно до слёз, а ведь так хорошо всё начиналось. Теперь и в штаб нормально не войти... Кто- то обязательно подаст команду, а ещё хуже уговорит дневального по штабу подать её. Из кабинетов повыскакивает командование. Поняв чудачества прибывших с мотовоза, командир,

сплюнув, вернётся назад, а ты ходишь потом целый день, как обгадившийся мальчонка, пока не уляжется боль и дела заставят отвлечься.

плакат лучших лет моей жизни

Когда это касалось простых смертных - это одно, но когда «генерала» получал, к примеру, секретарь парткома полка-это уже прямо подрыв авторитета партии...

Наш секретарь парткома, Серёжа Столяров, азартный был «Парамоша». Играть любил. Когда выигрывал, ходил по штабу «петушком», подкручивая усы, мурлыча песенки и подшучивая над остальными: - « ходят тут всякие...» или «Думать надо. Это вам не щи лаптем хлебать»- поучал он своих противников. Секретарь был на высоте. Командование молчало. Когда случалось наоборот, и ему не удавалось проскочить в штаб незаметно, он краснел, а выскочивший из кабинета замполит, видев, кому подана команда, немедленно приглашал его к себе в кабинет. После беседы с замполитом он день или два не садился за стол играть, но вскоре азарт брал своё, и всё возвращалось на круги своя.

Сергей был из волонтеров, дежурил третьим номером, вторым в боевом расчете пуска и когда подвернулся случай, стал секретарём парткома полка, - получил майора и перспективу на будущее. От людей он не шарахался и всё земное воспринимал за благодать. Другое дело, до него был секретарь,- В.Светличный. Полная противоположность. Держался от смертных на дистанции и поближе к командованию. К слову сказать:- Бездельник был ещё тот и на дежурство не ходил никогда. Толи по бестолковости, толи из хитрости, но не мог он сдать на допуск к дежурству и находил массу других поводов только, чтобы не дежурить. В полку таких было двое, он и еще пропагандист- К.Авдонкин. Второй ещё и от нарядов умудрялся отлынивать. То у него гастрит, то жена уехала, оставив на него дочь и он, как отец одиночка не может её оставить одну. В итоге попался Костюшка командованию части. Сам командир и несколько его заместителей прогуливались в один из летних вечеров по парку. Таясь в кустах наш больной отец- одиночка, у танцплощадки, распивал портвейн из горлышка с друзьями, пуская бутылку по кругу. Портвейном гастрит лечить - первое дело, это знает каждый. Сообразили и командиры. Костя Авдонкин заметил начальников, но поздно. После чего всё и вся сразу стало на свои места. К тому же и ребенок у него оказался вполне взрослой дочерью... Теперь Костя, как и все офицеры, редко расставался с портупеей и сапогами. Обидно стало замполиту части; он дежурил, успевал выполнять обязанности свои и ещё за этих бездельников. Скромный он был и трудяга, голову, как и голос, поднять не мог. Вот и сели они ему на шею, да ещё и в уши насвистывали. Благо случай помог.

А то, что Светличный и Авдонкин были «бездельниками» в этом я сам убедился. Перед смотром Ленинских комнат, замполит полка В.И. Сидоренко, объявил рабочим местом для политработников Ленинскую комнату роты. Создал команду и, будучи сам

хорошим художником писал планшеты и оформлял стенды. Секретарь с пропагандистом принесли с собой в ремонтируемую комнату конспекты, планы работ, протоколы, журналы и т. д., и т.п. и за сели писать, как весьма занятые люди. Пока, взгромоздившись на строительные леса, Владимир Иванович писал шрифтом по стендам, наши «Труженики», обложившись стопами бумаг и утомлённые монотонностью его работы, безмятежно уснули. Разморило бедолаг, говорили офицеры, показывая друг другу на приоткрытую дверь.

тюльпаны Байконура
1997 г. рис. М.П.Авдеева

Много лет спустя, когда я уволился из ВС. и работал в Центре испытаний... конструкторского бюро тяжёлого машиностроения (КБТМ) на Байконуре, судьба снова свела меня с Сергеем Столяровым. К тому времени он также уволился из Вооружённых сил в звании полковника и работал вместе со мной на площадке, в одном из отделов КБТМ. Жизнь не изменила его. Он так же азартно играл с нами в домино и карты, и чудил по-прежнему. Я говорю-чудил, потому, что однажды он, зайдя утром в вагон мотовоза, сразу пожаловался нашим врачам из медпункта, ездившие с нами в одном купе, на сильную головную боль. Начальник медпункта, бывший начальник госпиталя полковник запаса Е.М.Балакин, быстро поковырявшись в саквояже, подал ему нужную таблетку.... Дальнейшие действия развивались стремительно и по непонятному сценарию. Серый здесь же закинул таблетку в рот, пулей достал из своего саквояжа

бутылку водки и обильно запил презренное лекарство. Все мы сидевшие в купе и наблюдавшие эту картину разом открыли рты и ничего сказать не могли. «Так- то точно поможет,- сказал Евгений Михайлович,- только таблетку перевел, а она может быть кому-то и на самом деле пригодилась бы». Наш хирург- Володька Горбачёв, закрыв лицо руками, давась от смеха, подняв ноги, катался по нижней полке. Пётр Лепёхин, пытаясь что-то сказать, так и застыл, с открытым ртом, в позе сдающего карты.

Рабочий день начинался .... Закончится он тоже мотовозом.

Наша жизнь продолжалась, Мы совсем не изменились, только седины прибавилось в головах.

Колёса мерно стучали на стыках, нам было хорошо и спокойно, и всё казалось ещё впереди.

Надеюсь, прочитав эти строки, вы сумели ухватить суть или хотя бы в общих чертах понять, что такое мотовоз. Мотовоз это не только воспоминаний воз. Мотовоз, я вам скажу,- это целая жизнь.

НА РЫБАЛКУ ИЛИ ЗА РЫБОЙ?

На рыбалку или за рыбой? А разве это не одно и то же подумают не русские люди. Но русский народ, а уж тем более Байконуровцы мух от котлет сразу отличат. Особенности русской национальной рыбалки у нас знают с детства. Байконур это всегда был русский город. Основанный при Советском Союзе, Советским народом он и сегодня арендуется Российской федерацией у Казахстана в составе космодрома. А, посему здесь не смотря ни на что, думают и живут по-русски.

То, что окрестности космодрома славятся рыбалкой и охотой знают все и если вы надумали отправиться на природу к воде, вам сразу надлежит ответить на вопрос – мы на рыбалку или за рыбой?

Если на рыбалку, то снасти можно не брать. Кто -нибудь возьмет и этого хватит. Рыбалка это, прежде всего отдых и уха, как неотъемлемая часть и главное блюдо стола. Это блюдо может дополняться вспомогательными, например шулюмом, дичью на вертеле или банальными шашлыками, но главным всё равно остаётся уха, как шулюм при выезде на охоту, а уха в дополнение к нему.

Хорошая рыбалка-это всегда подальше от дома и цивилизации. Сто, сто с гаком километров для Казахстана не расстояние, считай рядом. Готовиться к рыбалке начинают за несколько дней. Обязанности свои, как правило, в коллективе все знают. Кто - то добивается разрешения о выделении транспорта у командира части, кто- то готовит поварское хозяйство, другие готовят снасти, дрова, воду, лежанки и так до последней мелочи. На маленьких сходах уточняется всё многократно. Водители и техника предмет особой заботы. Когда уже всё готово, все начинают поторапливать друг друга, чтобы выехать в пятницу не к концу дня. А лучше чтобы в обед уже выехать из части.

Из сотни вариантов рыбалки я выберу один и расскажу, к примеру, как ездил за рыбой и на рыбалку коллектив охотников и рыболовов узла связи Агат, главного узла связи космодрома. Хотя принципиальной разницы нет. Охотколлективы были практически во всех частях соединения и разница только в фамилиях участников.

Для поездки подбирали пару автомобилей повышенной проходимости, причём один обязательно с кунгом для людей, другой желательно с тентом для всякого барахла, дров и т.д.

Выехав в урочный час за ворота части, машины разъезжаются в разные стороны объезжая город и подбирая своих рыбаков с пожитками из квартир и гаражей. В колону, они соберутся снова уже на выезде из города. Посчитавшись и уточнившись по всем вопросам, двигались в путь. Первая

Главный плакат всей нашей жизни

остановка, почти сразу, при выезде на основную трассу. Здесь снова старшие машин и организаторы уточнялись, куда и как ехать. Остальные, воспользовавшись остановкой, не выходя из кунга, пропускали по первой. Затем были остановки при съезде с трассы, при выезде на грунтовку (степь), так что успевали и по второй, третьей и даже четвертой и пятой. Ехали весело, предвкушая долгожданный отдых. Перед выездом на полевую дорогу задраивали все люки кунга и тент на грузовике и далее двигались в сплошной пыли к заветному месту, набивая на ухабах и ямах синяки и шишки. Сколько не ездили, а всегда в нужное место попадали, сделав небольшой кружок. Старшие извинялись за потерянное время, ссылались на изменчивость местности и её однообразие, но так было всегда или почти всегда.

Выбрав место под стоянку. Все, расхватывая снасти бежали к воде, с задачей первому поймать и пока не стемнело черпануть рыбы на уху. В таборе оставались только водители и старшина Скиба Н.Г, оборудуя очаг и достархан. Пока готовилась уха, ставили сети. Баловались ловлей на удочки или закидушки. Рыбы много не бывает. Для ухи старшина выбирал только светлую рыбу: жереха, леща, судака, белый амура и боже упаси, если кто - то предлагал бросить в уху темную: сома, сазана и другую. О змееголове и речи не могло идти, она хороша только в домашних котлетах. Старшина, старший прапорщик Скиба был завсегдатаем выездов на рыбалку. Плавать он не умел и никогда не рыбачил, зато лучше него никто не мог организовать бытовые вопросы, варить уху и накрывать достархан. На выезд он брал все поварские принадлежности, матрасы для лежанок и даже

плакат НА ВСЕ ВРЕМЕНА

постельные принадлежности. Рыбы хватало на всё, поэтому уха всегда варилась, как минимум тройной и более. В сорокалитровом казане рыба варилась и вытаскивалась много раз и уха была настолько наваристой, что когда под утро остывала, выглядела, как заливное (рыбный холодец порусски). Варёная рыба шла также на стол присутствующим. В первый вечер, а выезжали с двумя ночёвками, выехав в пятницу, возвращаясь в воскресенье после обеда, все любители были у костра. Тосты шли по кругу неоднократно по нисходящей, затем ещё долго пели песни, застольные и какие удавалось вспомнить, но всегда громко и с душой. К полуночи всё стихало, у костра оставались только самые стойкие и поддерживающие огонь. И хотя рыба была уже не нужна, большие любители ловли, бегали проверять оставленные на ночь перемёты, закидушки и удочки. Вдруг попадётся рыба-кит, а может, ещё больше.... Основная масса народа, наговорившись и насмотревшись в бездонное

звездное небо, уставшая после рабочей недели, потихоньку засыпала. Спали, как кому было удобно; на матрасах, брезенте, у костра и поодаль, в кунге и под тентом. Не спали только под машинами, так как это было строжайше запрещено. Выезжая на утреннюю, зорьку охотники могли и не заглянуть под машину, но к счастью этого, никогда не случалось... Утром подъема, как такового не было. К завтраку подгребали товарищи со всей округи и всех щелей. Кто - то на зорьке успел подстрелить уточек на шульном, кто - то зайца, а кто - то хвастался пойманной ночью рыбой и взхлёб рассказывал, какую огромную упустил, что она ушла у него на глазах, порвав леску или разогнув крючок. Завтракали не спеша, выпивали, закусывали, вспоминали прошедший вечер и ночь. Торопиться было некуда и рыбу ловить было ни к чему. В жару рыбу не сохранишь и тем более не доведёшь домой. Пробовали солить, даже обливали жидким азотом, но это толком, ничего не давало, перевод добра. Вот в конце сентября или октябре, тогда другое дело. А так рыбалка она и есть рыбалка. Радуюсь ухе, шульному, крепкому утреннему чаю, «бойцы вспоминали минувшие дни». Кто - то найдя колена своей обгорелой удочки,

удивлялся: - «Это же надо, вчера весь вечер ковырялся ей в костре, думал какая хорошая палочка, а оно вон, чем оказалась.... Да ещё своя». Прожённые матрасы и бушлаты утром уже никого ни удивляли, это было обычное дело. А так замечательно под утро прижаться к костру поближе... Хорошо оказывается, что дежурившие у костра товарищи, оттащили и прилили водой, даже не разбудив. Всякое было и, как всегда, но вот чтобы черви из банки убежали не припоминал никто. Банка главное нашлась, а червей в ней нет. Рыбачившие ночью клялись, что ловили на малька и банку, даже, не видели. Обидно было, товарищ за ними на хоздвор ездил, чтобы в навозной куче наковырять на всех. Пропала рыбалка на удочку. Все надеялись на них. На мякиш не то.... И действительно, сознайтесь, нет ничего лучше, чем посидеть с удочкой на берегу. Удовольствие и счастье одновременно, и надолго.

«Ну-ка, покажи мне банку, вдруг спросил начальник телефонного центра, заядлый рыбак и охотник Н.В. Мелешко, задержавшийся на зорьке с ружьишком, теперь наверстывал упущенное, развалившись на брезенте с харчем:- «А я - то вчера вечером думал тушёнка открытая, кто- то вскрыл, бросил, земля попала, ну почему то совсем не солённая. Солю её, солю, а она такая же. Брак думаю гнать стали даже для Армии. А оно вон что, хорошо, что запивал спиртом, не вином, а то бы пронесло сегодня».

«Поржав» вволю над Николаем Васильевичем, вспоминая рыбацкие байки и анекдоты, попрытав на всякий случай, от него оставшиеся прикормки для рыбы, все потихоньку занялись делами. Одни купались, загорали, проверяли снасти и просто нежились в воде. Другие гонялись за мальками или собирали ракушки - мидии. В-первых, ножка ракушки шла для наживки, а во-вторых, от нечего делать, их даже пытались варить. Не жалея специй, а затем и масла, варили долго в надежде на деликатес. Но получилась «дрянь, ещё та», в точности напоминающая горелый каблук армейского сапога. «Только масло перевели» - бурчал наш старшина. Провозились и выбросили, зато время прошло не заметно и с интересом.

Проснувшиеся охотники, казалось бы, серьёзнейшие люди радицентра- А.Пармон, В.Швычков и примкнувшие к ним, состязались в стрельбе по мишеням. Для начала они расстреляли сушившиеся на кустах плавки. Ну не свои, конечно. Затем хозяева плавок стреляли по их головным уборам, подбрасывая высоко вверх. Только полуденная жара загнала всех в воду. Грязевые ванны нравились всем, как и лежка на мелком песчаном перекате в пойме Куан-Дарьи. Только Михалыч, (Пономарёв Ю.М.), обильно отведавший Скибиной стряпни, спрятавшись от солнца под кустик, спокойно спал, свернувшись калачиком на прохладной земле, рядом с матрасом, застеленным белоснежной простынёй. До начала полуденного пекла пару часиков можно было поспать запросто. Умудрённый жизненным опытом, зря не суетится. Вечер и ночь ещё впереди. Жизнь покажет, кто был прав.

К вечеру всё повторялось, только смаковались уже свежие новости, прошедшие за день.

В день отъезда снимались сети, собирался весь скарб и варился полевой суп из остатков всего, что не съели или надкусив, побросали «на столе». Он получался всегда, настолько хорош, что остатки супа, прямо в котле везли с собой, закусывая им во время традиционных остановок и который доедали уже по прибытию в чей- то гараж. Ну, это уже после доклада о благополучном возвращении и когда машины были поставлены в боксы.

Если погода позволяла и привозилась рыба, её при въезде в город завозили себе домой, друзьям и начальникам в качестве подарков. Но чаще всего её даже не брали по

уже известной вам причине. Исключение могла составить только рыба-змееголов, которая живет дольше других рыб и может не протухнуть при перевозке её в мокром камыше, под тряпками и матрасами. Но это на любителя и когда ездили небольшими группами на личном транспорте, быстро возвращаясь после захода солнца, избегая жары.

Если кратко, это была поездка на рыбалку. Что же касается поездок за рыбой, это совсем другое дело. Во – первых за рыбой брали не всех желающих, а только самых выносливых, не боявшихся перетрудиться и готовых на многое.... Праздно шатающимся в такой поездке не место, да и времени, что бы за ними присмотреть, не было.

За рыбой ездили в октябре и чаще в его второй половине, когда днём ещё жарко, а ночи уже холодные, или в ноябре, когда по утрам уже заморозки, лёд на лужах и по берегам реки. В такие поездки с ночёвкой ездили редко, чаще без нее.

Выезжали так же, как и на рыбалку, двумя машинами только одна шла пустой, специально под рыбу. С восходом солнца были уже на месте. Быстрый, плотный завтрак на берегу и в воду. Перегородив сетями, в несколько рядов русло реки или канала, тащили невод. Ледок у берега. Сначала холодно, даже спортивное трико порой не снимали, но за делом быстро привыкали, да и солнце, поднимавшееся над горизонтом, пригревало всё сильнее и сильнее. Это вам не рыбалка. Невод большой и тяжёлый. Вода голубовато-серая, холодная, места глубокие, с корягами и глубоким илом на дне. По несколько человек тащили невод за палки и верёвки по берегам. Кряхтели, но тащили, главное, что бы мотня не поднялась и рыба не ушла. За мотней следил специально назначенный человек, иногда даже в лёгком водолазном снаряжении. Он же и отцеплял её от коряг.

пионер - всем ребятам пример

Когда тащишь невод, о холоде забываешь. Здесь одна задача не упустить свое крыло и увернуться от рыб. Рыба, загнанная неводом в сети с разгону прыгает через сети и невод, оббегает снасти, прыгая на хвосте по берегу, как будто бегаёт на ногах. Удар такой торпеды малым не покажется, если попадёт в голову или грудь и надолго отнимет желание ездить за рыбой. Прикрываясь сеткой, палкой невода, не бросая дело, увиливай, как можешь, если здоровье дорого.

Черпанув приличную яму, у сети выползаем на берег, понемногу вытягивая крылья невода. Высвобождающиеся мужики выбирают рыбу в мешки и таскают их в кузов грузовой машины. Затем, медленно и аккуратно, выбирается мотня. Пока выберешь всю рыбу

из невода, затем из сетей, день уже клонится к вечеру. Дважды заходили редко. Одной приличной ямы хватало, чтобы загрузить машину. В кузове грузовика рыбу перекладывали для сохранности камышом или просто прикрывали сверху, чтобы не заветривалась. Дальше сборы снастей, приведение их в божеский вид: очистка от веток травы, грязи и уж потом мылись самим. Вода под вечер уже, как тёплое молоко, вернее казалось такой, после утреннего холода и тяжёлой работы. Пока сети сохли, подсыхали и мы. Надо бы конечно по стаканчику, другому за улов и окончание мучений, но сил нет, консервы и бутерброды не лезут в горло. Хочется только побыстрее добраться домой и отлежаться, но до этого ещё далеко. При въезде в город, надо развести мешки и рюкзаки-с рыбой оставленной специально в них, для себя и прямых адресатов, просивших привести. Если адресат ко времени нашего приезда был не готов к приёму заказа, то заказ из мешков вываливался ему прямо в ванну. Дальше, были его трудности, как до утра освободить ванну для семьи. По себе знаю, что такое полная ванная грязной рыбы. Хорошо когда ещё соль есть, а так всю ночь раздаешь её соседям, уговаривая последних принять, в обмен на соль. До утра кипит работа. Лучше когда завозят сразу в гараж и ты ко всёму готов, тем более, если гараж у тебя, на катерной, и рядом река. Там сразу можно помыть, засолить в

бочку и опустить в подвал. Запасы если не на всю зиму, то надолго. Знай потом отмачивай и вывешивай. В любом виде она не лишняя к столу. А так, в квартиру, не приведи господи....

Развезя рыбу по адресам, направляемся к складам солдатской столовой. Обеспечить часть речной рыбой на зиму - святое дело каждого гражданина Советской страны.

Разгрузившись на складах и поставив машины в автопарк, облегчённо вздыхаем. Затем расслабляемся. К этому времени появляется второе дыхание и желание... Заканчивается поездка, как всегда в гаражах, сытной и изысканной закуской и хорошо, когда утром, командир разрешает не выходить на службу.

Всё это вместе, примерно, называется поездкой за рыбой. В сезон у магазинов рыба кучами, прямо на асфальте, стоит копейки, бери - не хочу. В реке Сыр-Дарье, прямо в городской черте, на удочку или закидушку можно натаскать рыбы сколько угодно, но тогда забудьте о трудностях, позарез необходимых настоящим мужикам.

Теперь, прочитав мои строки, вы легко, везде и всем ответите, чем отличается рыбалка от поездки за рыбой. Конечно, если вы Русский человек и думает по-нашему, - по-русски.

Золотое было время. Часть обеспечивали, до не хочу, себя не забывали, а главное искали и находили трудности, а, как их потом стойко преодолевали. Это надо было видеть...

Полноводная когда то река Казахстана, как вы знаете, сильно обмелела. Советская держава канула в века, круги от неё разбежались по временной глади, и исчезли. Смотри, не смотри - нет ничего. Только оторванные грузила прошлого осталось на дне наших растоптанных сердец.

СОЛНЫШКО

Работа по устранению повреждений на кабельных магистралях занимала всё рабочее время и даже личной. Причин этому было много, понять которые могут только специалисты. Содержать их в норме и рабочем состоянии было основной работой группы регламента и эксплуатации кабельных линий связи или кабельной роты, как её называли все, кто в ней служил, в том числе и Ваш покорный слуга. Как не планировали рабочее время, а его всё равно не хватало. Работали по ночам и в выходные дни. Все в роте к такому ритму жизни привыкли и в дни, когда аварий и повреждений на все команды не хватало, даже чувствовали себя, не в своей тарелке. Службу и работу свою любили все в кабельной роте, от офицера до рядового и даже гордились ей, считая её самой трудной, но важной и нужной.

В конце семидесятых и начале восьмидесятых годов в Армии не говорили о 45.часовой рабочей неделе и о нормированном рабочем дне. Родина требовала от нас подвигов, и мы их не задумываясь, совершали. День за днём, неделя за неделей, так было надо, служба - прежде всего. Получить «отгул» надо было ещё, умудриться, найти серьёзные основания. Офицеры, как костяк армии, люди сознательные, во всяком случае, в абсолютном своём большинстве, тяготы и лишения переносили, стойко и молча. Солдатам и сержантам дни отдыха вообще были кошмаром, они рвались «в бой» лишь бы не сидеть в казарме. Они служили по принципу, чем больше солдат занят, тем быстрее летит время к Дембилю. Беда была с прапорщиками, начальниками аварийных команд, которых без дела оставлять было не желательно. Кабельную роту ими укомплектовали переводом из других подразделений и частей в наказание за что-то, как правило, для исправления за провинности связанные с употреблением спиртных напитков. В члены КПСС они вступать не стремились, из комсомола выбыли, кто по возрасту, а кто и просто забыл о своём членстве в нём. Но, как бы там ни было, изучив специальность, они становились мастерами, а мастерство, не пропьёшь. Работать умели. Вот только отдыхать у них нормально не получалось. В этом была их беда и горе подразделения.

● В письме старшего лейтенанта Авдеева говорилось о случаях зажима критики на партийных собраниях подполковником Чухнаковым. В результате проверки, проведенной работниками вышестоящего политотдела, выяснилось, что эти факты действительно имели место. Офицеру Чухнакову указано на необходимость строгого соблюдения требования Устава КПСС о критике и самокритике.

Из газеты «Красная звезда»
(окт. 1978г.)

1983г. Кабельщики.

(слева на право) 1-й ряд: Полякова Н, В.Матросов, М.Авдеев, Н.Скиба,
2-й ряд: Соловьёв, А. Казарцев,
А.Мостовой, Ю. Куталов, А.Сосна,
Ю.Ананьев...

Не занятый делом прапорщик это считай «ЧП». Ребята замечательные, мастера от бога, но кода их подчинённые на занятиях, машины в парках, глаз, да глаз за ними нужен. Острограмятся в момент и когда потребуется срочный выезд на Аварию, их уже нужно будет заменять офицерами. Воспитательная работа, меры воздействия, ненадолго отодвигали событие. И тогда посоветовавшись с начальником группы, Ю.М.Пономарёвым, тогда я был секретарём партийной группы, - мы решили самостоятельно в подразделении предоставлять отгулы прапорщикам, в дни, когда мало

работы. Кстати, в группу я прибыл из бригады и проходил не официально, как «политически не благонадёжный», с не снятым выговором по партийной линии, за критику работы секретаря парткома полка на отчётно-перевыборном собрании. Короче, как и большинство прибывших в группу при её реформировании на новый штат.

Сначала проставляли в графике нарядов «солнышко» за переработанные часы и дни, а в дальнейшем даже впрок, на будущее. Идея пришлась всем по душе, и стала нормой планирования занятости прапорщиков. В графике просто рисовалось солнышко, в точности такое, как его рисуют дети, кружок и чёрточки в разные стороны. Теперь каждый из прапорщиков знал свои дни отдыха и мог планировать, что-то по дому и в семье. Если отдохнуть всё же не удавалось по известной причине, всё планомерно переносилось по дням. Проще сказать мы перевели группу на режим труда и отдыха заложенный в Советской конституции и законодательстве. Без шума и трескотни мы сделали то, о чём тогда и мечтать не могли офицеры прапорщики в армии, хотя и говорилось об этом, если возникала конфликтная ситуация в какой то части или подразделении.

При составлении графиков и проставлении в нём «солнышек» старались учитывать всё, чтобы работа не пошла на самотёк, и люди могли отдохнуть. Если у кого-то был день рождения или иное большое событие оно заносилось в график, чтобы не забыть. Если даже удавалось в знаменательный день отпустить человека пораньше с работы, то на следующий день ему в графике обязательно рисовали солнышко. Искать не надо, в отгуле побудет и придёт через день нормальным. В чередё беспросветных трудовых будней, «солнышко» поднимало настроение. Дисциплина улучшилась. Теперь каждый старался работать не только за себя, но и чтобы не омрачить ясный день товарища. При составлении графиков на месяц наши прапорщики теперь уже просили нарисовать солнышко не только ему, но и своему товарищу с которым собирались праздновать праздник. Проставляли, подменяли, зато работать люди стали, не считаясь со временем суток и днями недели. Даже сами, частенько, напрашивались на аварийные тяжёлые работы, чтобы заполучить радостный рисунок впрок. Позднее мы расширили хорошо зарекомендовавшую себя идею и на офицеров. Сейчас это вроде как в законе и даже заговорили, что военнослужащие тоже граждане страны, а конституция и законы стоят на страже наших интересов. В те времена о законах скромно умалчивали, делая акцент на героический ратный труд во имя светлого будущего, высокие моральные качества

Советского человека и защиту великих завоеваний социализма от посягательств на страну Советов, её целостность и суверенитет. Когда вопрос ставили конкретно, нам объясняли, что 25 лет до пенсии даётся не зря, а потом ещё и пенсия вам весьма приличная, плюс квартира и все другие блага после увольнения в запас. Причин оспаривать не было. Социалистический строй гарантировал спокойную и достойную старость. Даже во времена Горбачёвской перестройки никто и не думал, что так всё далеко зайдёт. Преданная вождями страна рухнет, погребя под собой всё и вся. Но, до этого тогда было ещё далеко.

На деле и сегодня мало что изменилось в Армии и на Флоте, не считая уравниловки в окладах и пенсиях с туеядцами и лодырями советского прошлого, до полной ликвидации Советских «благ». Осталось только подаяние на милость победителей. Обречённая страна, поруганные и обескровленные Армия и Флот, народы с украденной у них национальностью, обречённые на вымирание, как и страна, вынужденные покорно нести свой крест. Забывая своё прошлое, не имея будущего.

комсомол - будущее партии

Ну, а пока наш прапорщик В.Матросов, получив среди недели «солнышко», облачившись в нарядные одежды, вышел из дома и не таясь направился за пивом. Пивной ларёк находился недалеко от части, возле летно-технической столовой, куда иногда завозили свежее местного пивного заводика пиво. Ещё свежее оно напоминало пиво, но уже через несколько часов превращалось в «настоящую бурду». За неимением выбора радовались и этой удаче, если оно доставалось, отстояв длинную очередь.

Имея законное право, он решил спозаранку занять очередь у киоска, чтобы под вечер «культурно» отпраздновать свой день рождения в кругу семьи и друзей, с жёнами и детьми. Всё шло по плану, но на грех недалеко от пивного ларька, в кабельном колодце его подчинённые обнаружили повреждение на кабеле связи. Они пытались заменить пролёт кабеля, но у них ничего не получалось и они пытались снова и снова вытянуть кабель из залившегося кабельного канала, но безрезультатно. Заметив свою команду, Матросов подошёл к людям поздороваться, справится о делах, а заодно скоротать время, до подвоза пива. Бегло оценив обстановку бросил совет, затем другой. Пробовали потащить машиной, но всё бесполезно, конец кабеля отрывался, только усугубляя ситуацию. После очередной неудачной попытки сам сел за руль автомобиля – не получилось. «Не умеете крепить кабель к тросу...» - выдал Матросов и как был в белоснежной рубашке, наутюженных брюках и сияющих на солнце штиблетах, так и кинулся в грязный колодец. С первого раза не получилось и у него, и он снова и снова

когда-то он висел повсюду

спускался в колодец. Усаживаясь за руль машины, он пробовал и пробовал сдвинуть кабель с мертвой точки. Наконец-то кабель подался и потихоньку пошёл. Володя Матросов с азартом занимался своим любимым делом и конечно доказал свою правоту и показал молодёжи, как надо утирать соплю.

Когда он вспомнил о пиве, киоск уже был закрыт. Пиво давно разобрали, а рабочий день в части шёл к концу. Начальник группы, Ю.Пономарёв, обеспокоенный не

прибытием команды на обед в столовую, направился к месту аварии, чтобы узнать причину, а заодно посмотреть и оценить состояние работ. У колодца, в кругу своих подчинённых и друзей прапорщиков, собравшихся к нему на торжество, стоял грязный как чёрт - наш именинник - Вовчик Матросов. Водитель МРТК (машина ремонта тяжёлого кабеля) пытался очистить его ветошью, друзья смеялись, а Владимир стоял смущённый и только повторял: - « Как я в таком виде покажусь на глаза жене и главное абсолютно трезвый...». Безусловно, командир, поставил ему в график ещё одно «солнышко» на следующий день и друзья поспешили к праздничному столу в надежде на понимание со стороны супруги.

Шёл 1983 год, обычный год очередной пятилетки, самой огромной державы мира - Союза Советских Социалистических Республик. Солнце демократических перемен ещё не всходило, до рассвета было далеко. На космодроме набирая темп, шла международная программа – «Интеркосмос». Осознание своей причастности к большому государственному делу подталкивала тружеников Байконура на подвиги. Вот и наш В. Матросов стал одной из жертв перевозбуждённого сознания, повторяя подвиг времён ВОВ своего однофамильца – Александра Матросова. Так было тогда... и уже никогда не повторится.

ЛЕДОХОД

Вам когда нибудь, приходилось видеть – ледоход? Не льдины, плывущие по реке, а именно его начало. Когда лёд на реке ещё стоит и вдруг треск, скрежет и началось. Огромные льдины, подталкивая друг друга, напозаю на берег, сметая преграды. Напозая одна на другую, переворачиваются, становятся на дыбы, исчезают, погружаясь в ледяное месиво, толкаясь и ломая друг друга, уходят вниз, уступая напору вод проснувшийся реки. Всё это длится не более получаса во всё сокрушающем шуме и треске, ломая и разбивая ледяные преграды, и вот уже просто плывут льдины большие и маленькие в ледяной шурпе. Ледоход пошёл. Через день, два река полностью очистится, как будто никогда не было зимы и ледового панциря. Смотри на это удивительное зрелище, не перестаёшь удивляться и радоваться просыпанию природы. В голове невольно всплывают слова из известной песни: «Веста идёт. Весне дорогу...» С ледоходом вас, с ледоходом.....

ЛЕДОХОД на СЫР-ДАРЬЕ

Мне повезло, я видел начало ледохода, но, к сожалению всего один раз в жизни. Занятые делами нам некогда следить за рекой. Только воля случая предоставила мне это видеть. Я с моим товарищем, были на Катерной и прежде чем заняться делом вышли на берег, чтобы полюбоваться рекой, совсем не думая о том, что лёд тронется так скоро и на наших глазах. Лёд на реке уже потемнел, снег на нём усел и сильно подтаял, но выглядел вполне крепким. Было это уже ближе к вечеру, когда солнце ещё не село и в свете искрящихся лучей мы стали очевидцами смены времён года на реке. Событие ординарное и повторяющееся ежегодно, но только вот мы не всегда оказываемся в нужное время у реки, наблюдая за происходящим, думается о вечном. О том ледоходе я вспоминаю, с волнением, по сей день. Всё сокрушающая стихия. Минуты и вот новая жизнь в своём вечном продолжении, в цикличности смен времён года и водвороте жизни.

РАСПРОДАДИМ РОССИЮ...

Смотришь и думаешь, что вот она жизнь и мы - люди в ней всего лишь неотъемлемая её часть, одна из ветвей существования материи. Конечно, хочется думать, что мы боги и цари природы, но естественно заблуждаемся, выдавая желаемое за действительное. От растений нас отличает только большая подвижность и только, как следствие эволюционное развитие сознания. Как утверждает современная наука, самосознание или точнее осознание себя в этом мире, присуще только человеку. Но это наука, а кто побывал в шкурке животного или скажем –

баобаба? Знают только индусы (В. Высоцкий). Ещё неизвестно, кто лучше знает жизнь и умеет устроиться в ладах с окружающим миром. Оглядываясь внимательно вокруг и присматриваясь - начинаешь сомневаться в превосходстве одной ветви над другой. Даже невольно подумываешь, что живой и не живой мир есть продолжение друг друга и не только по составу химических элементов, но и как формы существования материальной жизни. Пусть и далекой от нас, настолько, что нам никогда ни понять друг друга. Но это вовсе не значит, что она не существует. Кто-то к ней ближе, кто-то дальше, а в целом мы все взаимосвязаны и не можем существовать по отдельности. Если за время отсчёта брать вечность.

Это я к тому. Что природа, как окружающий нас мир даны не только нам, а всем нам, вместе. Отсюда и вывод напрашивается, что относится к друг другу и всему окружающему нас миру надо с большим уважением. Только в согласии, поддерживая и оберегая всё и вся вокруг можно выжить в этом хрупком мире, волею случая сбалансированного на нашей планете и дарующего жизнь, в том числе и человечеству, в виде в котором есть.

Стоя на берегу и размышляя о вечном, невольно, упираешься в реальности, нашей, обыденной жизни. Тот же треск, скрежет, давка, революции, перевороты, а дальше снова жизнь, только другая и уже для новых поколений. В прошлом Великий октябрь, Социализм, затем «демократический» переворот и вот феодально-бюрократический капитализм. Цикл прошёл? Думается, нет. Продолжение впереди. И до тех пор, пока всё не придёт в естественное русло сбалансированной жизни. Жаль, что человеческая жизнь в своей индивидуальности конечна и моё поколение уже не застанет новая весенняя пора.

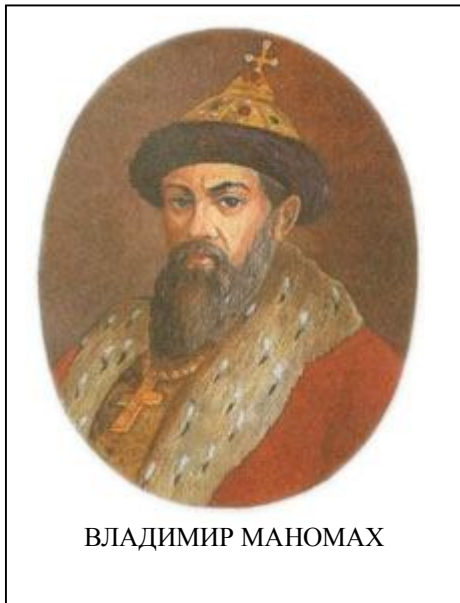
«Лёд тронулся господа» (из Советской классики Ильфа и Петрова).

Я вспоминаю прожитую жизнь, вижу происходящее и многое мне не по душе. Обидно, что Россия теряет свою государственность. Больно видеть, как нынешние предатели Родины и плебеи с рвением выполняют программу ЦРУ США, разработанную ещё А. Даллесом по уничтожению великой державы- Союза Советских Социалистических Республик, развалившегося до России, и продолжающего дробиться до мелких удельных княжеств и национальных общин.

В 1948 году Ален Даллес - создатель и первый директор ЦРУ подготовил доклад, отрывок оттуда.

"Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа; окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино - все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, предательства - словом, всякую безнравственность... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм ми вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, - все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества".

Если бы могли это видеть Великие князья, выстрадавшие и стоявшие у истоков объединения феодальной раздробленности в Великую Русь, они перевернулись в своих гробах. Сегодня, мы Русские - вновь отстранены от управления своей страной. Великие

ВЛАДИМИР МАНОМАХ

князья Древней Руси, Великий князь Киевский - Владимир Мономах, выходит Вы, напрасно прожили жизнь? Мы презренные потомки не вняли твоим поучениям и допустили надругательства над могилами предков, осквернили их память, позволили безнаказанно глумиться над собой, детьми нашими и внуками. Деградация наук и культуры, развал экономики во всех областях. Мы уже не можем обеспечить сами себя, не можем позволить своим детям, учиться, как раньше. На наших глазах падают последние Советские самолёты, вот-вот рухнут плотины, смывая города, потихоньку гаснут в домах лампочки Ильича, а там где они бы ещё и могли посветить отключаются самими жителями. Посмотрите и вы увидите, что уже многие ваши соседи не включают свет. Дорого. И это в стране, с богатейшими энергетическими запасами сырья в

мире. Природные ресурсы разбазариваются, доставляя прибыль только избранным. Страна вымирает и ей усиленно в этом помогают. Это не случайность, демографического взрыва не произойдёт, по выше упомянутому плану и планам мирового правительства, всё давно распределено и нам нет места под солнцем. Фашизм это цветики, тогда из нас хотели сделать только рабов, сегодня задача стоит - поэтапно, но полностью уничтожить нас – Россиян.

Вы подумаете, что я начитался статей лидера КПРФ Г. Зюганова. Смею заверить вас – нет. Сам до всего дошёл и когда начал искать ответы, понял, что так думают многие, кому не безразлична судьба Родины, детей и внуков. Так думают даже и те, кто не может оторваться от государственной кормушки, но из низменных, животных побуждений – молчат. Смотрите, читайте официальные новости, а собрав их, вместе проанализируйте, и станет, как божий день ясно, почему стариков и инвалидов сжигают вместе с домами ветеранов или инвалидов. Сейчас выжигают леса. Виноваты в этом не природные катаклизмы и не грибки. В стране Советов таким пожарам не было места. Надо смотреть проще и шире – в стране не должно остаться «Зелёнки», от того, что в ней могут завестись «Стёпки» Разины и «Емельки» Пугачёвы. Посмотрите, как хорошо проводить зачистки в пустынной местности, к примеру: в Ливии или в Ираке. В открытых степях не должны спрятаться даже суслики, да и нефти - газовые вышки охранять от случайно выживших аборигенов значительно легче.

«Ледоход идёт. С ледоходом вас!».

Вечный вопрос оседлавших страну:- «Что делать?» и « Как обустроить Россию?» давно решён, и не в пользу её народов, т. е. Нас с вами, друзья. Пока мы пели днями и ночами – «По Дону гуляет казак молодой...», маскируясь под «Русских матрёшек» оккупанты учили нас танцевать «Семь-сорок», а когда народные песни смолкли, сначала робко, а потом всё громче и громче и наконец, во всю мощь разнеслось: - « Ой, мама шика дам, шика дам... Ой, мама шика дам, шика дам»

« С ледоходом Вас! С ледоходом!..»

Армия и Флот. Как единственная опора и единственные союзники Российского государства, зацелованные властью имущих, лежат на рениамационных столах. Контрольные поцелуи в лоб в виде «Указа о денежном довольствии военнослужащих...» - на прощание от «Абосралисимусов» «банановой страны». Из потешных полков Великого Петра вышедшие, к ним же и вернулись.

«Банки вместо танков», но история России не знает случаев, чтобы, когда-то и кто-то вернул ей деньги, наивно думать, что это произойдёт в обозримом будущем. Законные, праведные не возвращали, а нынешние – Грязные – этому полная гарантия.

Сегодня нам разрешают ещё ловить рыбу в отравленных водоёмах и реках, но уже завтра запретят собирать грибы и ягоды в лесах. Это не бред сумасшедшего пенсионера. Всё идёт к этому и по сценарию. На нашей с вами нефти за рубежом люди процветают. Нам достаются остатки от них и по ценам победителей. Хотя я уже не уверен. Что что-то ещё принадлежит нам - как гражданам России. Судя по ценам на бензин - ничего. Продали страну полностью и всё только для того, чтобы выслужится перед хозяевами и получить, если не себе, так хоть своим детям разрешение на жительство в сытом и цивилизованном мире. Поэтому когда говорят наши Смотрящие за страной о нашем Народе, надо понимать правильно - речь идёт о благосостоянии их народа, но никак не о нас с вами. Нас не должно быть и не было бы уже, если бы картошка не уродила и грибами - бы не запаслись.

« Подожди! Слышь, Пацан!... У нас будет лучше.... Только опять не сегодня. □... У нас будет лучше ...Хуже уже просто некуда, А значит, будет лучше...» (Роман Карцев)

«Ледоход идёт. С ледоходом вас!».

Конечно, будет лучше, если доживем или хотя бы поймём новый Инновационный процесс или уясним само слово - Инновации,... А так будет лучше...

12 ноября 2011года на моем родном «Пензадизельмаше» проводился конкурс токарей среди предприятий области. На станках первой после военной пятилетки, участники конкурса точили «болванки под снаряды сорока миллиметровых пушек» - Смерть врагу - «конец» расчёту. Это ноу-хау. Если завтра конкурс продолжится среди плотников, на сооружение землянок, под видом - кто больше забьёт гвоздей в доску, значит, я глубоко ошибался в недалёковидности наших руководителей. Страна оказывается, полным ходом осваивает Инновации и серьёзно готовится к большой партизанской войне с захватчиками....

«Лёд тронулся Господа...»

Через пару дней мы вновь были у реки, но лёд прошёл и только вынесенные далеко на берег большие льдины, ещё лежали на берегу, истекая каплями под пригревающим

плакат нашего времени

весенним солнцем и мелкими ручейками возвращаясь в свою бурлящую стихию. Ещё на какое-то время ночные заморозки задержат их на берегу, но ненадолго.

«Весна идёт, Весне дорогу...».

Когда я пишу эти крамольные строки, за окном уже ноябрь. Впереди зима, но весна придёт, и нет таких сил, которые смогли бы остановить круговерть жизни и её всепобеждающей силы.

На днях, 27 октября 2011год, появилась на свет моя вторая внучка – Софья Сергеевна! А значит «Весна идёт, Весне дорогу...».

ДЕЛО ВРАЧЕЙ

Прожив половину жизни, я никогда не лежал в больницах или госпиталях и кроме зубных врачей не встречался с другими. Хорошая наследственность, активная жизненная позиция оберегали меня от напастей, а порой так хотелось поваляться в постели, не пойти в школу или отдохнуть от служебных забот. Правда меня доставала ангина, но она проходила быстро и, как правило, на ногах.

Сейчас, когда пишу эти свои рассказы, я - «практически здоров»,- Слава богу. Так, что подождать ещё придётся..., если же не произойдёт со мной, что-то «непонятное и внезапно»... Уж больно расписался за последнее время.... Даже друзья притихли... Ну это я уже проходил, не впервой мне... А так, - дай боже и всем тоже.

«Мечта» сбылась, когда я, будучи уже командиром части. Запустил малозаметный укол на пальце. В заботах своевременно не обратился к врачам, а когда жена настояла обратиться к врачам, чуть не потерял палец на руке, благо начальник гнойной хирургии госпиталя на Байконуре, был виртуозом в своём деле и сохранил его, перебрал по частям и собрал заново. Полежать

2011г.

Военный госпиталь. Пензы

не дали, зажило быстро. В памяти остался только замечательный коллектив отделения, о котором я и сейчас вспоминаю с благодарностью.

Когда увольнялся из Армии, врач- женщина, ещё до медицинской комиссии смело написала в медицинской характеристике десяток хронических заболеваний. Не удивляйтесь, говорила врач, всё скоро начнёт проявляться т.к. люди с возрастом не становятся здоровее. Вскоре сняв португепю, стягивающую меня без одного месяца тридцать лет, и расслабившись, начал понимать, как она была права.

Однажды вечером меня схватил приступ. С ужасными болями меня доставили в госпиталь с подозрением на выход камней. Консилиум лучших врачей полночи пытался поставить диагноз. Поставили, но домой не отпустили, ни через день ни через два. Песочек просыпался, наверное, и его не стало, врачей беспокоила моя почка. Две недели непрерывных исследований, порой весьма не приятных, в целом не омрачили моего беззаботного время проведения в госпитальном отделении. Что бы чем-то занять время рисовал портреты больных и медперсонала, занимавших очередь позировать к больному рисовальщику. Когда госпитальная койка изрядно поднадоела, и я засобирался выписываться, начальник урологического отделения, – капитан Скиц Константин Николаевич, вызвал к себе и омрачил мою весёлую жизнь не шуточно, предложив операцию на почке. «Соглашайся: - уговаривал он, вскроем, посмотрим, если это только то, что предполагаем - плёвое дело. Я сам буду оперировать. Опыт достаточен, всю Афганскую войну оперировал, да и помогать мне будут все светила госпиталя во главе с главным хирургом. Соглашайся, продолжал он, в госпитале Вы Полковник, а уедите в свою Пензу, кому Вы там нужны будете...».

Посоветовавшись со своим домашним главврачом- женой Аллой, дал согласие на операцию. Операция была серьёзной, об этом сказали жене, ну, а мне навесили» лапшу на уши, чтобы не волновать. Я, конечно, догадывался, что всё не так просто, как говорят и в день операции, рано утром на всякий случай вышел во двор госпиталя, возможно в последний раз посмотреть на солнце, а там, как будет.

Волновало меня больше всего, помню, что голым буду валяться в операционной среди толпы народа. Когда мне оперировали палец, начальник гнойной хирургии полковник А.А.Лебедев, пошёл мне на встречу и штаны на время операции не снимали. Здесь же другое дело и ничего поделать нельзя.

Проснулся среди ночи в реанимационной палате. С привязанными к койке руками и ногами. Трубка в горле мешала дышать. Дежурившая у кровати медсестра помогла избавиться от неё, а затем я уже уговорил сестрёнку и освободить от ремней. Я остался жив, хотелось только, что бы быстрее закончилась ночь, и меня перевезли в родное

отделение.

Всё прошло удачно и вскоре уже мои друзья и нач. отделения поднимали стаканы за моё здоровье. Коньяк и конфеты дополнили на прощание нарисованные портреты замечательных людей отделения.

В Конце девяностых годов госпиталь на Байконуре ещё был лучшим среди госпиталей страны, как впрочем, и военная поликлиника, где долгие годы работала моя жена. Замечательные врачи, мастера- виртуозы своего дела, слава о которых гремела от Казахстана до Москвы. Многие из них значительно пополнили Военную хирургию, как науку, многие имели научные труды и даже отдельные инструменты и приспособления назывались их фамилиями. Хороших врачей было много тогда. Их знали и уважали в городе.

Они делали всё, что могли, творили чудеса и не искали выгоды. Данный им богом дар – исцелять людей отдавали людям и видели в этом своё высокое призвание врача. Не зря существует выражение, что «все профессии от людей и только три от бога - судить, учить и лечить».

Прошло время, окончательно сменился государственный строй и вот я в Пензе, и, как на грех снова с пальцем в отделении гнойной хирургии, но уже 6-ой городской больницы имени Г.А. Захарьина. Обрезая деревья на даче, загнал сливовый шип в палец. Помня прошлый урок, решил не затягивать и поспешил к врачам. Сначала обратился в военный госпиталь, который находится по улице Кирова, где мне и отказали в помощи. Оказывается у них накануне, обвалился потолок в операционном отделении и благо, что люди не пострадали. Здание госпиталя действительно очень старое. В 1781 году в нём заседали Пензенские воеводы, затем в нём размещалась духовная семинария, в которой, кстати, учился Николай Николаевич Бурденко-Русский, советский хирург, основоположник нейрохирургии. Главный хирург Красной Армии(1937-46г.), академик АН СССР, АМН СССР, Герой соц. Труда, генерал-полковник медицинской службы, участник всех войн, начиная, от русско-японской и до великой отечественной войны. В этом здании размещалась земская управа и снова госпиталь. Реконструировалось здание всего один раз, после большого пожара 1858года, когда сгорела почти вся Пенза, не считая мелких косметических работ проводимых больными госпиталя. Сейчас он закрыт, в связи с переменами в Армии.

Имеется в Пензе и другой госпиталь, по проспекту Победы, года два- три, как введённый в эксплуатацию, для ветеранов войн, но он принадлежит Минздраву Пензы и военных не принимает.

Положили в стационар городской больницы. Отделение, как ночлежка бомжей в подвалах домов, приличная мебель вся разворована, постельное бельё с собой обязательно. Десять лет демократических перемен не прошло бесследно. Врач 1-ой категории Н Пономарёв, не смотря на мои слова, занозы в пальце, наощупь, не обнаружил. После десяти дней уколов меня выписали, так и не умудрившись поковыряться в пальце. Невольно вспомнились слова Константина Николаевича Скица:-

« Уедите в Пензу, кому Вы там будете нужны...»

КУДА ИДТИ, КУДА
ПОДАТЬСЯ
РУССКОМУ
МУЖИКУ...

Возвратившись домой, я сам принялся за операцию и с помощью жены извлёк из пальца деревяшку, размером немного меньше спички. Упаковав наглядное доказательство, я намеривался на другой день засунуть её ... врачу 1-ой категории отделения гнойной хирургии Николаю Пономарёву. И сделал бы это, но жена, поняв мои намерения, выкинула свёрток с занозой и предупредила подонка. Найти его в ординаторской и отделении не удалось. Исчез Мерзавец 1-ой категории, спрятался от благодарного больного, а жаль.... На прощание я посоветовал врачам отделения снять ярлыки на халатах и на поборы от больных купить, хотя бы одну на всех книгу по основам хирургии. Оказывается, надо было отстегнуть деньги этому Рвачу, а мы не догадались. Жили ещё светлым Советским прошлым, в то время, как страна перевернулась с ног на голову. Ценности поменялись, Врачи стали - Рвачами, законы – понятиями, а мы таковых не

имели.

С одной почкой люди живут. Но оберегать её надо. Поэтому. Как только очередная ангина дала о себе знать, я к «Рвачам». Здание военный госпиталя стояло в руинах, да и обращаться в него не было смысла. Он и сегодня не работает, и ждет своей участи.

Не экономя денег на здоровье на этот раз, начитавшись рекламы, явился в частную клинику самого профессора С.С.Лиманского, это тогда было на улице Пушкина 10 (2005г). Светило местной науки и практики, всего по 800 рублей за приём взялся вылечить мне гланды. Сколько приёмов должно было быть, умолчал. Уже на третьем сеансе, я понял, что это обычный Шарлатан, меня, как и других людей разводивший на деньги.

А, как хорошо начиналось. Очереди, нет. Всё по времени. Оплатил, проходи дальше. Подход врача к пациенту – «отлично», отход от него, - «отлично», выполнение магических упражнений палочками с ватой на концах – «не результативен», и в конце приходите через день – лечение продолжается. Умеют же люди из нечего делать деньги. А главное народ идёт, верит и надеется, город большой, пока дойдёт до всех истина.

Мне повезло. Я вовремя открыл глаза и бегом в городскую, опять в 6-ю имени Г.А.Захарьина, в ЛОР отделение, с направлением из поликлиники на удаление миндалин. «Давно надо было это сделать:-, сказал начальник этого отделения в приемной, выслушав мои похождения к профессору - Самому Станиславу Степановичу Лиманскому -, лечить там уже нечего». Два дня, пока готовились мои анализы, все врачи и практиканты отделения и не только нашего, приходили осмотреть меня и посмотреть на меня, и, уходя, смеялись. Оказывается этот профессор, читающий лекции на курсах повышения квалификации врачей области, в операционные дни подрабатывал в ЛОРОтделении – «медбратом», «в награду» забирая с собой в свою клинику, всё, что оставалось после операций, включая списанный инструмент, посуду и т.д. и т.п.. Сегодня у Лиманского уже сеть клиник по городу и если набрал толковых, то возможно, что даже и лечат здоровых людей, но лечить больных, как надо, без государственных больниц частные клиники пока не в состоянии. Присосавшись любым боком к государственным больницам, они высасывают все, что можно из государства и людей. На другое наши частные клиники увы, - не способны и это надо признать. Другое дело - если делать вложения нашим «олигархам», простите за выражение, и большие, и не в Израильские клиники. Может тогда и когда – то, вновь появятся – Врачи, а не Рвачи.

Наученный горьким опытом, как я не пытался денег с меня не взяли, ни до, ни после операции. Видать с "Жертв" профессора С.С.Лиманского- деньги не берутся....

Операцию мне делала пожилая женщина-врач, параллельно обучая молодого врача отделения. Во время операции профессор Лиманский сновал по операционной, с какими - то подносами. Узнал он свою жертву или нет, спросить я уже не мог, по понятной причине. Выписываясь из отделения, я всё же изловчился поблагодарить, по старой Советской традиции, врача проводившего операцию мне, бутылкой шампанского и коробкой конфет к Международному женскому дню – 8 Марта, накануне которого и покинул больницу. Могут, оказывается, когда захотят, а главное, сделал я вывод для себя: - « Если врач не может лечить и вылечить - бесплатно, он и ни за какие деньги не сможет этого сделать». Диагноз правильно и то не поставит за деньги, а уж без них и рта не разинет. Двадцать лет всё же прошло после Советской власти. Тот, кто мог

Старая Пенза (фото 2011г. вид на реку).

Операцию мне делала пожилая женщина-врач, параллельно обучая молодого врача отделения. Во время операции профессор Лиманский сновал по операционной, с какими - то подносами. Узнал он свою жертву или нет, спросить я уже не мог, по понятной причине. Выписываясь из отделения, я всё же изловчился поблагодарить, по старой Советской традиции, врача проводившего операцию мне, бутылкой шампанского и коробкой конфет к Международному женскому дню – 8 Марта, накануне которого и покинул больницу. Могут, оказывается, когда захотят, а главное, сделал я вывод для себя: - « Если врач не может лечить и вылечить - бесплатно, он и ни за какие деньги не сможет этого сделать». Диагноз правильно и то не поставит за деньги, а уж без них и рта не разинет. Двадцать лет всё же прошло после Советской власти. Тот, кто мог

лечить, давно состарились и не практикуют. Толковые убежали за рубеж. Ну, а которые остались, сами понимаете...

Рано, слишком рано закрыли «Дело врачей»... Открытое ещё при В.И. Сталине, оно было бы сегодня особенно кстати. Хотя, и только ли на врачей дело открывать надо.... Ну, а если надо, так действуйте не оглядываясь.... Советская власть не боялась смело и решительно бороться, защищая себя и своих граждан от бандитов и жуликов всех мастей.

Вот, к примеру, в двадцатых годах прошлого столетия, всю Пензу держала в страхе банда во главе с Альшиным, цирковым акробатом по кличке Але, родом из Бессоновки. Банда Але, как её называли в те годы, грабила и убивала не только в Пензе и Пензенской губернии. Банда совершала рейды в столицы: - Москву, Петербург. Сотня головорезов скрывалась сама, и прятала награбленное ею добро в Пензенских подземельях. Подземелья Пензы - это крепостные ходы сообщения, которые соединяли под землёй не только крепостные сооружения, но и все церкви, монастыри, дома воевод, городона начальников и священников, проходили даже под рекой и выходили далеко в лесах. Они существуют и ныне якобы не изученные и покрытые тайной. Достать бандитов оттуда было нелегко. Бесследно исчез даже вооружённый отряд чекистов и чоновцев (ЧОН) пытавшийся обезвредить банду. В итоге пришлось (в 1924 году) властям, замуровать входы и затопили водопроводной водой часть подземелья. Однако кое - кому из банды всё же удалось уйти. Только в 1928 году банду перебили полностью, кроме одного, правой руки главаря. А, чтобы успокоить население, заспиртованную голову самого главаря Альшина, в прозрачной емкости, месяц выставляли в Никольском монастыре, это в центре города, ныне на этом месте находится не действующий кинотеатр-Родина. Рядом с емкостью был трафарет с указанием всех его «подвигов». Голова бандита и сегодня хранится в музее, при первой областной больнице имени Н.Н.Бурденко.

Жутко. Зато, почти сто лет в Пензе спокойно. Хороший пример, не правда ли?

При нынешнем Разгуле, проставлять «Точки не возврата», особо продвинутым персонам, считаю, необходимой и разумной мерой, при лечении общества от головной боли. Болезнь запущена и прогрессирует. Это уже настоящая эпидемия. Лечиться надо и срочно.... Думаете, диагноз поставить не кому? Ошибаетесь. Услышать боимся, а уж о лечении и говорить не приходится.

Время вылечит, безусловно, если оно у нас останется.

СУДЬБА

В детстве, наверное, каждый человек при мысли о смерти испытывал глубинный страх. Как же так, почему люди не живут вечно. Что будет, когда меня не станет?

С годами это проходит, а когда солнце жизни уже катится к горизонту, уже перестаёшь думать о себе. Все мысли, заботы, даже не столько о детях, сколько о внуках, как реальном нашем продолжении. Никакие мысли о бесконечности жизни не успокаивают, только бы у них всё было хорошо. Думая о них и вечности, начинаешь понимать, что трагедии всегда индивидуальны и имеют ограниченные пределы.

Это пока
герб
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

По сути своей Жизнь, если она уже реально существует вокруг нас, не случайность, а закономерность в бесконечности своих проявлений, в бездне галактик и вселенных. Она всюду и будет всегда, кружась в спиральных законах существования мира, исчезая в одном месте и зарождаясь в другом. Проходя весь цикл божественного создания её. Да и на нашей планете мы не первые и последние. Это подтверждают археологические находки, вопреки нынешним научным догмам, указывающие на то, что человеческая раса уже, как минимум четвертая на нашей планете. Следы деятельности наших предков, имеют четверть миллионную давность и это на земле, живой и изменяющейся. А значит где-то, на соседних планетах, следы деятельности наших предков сохранились лучше и находятся в первозданном виде уже миллионы лет.

Осознание вечности жизни успокаивает, оставляя надежду на будущее человечеству всему живому, а значит и нам с вами. Родившись и дав жизнь следующим поколениям, мы уходим, уступая место своему продолжению. В индивидуальности жизни каждого из нас, залог выживания всего человеческого вида растянутого в вечности. Если же верить наукам, то вечность и бесконечность имеют пределы, а начавшись в одном месте, заканчиваются в точке своего начала. Выходит, что мы повторяем сами себя в хаосе происходящих закономерностей. Естественно понимая, что и Хаос, есть не что иное, как огромная совокупность закономерностей, которые нам, пока, понять не под силу.

Если весь смысл жизни только в продолжении самих себя, то кому это нужно и зачем. Не верю, чтобы не было высшего смысла. Если представить, что земная жизнь не что иное, как кокон для порождения высшей формы существования

Награды отца

материи, разумной

энергетической субстанции, в виде – Души, тогда надо поверить в божественное сотворения мира и существование самого всевышнего. А это мне, как человеку рождённому атеистом понять не суждено. Получается, что радости земные даны кем-то, как стимуляторы для роста и размножения, а беды, как кара в наказание за непослушание. Инкубатор какой-то получается на земле. Хотя, по отдельности, в сосуществование душ и других параллельных миров, я верю. Я даже верю в то, что когда то энергия нашего сознания, мысленно и в любой точке мироздания, способна будет обеспечивать человечеству земные блага. Для кого-то мы станем даже Богами. Вот только соединить наш мир с другими, не могу. Надеюсь, что когда то Наука объяснит единство Мира, но я об этом уже точно не узнаю.

А где же тогда божественное Чудо, спросите Вы? Точно не знаю уже и сам, но думаю, что чудеса начинаются там, где покидает нас разум. При безумности деления вечности на бесконечность, в результате получаются отрезки длиной в жизнь. Вот эти отрезки и есть, наверное, - Чудо. Чудо жизни всего и, как части живого - Чудо рождения и жизни Человека. Жизнь, в свою очередь, делится на мгновения, а сколько таких мгновений выпадет на каждого из нас, не ведомо никому.

Чтобы не сойти с ума и не выдать глупость крамольную, я принимаю за истину; что мир вокруг нас бесконечен в формах материи на всех уровнях пространства и вечности. Человечество в Бездне миров занимает свою нишу, вместе с нашими соседями по планете, будет жить долго и найдёт решение - жить вечно. Земля - это наш рай и ад одновременно, отсюда мы будем «плясать» по вселенной и во вселенных. Ничего, что в образе разумных и жизни радостных обезьян, зато, краше нас никого нет во вселенной. Мне нравится наш зверинец, другого не хочу, но и своё зверьё в обиду пришлым не дам.

А жизни нам, сколько не дай - будет мало. Судьба хоть и происходит от слов – Суд Божий, но зависит от нас полностью и конечно же, от воли случая. Другими словами, Жизнь, положенная на хаотическую закономерность и есть Судьба. Все, всё и вся имеет свою судьбу.

Я, например, сам выбрал судьбу военного человека, мне повезло, что войны прошли мимо. Повезло, что я нашёл свою половину и у меня есть дети и внуки. Служба на космодроме Байконур, причастность к Большому освоению космоса, как одно событие-служение Родине, считаю главным в своей жизни. Я горжусь службой и пытаюсь рассказать о ней внукам.

2011 г.

Александра Сергеевна
Авдеева

«... наш бронепоезд стоит на
запасном пути ...»

На долю моего отца и тестя выпала - Война, один форсировал Днепр, другой оборонял Сталинград, оба получили увечья, но им повезло, они остались живы, радовались большой Победе в Великой Отечественной войне, растили детей и видели своих внуков. У них Судьба героев защитивших страну. В память об отце передо мной висят его боевые ордена. Надеюсь и мои награды, когда – нибудь, повесят рядом, мои дети, для внуков.

Другие выбрали свою судьбу, и жизнь их сложилась иначе. Одним она улыбнулась, они живут долго и счастливо, ну, а кое - кому, повезло меньше, они прожили мало. Кому какая судьба выпадет знать не суждено. Гадать, смысла нет, по нескольким точкам можно определить только вектор

направленности на данный момент и возможные её варианты, но если поступать в ладах с головой, судьбу можно построить по-разному и даже волю случая полностью изменить. Но мы люди, в благочестивых делах и грехах своих остаёмся индивидуальны и неповторимы и не задумываемся о судьбе. Мы просто живём, переплетаясь с объективными закономерностями существующими рядом с нами всегда. Каждый из нас сталкиваясь с ними, выбирает ход судьбы и в конечном итоге саму судьбу или рок, если выбор был неотвратим.

Но уж если выпало счастье появиться на свет и жить, надо с благодарностью принять её, во всех проявлениях. Бесследно ни один из нас не исчезнет. Что - то да останется.... Например; память, в сознании людей о тебе, результаты трудовой деятельности, генетическое наследие переходящее от нас к следующим поколениям и наконец, полная гамма наших душ, как энергетическая субстанция, существование которой я признаю, как факт. Нам решать, что бы мы хотели после себя оставить, при поворотах судьбы, но останется от нас всегда только след, по подобию образа сотворенного из нас судьбой.

О Судьбе с большой буквы, желательно говорить, как о законченном явлении, когда человека, уже нет с нами на этом свете. О судьбе живущих людей говорить преждевременно. Потому, что всё, происходящее с нами, это только череда событий, разных по восприятию, но возможно ещё не определяющих Судьбу человека, как окончательный вариант. А вот судьбу людей, которые давно умерли, но ещё живут по инерции (Зомби), можно предугадать. Рано или поздно, их поросшую паутиной мумию, обнаружат соседи через несколько лет после кончины, сидящим за кухонным столом или лежащим на диване. Они сами себе выбрали затворнический образ жизни, исподтишка гадя окружающим и добродетелям по ущербности мышления, предопределив свой исход и судьбу. Такую Судьбу, я бы не пожелал даже врагам своим. Подобные люди не в состоянии ответить, в чём смысл их существования. Умереть бояться, жить, как нормальные люди не могут.

Судьба, рок, удача и вечность. Наговорил много. Поймут ли меня? Но, видно, время пришло высказаться.

Кадачигова
Надя

Отдельных моих товарищей, друзей и просто знакомых, уже нет в живых, но, слава богу, я не последний. Давно преданы земле мои одноклассники по училищу - Володя Смирнов, Володя Ковалёв. Первый умер на операционном столе при удалении опухоли в голове. У второго не выдержало сердце. Погиб в автокатастрофе мой друг и наставник Федьков Николай. От спазма сосудов, наш добрый и не унывающий, Владимир Петрович Нестеров. Давно схоронили мою первую школьную любовь, танцовщицу - Надю Кадачигову, с которой мне так и не удалось когда-то, «задружить». Показывая своим ученикам движения танца, она упала со сцены и врачи не смогли её спасти. Нет моих добрых школьных друзей Воловодова Александра и Галочки Дёминой, с которыми мы «хилили» с уроков, чтобы посмотреть фильм Война и Мир, а потом, «таскаясь» по базару, ели пирожки с ливером, а на оставшиеся восемь копеек в магазине уценённых товаров торговались с покупкой галстука для завхоза школы. Купили. Он принял подарок в сёрьёз, поблагодарил нас и одел его здесь же, так и не поняв нашего юмора. От него в школе всем доставалось. Даже моего друга детства, Витьку «Яганчика», он сдал директору школы, когда однажды брошенная Витькой фуражка прямоком приземлилась на головку статуи Владимира Ильича Ульянова (ЛЕНИНА), стоявшей в вестибюле школы. Обошлось, но предупредили строго.

Такая на их долю выпала Судьба. Теперь уже ничего изменить нельзя. А вот на долю моего друга ещё по офицерскому общежитию и по

Друзья детства
(35 лет, как не бывало)
Я, В. Махновский, В. Яганов

службе в ракетной бригаде, Александра Трубицина, выпала даже не судьба, а Рок, хотя словари утверждают, что эти два слова имеют одинаковое значение. Не совсем согласен. Почему? Я объяснял... Теперь поясню рассказом. Мой друг Сашка «Труба», как мы его называли в своём кругу, был страстный любитель жизни, во всех её проявлениях и направлениях, а заодно и страстный любитель мотоциклов. На первой своей «Яве» гонял по всему Казахстану. Слетать из Ленинска в Кызыл-Орду, за 250 км, за пивом к столу, для него было смехотворным делом. Командование части, как чувствовало и заставило его продать чудо технику. Женившись, купил «Урал» с коляской, гонял по охотам и рыбалкам. Тонул с мотоциклом в водоемах, вытаскивал себя и его из подо – льда, пока командование снова не заставило продать железного друга... Но чему быть того не миновать. Уехав в отпуск на Родину, он, всё же нашёл в сарае, старенький «Ковровец», своего старшего брата. Отремонтировал в момент. Руки, как и голова у него были золотые. Погнал в соседнее село порисоваться и возвращаясь ночью назад не разошёлся на трассе с Колхидой - рефрижератором, пройдя под всеми её колёсами. Хоронили Сашку на Родине. От узла связи, в котором он служил, были только три человека. Комбриг, хорошо знавший капитана Трубицина, последними словами проклинал его Начальника узла связи, отпустившего Сашку в отпуск и не предусмотревшего рокового исхода.

После Саньки осталось трое детей; один от жены и двойняшки от подружки юности весёлой.

Так сложилась Санькина судьба и некого в ней винить.

Дёмина Галя
(1968г.)

Больше сорока лет прошло, а я помню, как он с лейтенантом Толиком Шелеховым, товарищем по общежитию, дурачились в офицерской столовой. Пробив сразу крупную сумму денег на кассе, заморочив голову молоденькой кассирше, они забирали все подносы с холодным компотом или все котлеты приготовленные поварами на ужин. Когда поднимался шум и переполох в столовой, а повара – девчонки просили и умоляли их вернуть покупки, они с пафосом хозяев от щедрот своих, раздавали страдающим, вечно голодным своим товарищам по «общаге», стаканы с холодным напитком или котлеты, бесплатно, в подарок.

Сорок лет прошло, а кажется всё было ещё вчера. Мы были лейтенантами. Мы были молоды и счастливы. Возможно, что на свете уже нет и других моих друзей и приятелей, о судьбе и жизни которых я, просто, не знаю. Жизнь разбросала нас по всему белому свету, затерялись следы и только память о них жива. Жива, пока жив я и те, кому судьба отмерила долгую жизнь. Тем, кого уже нет - пусть будет земля пухом, а кто здравствует, пусть живут долго и счастливо в окружении близких им людей.

. Сегодня где-то на земле живут их дети и теперь уже и внуки, а значит не всё так плохо и жизнь продолжается.

Мне повезло, раз пишу эти строки, и надеюсь, что судьба подарит мне счастье ещё побыть в кругу семьи, друзей, порадоваться внукам, а может и правнукам... Забот не уменьшается. Вот поставил вино из выращенного мною винограда на даче, в честь рождения внучки-Софьи. Очень надеюсь открыть бутылочку в день её совершеннолетия. К шестнадцатилетию старшенькой – Александры, вино уже ждёт своего часа. А ещё надо научить, теперь уже и младшую внучку, плавать и гонять на велосипеде. Хорошо бы еще чему-то нужному и умному. Успеть бы только.

Подарок ВПО «Патриотов России»
г. Камышина

Нет у стариков большей радости, чем смотреть, как подрастают их внуки. Передать бы им весь свой жизненный опыт, но это не возможно, вы знаете.

История, к сожалению, не учит людей. Каждый, родившись, познаёт мир самостоятельно и заново. Обжигаясь, набивая шишки и синяки, сравнивая и соизмеряя советы старших с личным опытом. Только став взрослыми они, как и мы в своё время, начинают осознать опыт человечества, но поступают всегда по-своему.

Когда внучка Сашенька была маленькой, она всегда, бегала вприпрыжку, размахивая веточкой, впереди нас с бабушкой, на дачу. Заботливая бабушка, не поспевая за ней, кричала вслеп: - «Осторожно Сашенька! Крапива растёт. Она кусается». Сашенька недоумевала, как это трава и кусается, и втихаря, от нас с бабушкой, шарахнула по ней ручонкой. Почувствовав ожёг, вытаращив глазёнки, оглянувшись на нас, заметили мы или нет. Не заплакала - молодец, а мы сделали вид, что ничего и не заметили. Зато теперь у неё был личный опыт, на всю жизнь. Совет, да личный опыт - великая сила в познании жизни и окружающего мира и хорошо когда есть бабушки и дедушки, которые дополняют родительскую заботу и ласку. Не надо торопить детство. Всему своё время. Зато, какое это счастье, для нас стариков, иметь свои «маленькие секреттики» с внуками. Хранить их от всех, чтобы став взрослыми и вспомнив о них, счастливо улыбаясь, вспомнить своих дедушек и бабушек.

Повзрослеют, вылетят из родительских гнёзд, и жизнь закружит их в вихре забот и событий. Мы же борясь со старческими недугами будем думать о них, день и ночь, и переживать, переживать....Хорошо если они рядом, а так, сидят наши старички у телефонов и компьютеров, записав в тетрадку и заучив несколько простейших операций

показанных им детьми или внуками, и ждут, надеются и снова ждут....Дежурят наши старички, припав к мониторам в «Одноклассниках», между делом общаясь со своими сверстниками и ждут звонка в «Скайпе», в то время, как внуки... на другом сайте - в «Контакте». И когда они встретятся, неизвестно...

Чудеса, мы ещё живые, а уже в виртуальном мире. Что это горе или беда? Думаю, что то и другое и третье... Это наша судьба - сидеть и ждать, догорая свечёй, а вдруг кто-то отыщется из детства или просто из прошлой жизни. Если отыщется, будет с кем и с чем сравнить свою жизнь, поделится новостями о внуках, вспомнить годы молодые, пороптать на судьбу и снова ждать, ждать...

Такова, правда жизни и судьба стариков. Когда всё кончается и остаётся только - Ожидание....Третье действие «спектакля» пока идёт, но скоро занавес.... Я не буду исключением....Пока бог дал, бегаю, шебаршусь, надеюсь, хотя понимаю, что кардинальных изменений или,

как говорил президент СССР - М.Горбачёв,- «Судьбоносных событий» уже у меня не произойдёт. Сколько мгновений жизни подарит судьба, не знаю, но постараюсь, как можно дольше порадоваться жизни, а потом, в конце этих моих строк, Вы сами за меня поставите «последнюю жирую точку».

Вот Вам и ЧУДО
Софья Сергеевна Авдеева
Первый день жизни

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Извините мои дорогие, что рассказал я не обо всех, и не обо всём. К сожалению - я не Лев Толстой. Писал я только о себе и только для внуков. О своих друзьях, знакомых и просто о людях, встретившихся по жизни, я рассказал только для того, чтобы полнее и ярче описать окружающую меня действительность, время в котором жил, о событиях происходящих в стране тогда и сейчас, затрагивающих меня непосредственно. Другими словами эти рассказы есть не что иное, как морально-психологический пейзаж к моему автопортрету, написанному на память детям и внукам.

В дальнейшем, если не заставят обстоятельства, писать продолжу овощами по грядкам и вареньем по банкам. Жизнь продолжается. Сегодня ещё живы и здравствуют большинство действующих лиц и исполнителей главных эпизодов моих творческих мучений. Дай бог им здоровья, счастья и многие лета. Те же, кого уже нет с нами на этом свете, пусть останутся в наших сердцах, как светлая память, а земля будет им пухом.

Прошу так же извинить, если, что пришлось не по сердцу. Напомню, это моё право, как художника, сказать: - «А, я так вижу...». Не согласные со мной, - пусть сплунут, и считают, что все фамилии, имена, название мест, времена и события, а также фотомонтажи, - не что иное, как случайные совпадения за которые, я как автор, ответственности не несу.

ЧЕСТЬ ИМЕЮ.

Полковник запаса АВДЕЕВ М.П.

20 ноября 2011 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

1. Вступление или о том, как я снова вляпался не в своё дело	стр. 3 - 6
2. Петрович	стр. 6 - 14
3. Хоздвор	стр. 14 - 20
4. Костя - Банопарт	стр. 20 - 24
5. Откровения Бывалого	стр. 24- 26
6. Косколь	стр. 27 - 32
7. От Косколя до Джекказгана	стр. 32 - 40
8. Байконурская свобода	стр. 40 - 49
9. Рады стараться	стр. 49 – 53

Часть I подготовлена к печати 24 марта 2011года

ЧАСТЬ II

10....Бурелом	стр.54 - 58
11. Если бы не Аркашка	стр.59 - 62
12. Мотовоз – это целая жизнь	стр.62 - 67
13. На рыбалку или за рыбой	стр.68 - 72
14. Солнышко	стр.73 - 75
15. Ледоход	стр.76 - 80
16. Дело врачей	стр.80 - 84
17. Судьба	стр.85 - 89
18. Послесловие	стр.90

Часть II подготовлена к печати 23 ноября 2011года

19. СОДЕРЖАНИЕ	стр.91
----------------	--------

